

Майор Измайлов

Война И Война

НОВАЯ
газета

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Редактор — Юрий Сафронов
Корректор — Инна Кроль
© АНО РИД «Новая газета»
С предисловием Зои Ерошок и послесловием Эльвиры Горюхиной

*Посвящается памяти Эльвиры Николаевны Горюхиной, ушедшей из жизни
11.01.2018, за несколько дней до подписания этой книги в печать.*

УДК [355.48(47+57:581) + 94((470:470.661))(093.3)
ББК 63.3(2)633-68ю14 + 63.3(2Рос.Чеч)ю14
ИЗ7

Вячеслав Измайлов
ВОЙНА И ВОЙНА. — М.: Новая газета, 2018. — 280 с.

ISBN 978-5-91147-029-6

Афган и Чечня. Война и война. Майор Измайлов знает, чем они отличаются и до чего же они похожи. Его дневник — лучшая прививка от боевого синдрома «борьбы за мир».

После Афгана майор мечтал больше не видеть войны. Но когда грянула Чечня — пошел туда, чтобы спасти. Пошел вслед за мальчишками-призывниками. И берёт — от своих и чужих.

Потом ему довелось вытащить 174 человека из плена чеченской войны. Как он это сделал и как он выжил, находясь под прицелом с обеих сторон, — трудно представить. Но в этой книге — все подробности.

Про столкновения с босвиками и бандитами, генералами и прокурорами, героями и подонками. Про бессилие страны: когда речь идет не о том, чтобы послать на подвиг, а о том, чтобы вытащить из беды. Про чудовищный выбор: когда перед тобой двадцать пленников, а ты должен взять одного. Про героических солдатских матерей. И про радость спасения человеческих жизней.

ISBN 978-5-91147-029-6

УДК [355.48(47+57:581) + 94((470:470.661))(093.3)
ББК 63.3(2)633-68ю14 + 63.3(2Рос.Чеч)ю14

Майор Измайлов

ВОЙНА
И
ВОЙНА

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

**НОВАЯ
РАБЕТА**

Москва

2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
ВОЙНА И ВОЙНА	
1. Из Ташкента в Кабул	15
2. Дорога на костях человеческих	17
3. Почему я напросился в Афганистан	23
4. Кабульская пересылка. О смертельной опасности при снятии с партучета	28
5. Зачем я пошел в армию?	33
6. Шинданд–Кандагар. Стрельба по банкам	44
7. «...Прошу сообщить моей маме, что я погиб как герой»	47
8. Как я был самым добрым в Афгане	49
9. Бизнес на крови	52
10. Последний рейс капитана Иващенко	54
11. Как я стал злодеем	58
12. Конфликт с особистом	60
13. Зачем мы профинансировали Советский фонд мира	63
14. Как меня воспитывал афганец Джабар	65
15. «Пересечение» Афгана и Чечни	68
16. «Сражение» за табуретку. И бой на вершине перевала Саланг	70
17. Мимо душманов — навстречу XXVII съезду КПСС	72
18. Запомни это	75
19. О дряни. И о любви	77
20. О психологической реабилитации после Афгана и Чечни	80
21. Как я плакал. Дедовщина в Западной группе войск	82
22. Паша Голенко. Смерть моего призванного	85

23.	Не хочу призывать в эту армию	88
24.	Рядовые Владимир Гришкин и Аркадий Клешторный	89
25.	Как «ураганили» село Пригородное. Первый освобожденный пленник	93
26.	Ненависть к своим сильнее ненависти к боевикам	96
27.	«Товарищ генерал, меня солдат не пускает в баню». О роли прокуроров на войне	103
28.	«Дана команда тебя ликвидировать». Как я вызвал гнев генерала Шаманова	105
29.	«Из-за твоей статьи в «Новой газете» меня трижды поднимал командующий!»	111
30.	Грозненская церковь. Генерал Квашнин. «Футбольные команды» боевиков	114
31.	Цепь грубых ошибок. Грозный в августе 1996-го	117
32.	На нас опять напали неожиданно	120
33.	«Ты этим ножом головы не резал?» — «Нет, только хлеб»	124
34.	Контрактник, убивавший детей	133
35.	Виталий Бенчарский	136
36.	Печку не ставить... Людей «убрать»	141
37.	«Умирать надо в глубокой старости, на белых простынях...»	143
38.	Взгляд из-под топчана	145
39.	Они одинаково дрожат и потеют, когда страшно	147
40.	Забудь о тех, кого спас	150
41.	Матери, отцы и дети... <i>10-я казарма</i> <i>О «сметанной» демократии</i> <i>Анна Пясецкая. Великая русская женщина</i> <i>Роза Халишкова. Как спецслужбы использовали матерей</i> <i>Надежда Чегодаева. Светлана Кузьмина. 26 месяцев в плену</i> <i>Раиса Арепьева. Война забрала у нее всех</i> <i>Как чеченская мать спасла русскую</i> <i>Люба Родионова и ее Женечка</i> <i>«Марш под арест!» Младший сержант Зайцев и его мама</i> <i>«Сынок, бей этих черных!»</i> <i>Грозный. Улицы Вольная и Маяковского</i>	153 153 157 158 160 161 165 166 167 168 171 171
42.	Акция «Забывтый полк» в «Новой газете»	174

43. Как у меня в Москве украли спасенных из плена людей	180
44. Зачем я обедал с Салманом Радуевым и Доку Умаровым	185
45. Эльвира Горюхина и... перспектива отметить ее день рождения в яме	194
46. Шамиль Басаев в гостинице «Асса» (об инаугурации президента Аушева)	196
47. Водку пил Рамзан со вкусом: как я спасал пьяных боевиков	201
48. Трудно быть честным	203
49. Сколько стоит «живой товар»	205
50. Спасение заложников наказуемо	210
51. Как я на три дня «занял» чужую жену	213
52. Для кого существовала граница вокруг Ичкерии?	217
53. Погоня за гуманитарным грузом	222
54. Рейс задерживается по причине покушения на Масхадова	224
55. Дети-заложники	226
56. Как бороться с крысами	230
57. О головорезах	231
58. Машковская парилка как источник информации	233
59. «Своя колея»	235
60. Не стать жертвой	238
61. Тamarочка и дети	240
62. Какое счастье — наконец-то инсульт?	245
Приложение. Особая папка. Люди и факты, которые многое объясняют	247
<i>О вере в Бога и людей</i>	247
<i>Ярослав Турлай</i>	250
<i>Майор Вячеслав Лукьянов</i>	252
<i>Аушев. Всегда востребованное мужество</i>	253
<i>Вячеслав Пилипенко</i>	255
<i>Лече Идигов</i>	256
<i>Об офицерах «этнического отдела»</i>	258
<i>Иса Сургуев</i>	260
<i>Мовсар Хамидов</i>	262
<i>В неоплатном долгу перед... боевиками</i>	263
<i>Сироты чеченской войны</i>	268
<i>«Откуда ты брал средства?»</i>	270
Послесловие. Миру не хватает переговорщиков	275

ПРЕДИСЛОВИЕ

Майор-философ

Я познакомилась с майором Измайловым в сентябре 1995 года.

Моя подруга и коллега Валентина Семеновна Тихомирова (Царство ей Небесное!) маялась со своим сыном-допризывником. И хотя по всем правилам у ее единственного сына должна была быть как минимум отсрочка, в московском военкомате с ней обращались бесцеремонно и грубо. А потом она переехала жить в подмосковный Жуковский и говорит мне: «Знаешь, я там такого человека в военкомате встретила, ну прямо «слишком человек», какой-то всем родной, не поверишь, но он майор...» И принесла местную газету, где этот самый майор Измайлов открыто, не таясь, от своего имени и воинского звания протестовал против войны в Чечне.

Как раз шла первая чеченская, майор отправил одного призывника, рядового Пашу Голенко в Чечню. А вскоре два лейтенантика привезли в Жуковский гроб с телом Паши Голенко.

Измайлов организовал похороны Паши, поминки. И на поминках один из тех лейтенантиков подошел, пьяненький, к майору и сказал: «Когда я вернусь в Чечню и погибну, похороните меня так же хорошо, как Пашу...» Вот тогда Измайлов и понял, что второго гроба из Чечни он не выдержит. И решился на бунт и битву.

Нет, вы только себе представьте: служащий военкомата, человек системы, и не просто системы, а действующий офицер Министерства обороны, той самой обороны, министром которой был могущественный и лично очень мстительный Грачев...

Помню, как в первом интервью, которое длилось, кстати, десять часов подряд, Измайлов, рассказывая мне об Афгане, произнесил с непритворной нежностью: «мой солдатики» и «мой мальчики». И называл каждого по имени, отчеству, фамилии, и знал, кому сколько лет и кто из какого села, города, из какой семьи.

И вот опять, говорил он, все повторяется, как в дурном сне: мальчиков-солдатиков посылают на смерть...

Для того интервью с майором Измайловым в редакции придумали заголовок. Слова взяли измайловские. Но из-за того, что это были огромные буквы заголовка, — смотрелись они прямо-таки зловеще: «Майор Измайлов: «Я не хочу в эту армию никого призывать».

И хотя майор все прочитал заранее и завизировал, со всем согласился, включая заголовок, через какое-то время мне признался, что когда уже вышла газета и он вглядывался в свои собственные слова, понял необходимость этим словам соответствовать. И дальше: надо еще что-то делать, не просто не призывать в эту армию, а что-то еще...

Случился большой скандал, в областном военкомате генералы бились в истерику, и только Измайлов был спокойный, собранный, выдержанный, почти невозмутимый.

Военные начальники грозились послать его в Чечню, а он уже сам принял решение: поедет на войну, но не воевать, а спасать от ненависти, причем спасать обе стороны.

И сколько потом майор Измайлов был на первой чеченской, я молилась за него, чтоб он остался жив. И проклинала тот чертов заголовок, из-за которого он отправился на войну.

Давно поняла: «текст слов» пишет не рука, не голова и даже не душа.

«Текст слов» пишет жизнь человека, который пишет.

Один мой друг прочитал книгу Измайлова в рукописи и сказал: «Ветхий Завет».

Эта книга — противоядие от всех видов демагогии.

И я думаю, только начав читать ее, вы восхититесь, КАК она написана.

У меня было много интервью с майором Измайловым, в них он мне всю первую чеченскую «пересказывал». Конечно, многое оставалось за кадром, но самое главное, на его тогдашний взгляд, он старался через эти интервью донести до наших читателей. А после первой чеченской мы с главным редактором «Новой» Дмитрием Муратовым сказали: «Теперь, майор, пишите сами».

И почти сразу обнаружилось, что Бог наградил его и даром слова тоже. Небального, точно и счастливо найденного слова. И — способностью превращать в образы впечатление жизни.

Вот и в книге «ВОЙНА И ВОЙНА» — не просто полное отсутствие словесной расхлябанности, а какая-то немислимая, беспредельная сила в словах. И всепобеждающая радость — поверх всех барьеров, даже в самые трагические моменты жизни.

Если у книги «Война и война» будут талантливые читатели, а я уверена, что такие будут, они обязательно отметят это.

Кстати, сам майор — очень талантливый читатель.

Когда Вячеслав Яковлевич уходил на чеченскую войну, я подарила ему «Лекции о Прусте» моего любимого философа Мераба Мамардашвили. Майор всю первую чеченскую не расставался с этой книгой. Каждую свободную минуту в казарме читал ее, подчеркивал, что-то выписывал для себя и иногда звонил мне по ночам, делаясь впечатлениями.

Помню, сижу я в три часа ночи с телефонной трубкой в руке, слушаю измайловский прямой репортаж из Чечни по поводу мамардашвилиевских лекций о Прусте и думаю: а ведь это самые умные комментарии к текстам Мераба...

А потом была конференция, посвященная Мерабу Константиновичу, на которую собрались его друзья — знаменитые философы, социологи, политики, общественные деятели, художники, актеры, режиссеры. Я позвала туда Измайлова. И он выступил и рассказал, что для него значит Мамардашвили и как именно эти лекции о Прусте помогали ему выжить и выстоять на чеченской войне. Все друзья Мераба поразились тогда, как необычно, глубоко и тонко майор понимает философа.

А потому что он сам — философ.

И не самоназванный, не самоназначенный, а по сути своей.

Так вот: о философии майора Измайлова.

Пять лет подряд занимался Измайлов спасением пленных и заложников. Каждый божий день, без перерыва на выходной или отпуск.

Обратите особое внимание, как в книге об этом просто, ни капельки не героически и почти весело рассказывает он сам: «...занимаясь спасением пленных и заложников, очень трудно быть все время на высоте. Рано или поздно ты должен занять свое место или в яме у бандитов, или в родной российской тюрьме. Конечно, я постоянно был вооружен соответствующей философией, и это помогало оттягивать почти неизбежное. Как в футболе: чтобы не пропадало чувство мяча, ты должен постоянно играть и держать себя в форме. Но в футбольном чемпионате

бывает межсезонье, когда ты теряешь форму, а потом ее постепенно набираешь. Бандиты в Ичкерии, как шины для автомобиля, внесезонные. Да и наши сукины сыны, хоть свои, но... чужие».

Или вот: «И ты не только спасаешь чьих-то сыновей, мужей, детей... Ты и себя каждый раз спасаешь».

Если идешь в бой с чувством безысходности, то наверняка станешь жертвой.

Почти каждый, кто осмеливался тогда ехать в Ичкерию или через нее, становился заложником. А меня не брали. Нет, если бы я очень захотел, то взяли бы. Но я не хотел. Как бы вам это объяснить? В общем, виктимология — наука о жертвах преступления. А я не собирался быть жертвой».

Майор Измайлов — удивительный офицер. Не курит, не пьет, не ругается матом. Хотя и праведника из себя не строит. Но, конечно, он — праведник.

Я не раз говорила с майором о спасенных им. Неужели ему совсем не обидно, что не все они даже спасибо сказали. Как будто так и надо, как будто это норма, что он колотится душой, рискует жизнью, вызволяет из плена, а они потом исчезают; не все, не все, конечно, есть такие, что пишут, приезжают, помогают, но все-таки когда сталкиваешься с неблагодарностью, как реагировать?

Измайлов отвечал: «Мне некогда думать о спасенных. После каждого освобождения я совершенно пуст. И надо срочно набираться сил, чтобы идти и спасать следующих».

Ответ на этот вопрос есть и в книге: «Люди спрашивают меня: «Сколько ж ты вытащил из плена?» Не знаю... Я не мог видеть спасенных из неволи: вытащил и забыл, лезь снова, не трать свою энергию на спасенных. Помни только о тех, кого предстоит вытащить, и о тех, кого не смог спасти».

Когда майор Измайлов сталкивался с недоверием к себе и русских, и чеченцев — не удивлялся, не злился, не обижался. В книге объяснил это так: «Я просто улыбался в душе».

«...Я видел в этом отношении ко мне очень даже человеческое. Некоторые российские военные начальники, мягко говоря, не любили меня за тайную связь с чеченцами. А некоторые ичкерийцы воспринимали меня как хитрого чекиста».

Во дворе администрации президента Масхадова во время безмятежного разговора о жизни с его охраной ко мне подошел начальник департамента государственной безопасности Ичкерии, протянул руку и сказал: «Ну, здравствуй, майор российской разведки».

Одна из чеченских женщин, годами приходившая в «Новую газету» ко мне за помощью, своей девочке говорила: «Измайлов — генерал, он во время войны многих чеченцев пострелял и сейчас своим отношением к нам искупает свою вину».

Следователь МВД России, когда Рамзан Кадыров за статью в «Новой» пытался возбудить против меня и руководителя Международной Хельсинкской группы Людмилы Михайловны Алексеевой, которой был тогда 81 год, уголовное дело, сказал: «А, Измайлов! Знаю тебя: многих чеченских бандитов ты вытаскивал из тюрем России».

Вначале подумала: ну, чистой воды Лев Николаевич Толстой! А потом поняла: нет, это круче, чем подставить другую щеку: просто улыбнуться в душе и пойти спасать дальше.

Акция «Забывтый полк» проработала в «Новой» два года. Для тех, кто не знает, скажу: забытым полком мы в «Новой» называли пропавших без вести и пленных российских военнослужащих. Именно их судьбу старался определить майор Измайлов. Определить судьбу и вытащить из плена.

Но и когда «Забывтый полк» закрылся как акция в нашей газете (а в книге вы прочитаете, почему это произошло), майор Измайлов продолжал через «Новую» спасать невольников: солдат, детей, стариков, женщин, даже граждан других государств — Украины, Белоруссии, Израила, всех *«тех, до кого не дотягивались силовики»*.

Силовики не дотягивались — а Измайлов дотягивался.

Сто семьдесят четыре человека спас, вызволил из плена майор Измайлов. И без копейки денег! Исключительно на своем абсолютном бескорыстии и абсолютном бесстрашии вытаскивал людей из беды.

Нет, конечно, спасал пленников майор не один. Сколько людей ему помогали, и каких людей! Их имена и фамилии — почти на каждой странице книги: учительница, профессор Новосибирского университета, журналист «Новой» Эльвира Николаевна Горюхина, наш погибший товарищ, депутат Госдумы и зам главного редактора «Новой» Юрий Щекочихин, с которым Измайлов не раз бывал в Чечне, тогдашний заместитель Генерального прокурора России Михаил Борисович Катышев, зам главного редактора «Новой» Сергей Соколов, полковники и измайловские друзья Вячеслав Пилипенко и Виталий Бенчарский...

Запомните эти имена.

Наш майор — герой. Но и они — герои.

Читая «ВОЙНУ И ВОЙНУ», я все время делала пометки, ставила восклицательные знаки на полях. Да, блистательный ум, талант, «любящее» отношение к человеку, кем бы он ни был... Но еще и прония, и как высший пилотаж — самопрония...

После первых измайловских интервью в «Новой» мне позвонил мой друг и коллега Сережа Кушнерев, он работал в то время во «Взгляде». Они сняли тогда несколько фильмов о майоре Измайлове, и везде — как сам, смеясь, рассказывал — он блистал своей лысиной.

Так вот, эта лысая голова его потом не раз в Чечне спасала.

К Измайлову там подходили наши особы и говорили: «Не могли бы вы, товарищ майор, на БТРе съездить туда-то и туда-то и вывезти раненых? Если вы будете без головного убора, то боевики вас узнают и не станут стрелять».

Да, у боевиков был такой приказ: «В этого лысого не стрелять!»

Майор садился на БТР, снимал фуражку, чтоб видна была его лысина, и ехал спасать раненых.

Чеченцы мне рассказывали, что это для них был второй случай за всю историю войн с Россией. Первый такой приказ касался Михаила Юрьевича Лермонтова, которого спасала... нет, не лысина, конечно, а красный, как мне говорили чеченцы, бушлат. По поводу Лермонтова у чеченцев был ровно такой внутренний приказ: в этого в красном бушлате не стрелять! Хотя Лермонтов воевал против чеченцев. Но, как опять же говорили мне чеченцы, никто и не прославлял нас, как он.

А майор Измайлов чеченцев нет, не прославлял, но он спасал и их тоже. И я помню, как один чеченец сказал мне: «Измайлов — лучший человек на свете».

Никогда не спрашивала, верит ли он в Бога.

Прочла недавно у владыки Антония:

«Господи! Я хочу взять жизнь на плечи, как берут крест, как берут трудную и ответственную задачу. Я готов жизнью заплатить за то, чтобы жить от всего сердца, от всего ума, всей крепостью и всей немощью своей».

Так вот: знает Вячеслав Яковлевич Измайлов или не знает эту молитву, но это ЕГО молитва.

Всем своим существованием подтвердил он каждое ее слово.

Взял жизнь на плечи.
Взял, как берут крест.
Достоверность — это когда есть что предъявить.
У майора-философа — есть что.

Слава богу, что его не убили на войне и на войне, и он дожил до этой книги.

Брат убитого Абдуллы сказал как-то Измайлову: «Человек должен умирать в глубокой старости у себя дома в окружении родных и близких на белых простынях».

Да, наверное, это самая правильная смерть.

Но майор-философ Вячеслав Яковлевич Измайлов и на войне и в жизни делал для людей так беспредельно много, что вера в его бессмертие становится и вправду какой-то абсолютно неизбежной.

Тем более что бессмертие ему очень даже пригодится: надо одному поднимать двух своих прекрасных детей — Анису и Ваню.

Теперь они — его личный состав.

Зоя Ершок

Вячеслав Яковлевич Измайлов. Фото Анны Артемьевой («Новая газета»).

1

Из Ташкента в Кабул

В Ан-12 нас загрузили, как селедку в бочку.

Гермокабина вмещала всего несколько человек.

В основном отсеке чередовали перевозку мяса и других продуктов с перевозкой военных. Видимо, кто-то считал, что мясо и люди, едущие на войну, в чем-то схожи.

По бокам, на жестких сиденьях, разместили нескольких женщин и старших офицеров.

Я, как и большинство военных, летел стоя. Час до взлета и потом еще два с лишним часа полета — от Ташкента до Кабула — стоял на одной ноге, а место для другой постоянно нащупывал. В чьих-то ногах валялся мой чемодан.

Обзора почти не было, я был зажат между людьми, но два-три лица сумел разглядеть. Им тоже было плохо. И от этого мне как истинно советскому человеку стало чуть легче.

Я закрыл глаза...

В Уставе сказано: «Стойко переносить все тяготы и лишения военной службы».

Но тяготы ожидают нас не только в армии. В старших классах школы я, как и другие, в часы пик стоял на одной ноге в общественном транспорте.

А еще, когда был совсем маленьким, с родителями и сестрами провожал целинников. Места в вагонах всем не хватало. Люди сидели на крышах, стояли на подножках...

Я думал: а сумею ли так, когда стану взрослым?

И вот посчастливилось лететь на войну, стоя на одной ноге.

...На посадку в Кабуле самолет пошел очень странно. Над самым аэропортом он вдруг начал набирать высоту, а потом почти носом устремился вниз, отстреливаясь тепловыми ракетами. От такой посадки нам стало совсем мутно. Некоторых тошнило.

Такая посадка, как, впрочем, и взлет, были спецификой войны в Афганистане: приходилось отстреливаться, чтобы не стать жертвой выстрела из ПЗРК (передвижного зенитно-ракетного комплекса). Когда через несколько месяцев у моджахедов появились «стингеры», полеты в Афганистане стали несравненно более опасными.

Впоследствии я многократно наблюдал такие посадки и взлеты в Кабуле, в Шинданде, Кундузе, Кандагаре... Некоторые после них часами приходили в себя, а кое-кто просто становился грузом 200 — и даже не от попадания душманской ракеты, а от самой посадки.

Так умер председатель военного трибунала шиндандского гарнизона подполковник Рабочий, вернувшийся в Афганистан после отпуска в Киеве. А первый заместитель командира нашей автомобильной бригады подполковник Савченко, только что прибывший в Афганистан, почти сутки приходил в себя после такого полета...

Когда мы наконец приземлились и, шатаясь как пьяный, я ступил на твердую кабульскую землю, сначала не почувствовал облегчения: на меня дышала жара.

Я родился в Дагестане, но кабульская жара ни в какое сравнение не идет с махачкалинской или ташкентской.

А вечером стало легче и даже прохладно. Особенность афганского климата. Находясь на перевале Саланг, на высоте почти четыре тысячи метров, где и в июне лежал снег, ты мог дрожать от холода, а спустившись вниз, изнывать от жары.

Шел сентябрь 1985 года, я был старшим лейтенантом и прибыл в Афганистан «по замене» — на должность заместителя командира автомобильного батальона...

2

Дорога на костях человеческих

Несколько лет назад Владимир Путин проехал на «Ладе Калине» участок автодороги Чита — Хабаровск.

Я — один из тех, кто строил эту дорогу.

Она проходила по непролазной тайге и болотам. Строилась в то же время, что и знаменитый БАМ — Байкало-Амурская железнодорожная магистраль.

Только БАМ объявили комсомольской ударной стройкой, а автодорога Чита — Хабаровск строилась фактическими «рабами» — солдатами-срочниками, 18–20-летними вчерашними школьниками.

Именно из них были сформированы две военные дорожно-строительные бригады. Они годами шли навстречу друг другу. Одна — из Забайкалья, со стороны Читы, другая — из Амурской области.

Каждая из бригад состояла из 6 дорожно-строительных батальонов, двух автомобильных, одного ремонтного и даже учебного...

Дорожно-строительные войска военные называли «хитрым стройбатом». Как известно, солдатам-срочникам инженерно-строительных войск платили за сдельно выполненную работу какие-то деньги.

Солдат-срочник дорожно-строительных войск строил важнейшую для страны стратегическую трассу, часто в тяжелейших условиях, а получал за это обычные солдатские 3 рубля 80 копеек в месяц. Их хватало на зубную пасту, гуталиновый крем для чистки кирзовых сапог и половину черствого пряника, который не всегда еще можно было купить. Положение эзков на поселении порой было лучше.

Командовали такими солдатами профессиональные офицеры, в большой пропорции разбавленные лейтенантами, только что окончившими военные кафедры гражданских вузов.

Наша дорожно-строительная бригада дислоцировалась (говоря военным языком, ведь должно же в ней быть хоть что-то военное) в двух населенных пунктах Амурской области: в поселке городского типа (пгт) Архара и на таежной железнодорожной станции Кундур. Они расположились между двумя крупными городами Дальнего Востока — Благовещенском и Хабаровском.

Архара от Кундура находилась, если мерить по железной дороге (а другого сообщения тогда и не было), примерно в сотне километров, но в бытовом плане отстояла значительно дальше.

Пгт Архара — районный центр с детскими садами, хорошей больницей, асфальтированными улицами, четырех-пятиэтажными домами офицерского городка (правда, вода до верхних этажей часто не доходила) и даже привокзальным ресторанчиком со знаменитым на весь Дальний Восток архаринским пивом...

В таежном Кундуре не было почти ничего. Но именно здесь, в 6–7 км от станции, размещались четыре батальона, по 350 военных в каждом.

Офицеры с семьями жили примерно в километре от станции и в 6 км от дислокации частей — в открытом военном городке, состоящем из сборно-щитовых домов. Один такой домик — это, как правило, четыре двухкомнатные квартиры с печным отоплением и удобствами на улице.

Сборно-щитовые дома считались временным жильем и были рассчитаны на несколько лет. Сроки эксплуатации прошли, а замены не было. И люди продолжали в них жить, постоянно заделывая огромные щели. Но удержать тепло в доме при температуре –40–50°C было невозможно. Печь растапливалась очень медленно, тепло быстро выветривалось. Вода, приносимая из колодца, к утру покрывалась коркой льда. Спать зимой приходилось одетыми.

Асфальта в Кундуре не было. Детского сада для детей военных — тоже. Баню топили для женщин в субботу, а для мужчин в воскресенье.

Но самое главное — не было ни поликлиники, ни больницы, добраться до соседних городков можно было только по железной дороге, а местный поезд, состоящий из трех вагонов (и в народе называемый «бичевозом»), тянулся медленно и ходил раз в сутки.

За годы службы в Кундуре я не знал, что такое диспансеризация. Ее здесь не проводили.

Зато я узнал, что значит смерть 30–40-летних офицеров... В основном от инфаркта. Впрочем, офицеры здесь умирали не только от болезней, но и здоровенькими, не успевшими даже завести семью, двадцатилетними.

...Изжившие свой срок сборно-щитовые дома часто горели. И выгорали минут за десять. Однажды среди бела дня сгорели двое маленьких детей, запертых в доме: родители ушли на службу, а малышей не с кем было оставить...

Свою трехлетнюю дочь мы с женой оставляли у соседки, приплачивая ей. У нее было три сына дошкольного возраста. Диночка при мальчиках стеснялась садиться на горшок и терпела до нашего прихода. А когда дочка заболела, мне пришлось через дежурного по станции останавливать грузовой состав и везти ее в кабине машиниста в соседний городок, где была больница.

Через год такой жизни нам пришлось вызвать бабушку, мать жены, и отправить Дину к ней на Северный Кавказ.

В Кундуре я прослужил больше четырех лет. Мы с женой видели своего ребенка только во время отпуска. Потом я уехал на два с лишним года в Афганистан. Семье удалось соединиться, когда дочка пошла в школу, а в детский сад она так и не ходила.

Подобные трудности переживали все, кто служил в Кундуре, многие провели там по 8–10 лет, и только с 1985 года Амурская область стала «заменяемой» для военных — из-за условий службы, которые наконец официально были признаны «тяжелыми».

Но смерть часто приходила раньше, чем путевка в другую жизнь. До Кундура я знал свою огромную Родину в основном по книгам и газетам. Сопровождая гробы с погибшими солдатами, увидел ее в реальности.

...Погибшего рядового Валерия Цурцумия я отвез в Зугдидский район Грузии. Младшего сержанта Володю Беляева, попавшего под поезд, в таежную деревню в Томской области.

Гроб с умершим от болезни солдатиком — в Туркмению...

Иногда кто-то из близких погибшего говорил мне с упреком: «Мы же тебе в армию его здоровым отдали, что же ты нам привез?» Но другой родственник, с которым я через всю страну переправлял гроб, преодолевая на пути многочисленные трудности, тут же отвергал все претензии ко мне: «Если бы не он, мы бы и такого не довели!...»

Столько смертей, сколько прошло перед моими глазами в небоевых частях дорожно-строительных войск в Амурской области, я в боевых частях не видел. Только в Афганистане и Чечне было больше...

Военкоматы определяли степень годности призывника к службе. «Негодный» в боевые части отправлялся в небоевые. Здесь я встречал страдающих мочеиспусканием, сердечными заболеваниями, очень плохо видящих, хромых, психически больных...

Помню фамилию солдата — Шаболин. И его взгляд, такой спокойный, остался в моей памяти. Его призвали в армию хромым. Здесь его пожалели: определили в теплое место — в кочегарку в офицерском общежитии.

...Уголь был плохой, не горел. Шаболин плеснул на него бензином из солдатской кружки...

Кочегарка — это маленькое полуподвальное земляное строение, со скользкими, выбитыми в грунте ступенями.

Остатки бензина в кружке загорелись. Шаболин выронил ее из рук. Огонь и дым охватили кочегарку. Он пытался вырваться, но хромая нога не позволила проскочить скользкие ступени...

Сгоревший солдатик был с Дальнего Востока. Приехал его отчим и велел хоронить здесь же, в Кундуре.

Солдаты всю ночь жгли костры, чтобы вырыть могилу в промерзшей земле.

Иногда случались чудеса.

...Было холодно и скользко. Рядовой Алексей Ермолинский поскользнулся и скатился под машину, едущую с небольшой скоростью... Разрыв мочевого пузыря и перелом таза... Остановив товарный состав, я довез солдата в кабине машиниста до Архары. Врачей местной больницы уже предупредили. Они все делали быстро и очень профессионально. Я тоже пригодился. У меня взяли пол-литра крови...

Алексей Ермолинский выжил.

Дорога хоть и медленно, но шла вперед. А вместе с ней в полевые лагеря шли и военные, обживая палатки и вагончики.

Но семьи офицеров и прапорщиков оставались на старом месте, в десятках и сотнях километров от них. Мужья порой месяцами не видели жен и детей. Поэтому, когда случалась редкая возможность выходных... В общем, в одном из кун-

*А еще я бегал. По тайге — 6-7 км в одну сторону и столько же — обратно.
Но не ради того, чтобы поскорее приступить к службе...*

дурских батальонов на выходные весь личный состав: солдат и сержантов, находившихся в полевом лагере, оставили на холостого лейтенантика.

А надо сказать, что среди солдат-срочников были не только больные ребяташки, но и здоровые, умудренные опытом отсидки в лагерях и тюрьмах, бывшие ээки. Военкоматы разбавляли ими небоевые части. Получалось несовместимое «стадо» из «волков» и «овец».

«Волки», естественно, стали «овец» задирать.

Молодой офицер — не пастух, он пообещал армейскому хулиганью, что сообщит о них командованию части.

Ночью звери в солдатской форме ворвались в офицерский вагончик и зарезали лейтенанта, а треп сожгли.

В Кундуре я прослужил больше четырех лет. Мы с женой видели своего ребенка только во время отпуска. Потом я уехал в Афганистан. На этом фото — я с дочкой Диной уже в Германии, во время службы в Западной группе войск. 1990 г.

Когда командование части вернулось с побывки, ему сообщили, что молодой офицер... самовольно оставил место службы.

Офицера искали почти месяц, в том числе и на его родине, в Москве. К нам прибыли военные следователи, но все без толку. Хотя две сотни солдат и знали правду, но боялись сказать. Этот «феномен» здесь назывался «законом тайги».

Почти через месяц один запуганный солдатик все-таки проговорился.

Командира и замполита этого батальона сняли с должности.

А я получил очередное повышение по службе. Я, старший лейтенант, стал заместителем командира части.

Нет, у меня не было в Москве никаких доброжелателей. Просто в Кундуре можно было расти и без этого. Никакой конкуренции.

3

Почему я напросился в Афганистан

Я вообще не переживал за медленно строящуюся дорогу. Никакого энтузиазма, никакого желания постронть ее быстрее или хотя бы выполнить план по ее строительству у меня никогда не было.

Мне хватало проблем с личным составом, организацией бани для солдат, их питания. Просто бани периодически сгорали, а солдатские столовые и казармы — размораживались...

А еще я бегал — от дома, где мы с женой жили, в часть. По тайге это 6–7 км в одну сторону и столько же обратно.

Но это не столько ради того, чтобы скорее приступить к службе, а скорее — для того, чтобы убежать от инфаркта, который здесь многие «наживали», глядя на происходящее.

Для бега была и другая причина. Как-то меня, допоздна задержавшегося в части, довезла дежурная машина. Но назад в часть она не вернулась. Водителя-солдата на обратном пути остановили местные бичи. Отняли машину, а солдата привязали к дереву. Хорошо, что жив остался.

На чем я еще мог заработать очки перед политотделом и особым отделом бригады, которые решили продвинуть меня по службе?

Меня часто направляли с солдатами на станцию для разгрузки угля. Норма была — 6–8 солдат на вагон. Разгружали несколько вагонов с утра до вечера, обедая на месте. Греться было нечем, ведь я не курил и не пил. Оставалось спасаться от холода, подавая мерзнувшим солдатикам пример.

Пока 6–8 солдат разгружали один вагон, я в одиночку разгружал другой.

Когда вечером, весь грязный и черный, возвращался домой, жена спрашивала: «Кем же ты там служишь?»

По всему выходило, что я служил ударником. Правда, «ударник» сломал руку, а во Владивостокском военно-морском госпитале мне вырезали паховую грыжу, заработанную напряженным трудом...

А еще мы с женой годами не видели дочку.

Короче говоря, чтобы спастись самому и спасти семью от своего кундурского офицерского роста, я написал рапорт, больше похожий на патриотическое письмо к начальству, и попросил... направить меня в Афганистан.

Конкурентов у меня и в этом вопросе не было, но из Дальневосточного военного округа редко посылали в Афган. Дело в том, что служившие в Афганистане потом имели право определенного выбора дальнейшего места службы. Редко кто после афганских боевых условий выбирал экстремальный Дальний Восток.

Мне и здесь повезло. Офицер, которого я заменял в Афганистане, был родом из Спасска-Дальнего, он стремился домой.

...Говорят, что почти через 40 лет после начала строительства автодорогу Чита — Хабаровск все же построили. Во всяком случае, президент на всю страну дал ей положительную оценку. Но я все-таки в ее полной проходимости очень сомневаюсь...

Нет сомнения только в чести, мужественности, высочайшей самоотдаче многих солдат и офицеров, которые эту дорогу строили. Несколько имен: рядовой Шиншихавили из Грузии; младший сержант Сережа Говорухин, сын знаменитого уже в то время режиссера (*Сергей не только был человеком творческим, но всегда стремился все жизненные трудности пропустить через себя... В начале февраля 1995 года, снимая документальный фильм о войне в Чечне, он был тяжело ранен. Ему ампутировали ногу, а он, в промежутках между лечением в госпиталях, продолжал снимать и создавать фильмы... Ушел из жизни совсем молодым*); капитан Кушнир с Украины, пожалуй, самый сильный человек в бригаде; капитан Каргинов из Северной Осетии, заядлый охотник, с неподражаемыми гусарскими усами; милейший майор Прохоров, неунывающий трудяга¹; майор Синцов из Казахстана, ветеран бригады...

¹ Когда я уехал в Афганистан, моя жена еще пару месяцев вынуждена была оставаться в Кундуре. На это время семья майора Прохорова приютила ее у себя.

С моим другом и земляком Магомедом Махмудовым.

Первый заместитель командира дорожно-строительной бригады полковник Леонид Ливин, отдавший службе в Амурской области около десяти лет, как истинный еврей при разговоре красиво картавил. Своей всегдашней жизнерадостностью, силой и мужеством поднимал многим дух²...

Подполковник Жигарав Арзуманов и старший лейтенант Магомед Махмудов были для меня и моей семьи в Кундуре самыми близкими и родными людьми. Моя дочка называла Арзуманова дедушкой. Он аварец из горного Дагестана. 19-летним пацаном был призван в армию и остался служить. Окончил экстерном военное училище. Служил на Севере, в Афганистане, на Дальнем Востоке. После службы в Кундуре его направили в Краснодарский край, в ку-

² Закончил службу, будучи одним из руководителей строительства дамбы вдоль Невы, предохраняющей Ленинград от наводнений.

портное место Горячий Ключ, где он командовал батальоном. Здесь мог и завершить свою тяжелую военную службу. Но через год его «съели». Он всегда давал для этого повод, потому что был абсолютно бесхитростным и непосредственным. Его сослали в Чечню, где уже началось брожение.

Приехав во время своего отпуска из Афганистана, мы с Магомедом Махмудовым навестили его в Грозном. Тогда это был еще мирный и красивый город.

...Через 10 лет, во время войны в Чечне, я снова встретился с Жигаровом. Он уже был на военной пенсии и кем-то подрабатывал в Ханкале вместе с преданной ему женой, терской казачкой Надей. Дом, в котором они жили в Грозном, был уничтожен нашей не промазывающей российской авиацией...

...Хабиб, старший сын Арзумановых, помог мне во время войны вывезти из разрушенного Грозного в дагестанский город Кизляр к русской матери 18-летнюю девочку, чеченку по отцу, изнасилованную российскими военными на блокпосту...

Вернемся в Кундур. Нашим — со старшим лейтенантом Махмудовым — начальником и наставником был майор Лев Синцов. Это не мешало ему относиться к нам по-товарищески. Он был ветераном бригады, служил в ней, когда она строила в Казахстане дорогу вдоль границы с Китаем. В Кундуре он часто болел, страдал тромбофлебитом, но, несмотря на это, был лучшим политработником бригады. Вместе с женой воспитывал двоих детей. Никогда я не видел, чтобы он, несмотря на болезнь, привлекал солдат для каких-то «личных» работ — например, для рубки дров. Все делал сам³.

И еще был остер на язык. Оберегая меня, молодого офицера, от неприятностей, говорил: «Не всегда смогу прикрывать тебя даже своим толстым задом». Когда я уезжал в Афганистан (в то время мы уже были равными по служебным должностям), он сказал мне искренне: «Я бы тоже написал рапорт и уехал

³ В связи с этим рассказу об одном аспекте, связанном с моей дружбой с Жигаровом Арзумановым и с уроженцем знаменитого на весь мир своим искусством гончарами лакского селения Балхар Магомедом Махмудовым.

Рассказу и в связи с тем, что в последнее время стало правилом: солдаты-кавказцы не должны выполнять так называемые «женские» работы. Даже в израильской армии солдаты-евреи родом с Кавказа, даже те, что родились в Израиле, но их родители — с Кавказа, отказываются подметать, мыть посуду и т.д.

До приезда наших жен мы жили со старшим лейтенантом Магомедом Махмудовым в одной комнате. Он до блеска драил полы, мыл посуду...

Когда я долго задерживался в части, мой командир подполковник Жигаров Арзуманов вместе со своей женой Надей помогли моей жене пилить и рубить дрова, подметать двор и наводить в нем порядок.

...К этому добавлю, что лучшим моим другом, еще со времен срочной службы, был Нузар Душияли — хистинец (уроженец Панкисского ущелья Грузии), живший в Грозном. Нузар рано ушел из жизни.

Будучи молодой солдатом, мы с ним не вылезали из посудомоечной комнаты. Вдвоем мыли посуду на весь танковый полк, причём делали это весело. Дружба в армии переросла в дружбу наших семей. Три брата и четыре сестры Душияли стали самыми близкими моими друзьями, а со временем — и со сотрудников «Новой газеты»: Лены Милашиной, Вики Чутковой... Но особенно Эльвиры Николаевны Порохиной. Когда дома течет кран, Порохина звонит не саптехнику, а технологу-виноделу, директору спиртзавода, матери двоих детей и бабушке пяти внуков Тамаре Душияли (сестре Нузара).

на войну, если бы надо было защищать Родину. Но ведь афганцы на нас не нападали».

Мне нечего было ответить. Осенью 1985 года майор Синцов написал мне в Афганистан письмо из Кундура. Сообщил об очередных смертях, которые там произошли, о заменившем меня офицере, оказавшемся не совсем порядочным, и... о радостном: весной 1986 года майора Синцова наконец-то отправили для дальнейшего прохождения службы куда-то под Киев.

В это время произошла Чернобыльская трагедия.

4

Кабульская пересылка. О смертельной опасности при снятии с партучета

На кабульской пересылке, там же, в аэропорту, нас продержали не меньше недели.

В основном мы здесь валяли дурака. После тяжелой службы в Амурской области, в Кундуре, — это был отдых на жарком солнце, правда, без южного моря.

Неопределенность несколько угнетала. Я ее сглаживал бегом. По утрам и вечерам наматывал по 10–15 км.

На третий или четвертый день подогнали автобус и нас как людей посадили на мягкие сиденья (это так контрастировало с полетом!) и повезли в штаб 40-й армии на занятия.

Эту поездку через весь Кабул я воспринял как интересную экскурсию. Я смотрел на местных жителей, их дома, лавочки — афганские магазинчики, где весь товар на улице...

Дорога поднималась все выше и выше. Штаб 40-й армии (его еще называли дворцом Амина, а на самом деле это был дворец афганского короля) находился высоко над Кабулом.

Больше всего меня поразили в нем грязные туалеты, с унитазами без крышек. Впрочем, генералы, наверное, ходили в другой туалет.

...Я стал предвкушать будущие занятия. Думал: чему же здесь меня могут научить?

Занятия по боевой подготовке проводил полковник. Он рассказал об одной из последних операций.

На перехват душманского каравана направлялось какое-то наше подразделение. Его командир, майор или подполковник, согласно плану командования, должен был начать движение в 2 часа ночи, но решил... поспать. И выдвинулся часов в 6 утра. При этом руководству доложил, что уже 4 часа в пути.

Его подразделение попадает в засаду, устроенную моджахедами. Он просит помощи, но помощь приходит не туда, где его солдаты и офицеры бьются с душманами, а туда, где он должен быть по его же докладам...

В общем, большие необоснованные потери.

Потом лектор сделал перерыв. А во время перекура сказал: «Мы здесь так воюем, что этой войны хватит и нашим детям, и нашим внукам»...

Потом перед нами выступил пропагандист армии, высокий, плотный майор в очках, с печальным лицом. Но мне тоже больше запомнилось его выступление в курилке, где он спокойно и тихо объяснил «смысл» пребывания наших войск в Афганистане: **«В Советском Союзе наша армия слишком устала без войны» ...**

И когда третий лектор отправил нас в курилку (к счастью, в штабе курить запрещалось), я, хоть и не курил, но побежал туда первым. Этим третьим лектором был смешливый майор — кадровик политотдела.

Здесь, в курилке, он рассказал полубыль-полуанекдот:

Офицер заканчивал свой двухлетний срок в Афганистане, а орденом его все не награждали. Вот вернемся в Союз, думал он, и там спросят: «Где был?», и что подумают, увидев одиноко висящую на груди медаль... за выслугу лет (такие медали называли песочными — от старости песок сыплется).

В общем, где-то месяц ему в Афгане остался, и... он зациклился. Но не на доме и скорой встрече с женой и детьми, а на ордене. Вот снится ему сон: бой с душманами. А вокруг — никого из своих. Куда-то все делится и... патроны кончились. И вдруг прыгает откуда-то душман, направляет ему в висок дуло автомата и говорит на чистом русском: «Вот он твой орден... посмертный».

В этой шутке кадровика было что-то пророческое и для меня. Орден за Афганистан я получил... через 15 лет, уже уйдя на военную пенсию и работая журналом «Новой газеты».

А один мой товарищ даже Звезду Героя получил через 20 лет после Афганистана. Он там оставил ногу, но, слава богу, не жизнь.

Это нормально... для нашей страны. Ведь еще с Великой Отечественной, спустя 70 с лишним лет награды находят своих героев... Если ты долгожитель.

Тогда, лет 30 назад, я был более пылким патриотом, и меня грела эта знаменитая фраза поэта: «Не до ордена. Была бы Родина...»

После Афганистана я служил заместителем командира саперного батальона в Эстонии, в Таллинской дивизии. В то время командовал этим соединением бывший командир 201-й дивизии, дислоцируемой в афганском Кундузе, полковник Владимир Малахов. Он ко мне всегда замечательно относился. Часто ставил в пример, постоянно заботился: интересовался у моего командира, обеспечена ли моя семья жильем, есть ли дрова и уголь на зиму... И в конце концов, позднее был главным инициатором моей отправки на службу в Германию.

Как-то полковник Малахов, комдив Таллинской дивизии, проводил репетицию парада перед 9 мая. У многих офицеров на кителях звенят ордена и медали, а у меня... китель чистый. «Капитан Измайлов, вы же афганец, почему без наград, немедленно наденьте». Я вынужден был что-то нацепить, по-моему, медаль «70 лет Вооруженных Сил» (до «песочной» я тогда еще недотягивал). Этим я, наконец, признал в себе героя того самого анекдота, рассказанного смешливым кадровиком политотдела в Афганистане: «И на груди его могучей одна медаль висела кучей».

Но оставим это лирическое отступление и вернемся в Кабул, на пересылку.

Видимо, вдохновленные лекциями штаба 40-й армии, мы решили не ждать неделями, когда нас отправят самолетами по местам службы, а добираться самим — попутными колоннами: тем более у всех уже был опыт полета в негерметичном салоне из-под мяса.

К тому же мне начинало казаться, что обо мне забыли и я проведу два своих афганских года здесь, на пересылке.

Договорившись с начальником автомобильной колонны, я добрался до знаменитого перевала Саланг, а оттуда — до Пули-Хумри.

Один из эпизодов этой поездки напомнил мне лекции, прочитанные в штабе 40-й армии, или, пожалуй, был их продолжением.

Где-то под Кундузом рядом с нами остановилась афганская машина, доверху набитая арбузами. На нее залез молодой советский офицер из нашей колонны и стал выбрасывать арбузы сослуживцам.

Он делал это, игнорируя водителя-афганца. Водитель попытался возмутиться, но офицер продолжал выбрасывать арбузы: 10.., 30.., 50.. Некоторые падали на землю и разбивались...

Так ведут себя не братья, а оккупанты. А вокруг торчали лозунги о нашем интернациональном долге.

В Пули-Хумри, куда я прибыл, находился штаб моей автомобильной бригады и при нем большая часть ее отдельных батальонов. Еще один батальон находился в Баграме, недалеко от Кабула.

Самый дальний батальон пули-хумрийской бригады дислоцировался в небольшом городке Шинданде. Именно в нем мне и предстояло служить.

Пули-Хумри находится на северо-востоке Афганистана, а Шинданд — на юго-западе страны. Примерно в 500 км от нас, в Кандагаре, дислоцировалась 70-я мотострелковая бригада, а недалеко от нее, в местечке Лашкаргах, — 22-я бригада спецназа.

К северу от Шинданда, в городе Герате, недалеко от границы с Советским Союзом, тоже находилось несколько подразделений 40-й армии.

Все эти части: в Кандагаре, Лашкаргахе и Герате обеспечивал бензином, соляркой и керосином, а также боеприпасами и продуктами питания наш шиндандский автомобильный батальон, состоящий примерно из 450 человек.

В Афганистане я прослужил чуть больше двух лет, с сентября 1985 по октябрь 1987 года.

Во время службы надо было чуть ли не раз в месяц летать на всякие сборы и совещания в Пули-Хумри. Это два часа самолетом до Кабула, оттуда час, тоже самолетом, до Кундуза и еще минут 40 вертолетом до Пули-Хумри. Если не убьют в рейсе, особенно в пустыне и в самом Кандагаре, то собьют в воздухе.

Мы с командиром батальона по возможности старались уклониться от этих, часто бестолковых, поездок.

Идиотизм заключался еще и в том, что наши партийные и комсомольские учетные карточки находились в политотделе бригады в Пули-Хумри. Поэтому, отслужив два года в Афгане и оставшись в живых, офицер должен был слетать в Пули-Хумри и сняться с партийного учета.

Для кого-то последняя афганская поездка по этому маршруту обернулась драмой, а для кого-то трагедией. Капитан Вячеслав Сидоров, командир роты нашего шиндандского батальона, отслужил свой срок в Афганистане где-то в начале апреля 1987 года. Я попросил Славу оставить мне его старенькую шинель, так как должен был заканчивать афганскую службу осенью. (Мою шинель присвоил мой заменщик в Кундуре.) Слава Сидоров любезно отдал мне шинель и улетел в Пули-Хумри сниматься с партийного учета. Долетев до Кабула, он напросился в колонну, идущую

в Пули-Хумри. Колонна попала под обстрел, и Сидоров получил тяжелое ранение.

Мой командир, украинец Ярослав Турлай, в конце октября 1987 года в такой поездке погиб. Он долетел до Кабула и здесь при взлете самолет, в котором он находился, был случайно сбит нашим же вертолетом. Все, кто был на борту, погибли.

5

Зачем я пошел в армию?

Сначала офицерские погоны надел отец, окончив военно-пограничное училище, входящее в структуру государственной безопасности.

Его звали Яков Моисеевич Измайлов. Еврей, ставший при Сталине, причем во времена борьбы с космополитизмом, курсантом офицерского пограничного училища.

Дело было так.

При освобождении Латвии погиб младший сержант Изик Измайлов — 18-летний танкист, брат отца, добровольцем ушедший на фронт.

Отец, которому в ноябре 1944 года исполнилось шестнадцать, подделал документы и через махачкалинский горвоенкомат был призван в армию. Нужно было попасть на фронт и отомстить фашистам за брата.

Родители отца, т.е. мои бабушка и дедушка, ничего не знали. А узнав, бабушка отнесла в военкомат метрику Якова. Там проверили и... сняли отца с ушедшего из Дагестана воинского эшелона.

Дед, чтобы угомонить беглеца, устроил его в погранучилище, эвакуированное во время войны в Махачкалу из Ленинграда.

В детстве этими фактами из биографии отца я всегда гордился, горжусь и сейчас.

Но должен был задать деду и отцу вопрос: как чекисты допустили, чтобы еврей поступил и окончил пограничное училище? Но не поспешил сделать это и... не успел. Дед умер в 59 лет от инфаркта, когда мне было 11 лет, а отец — в 45, когда мне было 19 и я уже почти год служил срочную. Причем, как и погибший на фронте дядя, служил я танкистом.

Сейчас остается пользоваться непроверенной информацией и домыслами родственников, которые в то время сами были детьми...

Возможно, все дело в том, что Кавказ и при Сталине был Кавказом со своими специфическими загадулинами.

К тому же дед возглавлял в то время всю промышленность Дагестана по производству... сливочного масла. А масло в те голодные годы...

В общем, я думаю, все дело в масле...

Окончив училище и надев лейтенантские погоны, отец сразу же женился на моей маме, которая фактически была сиротой. Она вместе с младшим братом Ильей воспитывалась у бабушки, так как мать умерла от туберкулеза в начале 1944 года, а отец вернулся с войны тяжелораненым, ему ампутировали ногу.

Родители мои уехали на погранзаставу: папу отправили служить в Калининградскую область, в район города Советска.

Но Калининград далек от Дагестана, здесь свои порядки — не кавказские. Чекисты исправили ошибку кавказских коллег. Отца, молодого лейтенанта, подвели под хрущевское сокращение армии.

Нет, его не выкинули из пограничных войск на улицу. Ему даже предложили помощь в трудоустройстве... в милицию, причем в любом уголке Советского Союза, кроме Москвы и Ленинграда.

Но мои родители были молоды — отцу 25 лет, а маме 23 — и успели устать от чужбины. Их тянуло в родной Дагестан, тем более что вот-вот должен был появиться я. А на Северном Кавказе в то время милицию особенно не жаловали, видимо, помня о недавней насильственной депортации чеченцев, ингушей, калмыков, балкарцев...

Может быть, поэтому отец в Дагестане в милицию не пошел. Работал то мастером по ремонту холодильников, то на заводе, то продавал электротехнику в универмаге, и даже подрабатывал в пивном ларьке. Потом снова пошел в пролетарии на завод. То есть всегда много работал, чтобы поднять нас, троих детей. И все принимал близко к сердцу. Оно и не выдержало. Моя бабушка, мать отца, пережила всех своих детей. Двое ушли восемнадцатилетними, третий (мой отец) в 45. Потеряв детей, она говорила мне: «Ты у меня за троих».

Армия зримо присутствовала в нашем доме в виде отцовских зеленых пограничных фуражек с офицерскими кокардами. Фуражки висели на вешалке в чулане. Я бы, конечно, их достал и нацепил на себя, но по малолетству не до-

*Яков Измайлов, отец. Офицер погранвойск. 1953 г.
Как чекисты допустили, чтобы еврей окончил погранучилище?!*

тягивался. Зато я вытащил из темного подвала дедовскую ржавую охотничью двустволку, правда, без патронов, и бинокль времен то ли Гражданской, то ли Первой мировой войны. Это были любимые игрушки моего детства.

Правда, к переходному возрасту я к военному делу несколько охладел. Зато меня стали волновать сталинские репрессии, особенно в армии. Почему перед войной расстреляли почти весь командный состав Красной Армии: Тухачевского, Блюхера, Егорова, Уборевича, Якира?..

Фронтовик дядя Жора дал мне прочитать трилогию Юрия Германа — «Дорогой мой человек», «Дело, которому ты служишь» и «Я отвечаю за все». Эти книги произвели на меня большее впечатление, чем «Один день Ивана Денисовича». (Его дал мне прочесть двоюродный брат отца, Олег Измайлов,

с отличием окончивший юридический факультет МГУ и аспирантуру, ставший кандидатом юридических наук.)

Книги ставили передо мной вопросы, на которые я не получал должных ответов у близких.

Я решил для себя, что сам отвечу на эти вопросы, глубоко изучив историю, юриспруденцию, политэкономия, а также — нашу жизнь во всех ее проявлениях и человека во многих ситуациях.

Москва далеко, а Саратов ближе, тем более что Саратовский юридический институт считался одним из лучших в Советском Союзе.

Окончив школу, я поехал в Саратов — вместе с мамой. Но документы в юридический у меня не взяли, для поступления туда нужен был двухгодичный стаж работы или служба в армии. Ни того, ни другого у меня, выпускника школы, не могло быть.

Я подал документы на исторический факультет Саратовского госуниверситета им. Н. Г. Чернышевского. Поступил на вечернее отделение, выдержав довольно большой конкурс. Причем историю, литературу и русский устный сдал на «отлично».

В отличие от Дагестана и вообще Кавказа, здесь все было честно. Но для учебы на вечернем нужно было где-то работать, а для этого требовалась саратовская прописка.

Через некоторое время саратовские комсомольцы помогли мне с пропиской и устройством на работу⁴ — бойцом военизированной пожарной команды.

Учеба приносила мне радость, я даже забывал есть и значительно похудел. Лекции читали замечательные преподаватели, но особенно я любил семинары, в ходе которых перед нами ставили довольно острые вопросы и сами мы могли задавать любые вопросы преподавателям. Правда, это касалось истории Древнего мира: Востока, Рима и Греции. Но я был уверен, что, дойдя до современной истории, мы тоже услышим откровения.

Упоение учебной работой продолжалось и во время летних каникул. Я успешно перешел на второй курс. Часто ездил на острова, где на Волге были очень хорошие пляжи. Здесь я штудировал латинский язык и другие сложные для меня дисциплины.

Среди бойцов пожарной команды я был самым молодым. Ребята, только что отслужившие армию, относились ко мне очень хорошо. С удовольствием расска-

⁴ Главную роль в этом сыграл Павел Кренин — заведующий орготделом Саратовского горкома комсомола. Тогда ему было всего 26. Но он уже успел отслужить срочную службу в армии и с отличием окончить Саратовский юридический институт.

Срочная служба в армии прерывала такой чудесный, уютный период моей жизни, 1973 г.

Как и погибший на фронте дядя, служил я танкистом. В начале армейского пути. 1974 г.

звали о перипетиях службы, и мне тоже было интересно беседовать с опытными бойцами. Многие из них прошли войну, а некоторые даже фашистский плен, были освобождены и... отсидели в советских лагерях. Когда мы тушили пожары, я был особенно активен, иногда даже чересчур, так что опытным пожарным приходилось меня одергивать.

...Этой жизнью я уживался, пока 1 ноября 1973 года не пришла повестка из Кировского райвоенкомата города Саратова. Это было ожидаемо, и все-таки я огорчился. Срочная служба в армии прерывала такой чудесный, упительный период моей жизни.

Но ведь я же сам хотел познать ее в различных проявлениях. И потому с головой окунулся в солдатские будни.

Из Саратова я опять попал на Кавказ. На механика-водителя танка меня готовили полгода в учебке в Грузии, в городе Гори, на родине Сталина. Потом

служил в Армении, в Кировакане, в танковом полку, а на учения мы выезжали в горный Азербайджан.

Наш призыв был самым большим в полку и самым дружным. Все те ребята и спустя 43 года перед моими глазами: Нодар Гогия из абхазского городка Очамчиры, высокий, стройный грузин с лидерскими качествами. Любимый его слоган из мультфильма от кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно». Ашот Алексанян — балагур и весельчак, всегда легкий в общении, каждому из нас давал смешливую характеристику; Витя Барбашин из Эссентуков, один из лучших механиков-водителей полка; Убайдулла Губайдуллин из Татарстана: ладил со всеми — и с офицерами, и с молодыми солдатами, уже через год срочной службы из призывника дорос до старшины роты; Эльдар Велиев из азербайджанского аула, самый сильный из нас, ни разу не видел, чтобы он с кем-либо дрался, очень добрый «медведь»; Далгат Аликулов, единственный мой земляк из Дагестана, служил в соседнем танковом батальоне; всегда подтянутый татарин Шаралиев, по кличке Шарик; Витя Пушкин — немного рассеянный, но очень добрый; Володя Ширяев из уральского городка Копейска, всегда спокойный и тихий.

Все мы дружили между собой, но больше всех и на всю жизнь я сдружился с Нугзаром Дуишвили, лучшим спортсменом части⁵.

...В общем, просто идиллическая картина нашей Советской армии у меня получилась. Как реклама. Без оплаты. Кто поверит? Надо немного подкрасить серо-коричневым. Ну как 18-летним пацанам за целых два года и не подрасться? Почти каждый из нас за время службы получил свой фингал под глаз.

Я не лез на рожон и подрался всего лишь раза три за 24 месяца. Хорошо помню классный удар в свою челюсть. Целую неделю после этого жевать было трудно. А молодым солдатам в армии как: по команде сели на обед и по команде, минут через десять, встали. Даже со здоровой челюстью тяжело успеть. Зато фигура заметно стройнеет.

Стыдно сказать, но за месяц до дембеля я получил яркий фингал под глаз, причем от солдатика из соседнего батальона, прослужившего в армии на полгода меньше меня. Мои верные друзья и блестящие «адвокаты» — Нугзар

⁵ Нугзар — кистинец. Кистинцы — это чеченцы, вышедшие из Панкисского ущелья Грузии. Однажды нас отправили на какие-то работы далеко за пределы части. Там текла очень бурная горная река. После работы нам дали время искупаться. Я отлично плавал на Каспии, часто заплывал так далеко, что берега не видно было. А тут небольшая горная река. Я пытался ее преодолеть поперек течения... Нугзар бросился мне на помощь. Когда доплыл до берега, он сказал: «Горные речки всегда надо преодолевать по течению». В его родном селе Дуиси Панкисского ущелья текла горная река Алазани. Когда в 1957 году после депортации чеченцы стали возвращаться в родные места, из Панкиси в грозный перебралась большая семья Михаила Ураарбовича Дуишвили, отца Нугзара. К слову, в 1944 году кистинцев не депортировали.

Душвили, Далгат Аликулов и особенно ингуш Бациев по кличке Баца — закричали «Кто?», готовые растерзать моего обидчика. От такой рьяной защиты мне стало страшно за солдата, искусно «подкрасившего» мой глаз, и я его, конечно, не выдал.

(Особенно трудно было сдерживать Бацу, который легко обходился без пищи, но без драки — ни дня. Но я с раннего детства помнил завет моей мамы: «Ябеде первый кнут».)

...После двух лет срочной службы я вынужден был вернуться в Махачкалу и перевестись из Саратовского университета в Дагестанский, на заочное отделение истфака. Мама, которой не было еще 45, после смерти отца одна работала на всю семью, мастером на рыбоконсервном комбинате. Младшие сестры Вера и Оля учились, старенькая бабушка (мать отца) получала за погибшего на фронте сына копеечную пенсию.

Через неделю после армии я пошел работать на Махачкалинский завод имени Героя Советского Союза Магомеда Гаджиева (знаменитый командир подводной лодки, погибший в бою с фашистами). Завод выпускал рулевое оборудование для кораблей.

Устроил меня на завод токарем отец моей одноклассницы Людмилы — Федор Полков, работавший начальником отдела кадров.

В период жестоких репрессий офицер госбезопасности Федор Полков, вопреки той системе, в которой служил, женился на дочери расстрелянных «врагов народа» Катеньке, будущей Людиной маме, и... был уволен из органов. Это было сразу же после войны. Увольнение из органов — это лучшее, что могло произойти в той ситуации, а могли бы арестовать и даже расстрелять... За любовь.

Родители Люды Полковой — Федор Иванович и Екатерина Артемовна — на всю жизнь стали для меня примером того, как можно оставаться честными и преданными друг другу вопреки обстоятельствам, вопреки системе...

...Трудности закаляли меня. Всего за полгода, сразу после армии, экстерном сдал экзамены за второй и третий курсы университета. При этом даже в учебный отпуск с завода не уходил, просто переводился на месяц во вторую смену.

Так и жил во время сессии: утром и днем — учеба и экзамены в университете, а вечером и до полуночи — работа. Потом несколько часов на сон, потом подготовка к занятиям, и так по кругу.

Признаюсь, прыжки в учебе удавалось совершать не от большого ума, просто истфак Дагестанского университета по уровню был далек от Саратовского.

Родители. Роза Гантелева (Измайлова) и Яков Измайлов.

...Проработав два года токарем на заводе, начал искать работу по специальности.

Как стать учителем в школе, в Махачкале, студенту-заочнику с незаконченным высшим образованием да еще работающему токарем? Это же не 20–30-е годы, а 1977-й — год 60-летия Октябрьской революции.

Моя тетя Соня, а по совместительству — лучшая учительница русского языка и литературы Дагестана Софья Соломоновна Залевская, попросила своих учеников, работающих в министерстве образования Дагестана, устроить меня в школу в ближайшее от Махачкалы селение.

Найти место рядом с Махачкалой не получилось, но меня трудоустроили учителем в дальнее кумыкское селение Карабудахкентского района — Доргели.

О замечательных доргелинцах я еще расскажу... В этом селе, в единственной его школе я проработал два года, и еще два — в махачкалинской школе № 10.

Но армия не отпускала. Каждый год меня вызывали на сборы. А в 26 лет опять призвали на два года, только теперь офицером... Хотя я и отслужил свои два года срочной солдатской службы, моего желания не спрашивали.

После окончания университета, несмотря на то что я учился заочно и никакой военной кафедры не проходил, мне присвоили звание лейтенанта и снова отправили в армию — политработником.

Политруком в Советской армии можно было служить, и не имея каких-то специальных военных знаний.

Главное — красиво и идеологически правильно говорить, и... ты годеи и в пехоту, и в ракетно-космические войска, и... со временем можешь дорасти до маршала, как глубокоуважаемый Леонид Ильич Брежнев.

Жизнь очень часто загадочна. Почему отца, молодого кадрового офицера, армия отправила на гражданку? А меня, не пожелавшего связать с ней судьбу, не отпускала?

К этому времени я уже был два года женат. И нашей с Бертой дочке Диночке было около года.

А тут еще начался Афганистан. Тысячи кадровых офицеров ушли туда. Надо же кем-то закрыть дыры, оставленные ими. И меня засунули в... Впрочем, не одного меня. Места в дырах хватало многим. Хотя Афганистан — это тоже дыра. Ее не могли заткнуть более девяти лет и так и не заткнули, а только еще более расширили...

Вот так, поневоле, я стал офицером. И таким образом в Советской армии сложилась новая офицерская династия — правда, еврейская.

В дорожно-строительных войсках, куда меня воткнули, не надо было знать военную тактику, а тем более стратегию. Да что уж там, я и автомат за четыре года в руках не держал. Зато я довольно красиво говорил (не зря заканчивал университет и учительствовал 4 года). И платили мне, лейтенанту, в два с лишним раза больше, чем в школе.

Когда военные начальники предложили мне остаться в кадровых офицерах, я остался. Потом за три месяца, экстерном, сдал экзамены за курс Новосибирского военно-политического училища. И после этого... продолжил изучать жизнь во всех ее проявлениях.

6

Шинданд-Кандагар. Стрельба по банкам

Итак, я в Шинданде. Самом дальнем батальоне Пули-Хумрийской бригады. Война. И никакого начальства, кроме командира батальона — отдельной воинской части. Меня сразу же назначают старшим огромной колонны из трех автомобильных рот (это более 200 машин) и группы БРДМов⁶ из охранения, которая должна за трое суток по горным перевалам с огромными пропастями и пустыней дойти до Кандагара под обстрелом душманов и обеспечить наши войска боеприпасами, топливом и продовольствием.

Все водители вооружены автоматами и гранатами, офицеры — еще и пистолетами. И никто из них не знает, что их командир, то есть я, уже 10 лет — со времен срочной службы — не держал в руках автомата. Правда, сдавая экстерном курс Новосибирского военно-политического училища, я стрелял на оценку «хорошо» на экзамене по огневой подготовке. Но как это получилось, я не помню, потому что во время обычных занятий в военном училище, особенно по стрельбе, по тактике, по топографии, радиodelу... меня как «самого красиво говорящего» делегировали с лекциями и беседами в многочисленные научно-исследовательские институты Новосибирска.

Наш куратор-полковник, отправляя меня с лекциями, говорил: «Им надоели преподаватели из училища, хочется офицера из войск...»

В общем, в своем первом афганском рейсе, где я был сам себе начальником, решил восполнить все свои пробелы в стрелковой подготовке.

⁶ Бронированная разведывательно-дозорная машина.

Иван Иванович Номеровский. Мой командир в Афганистане.

Во время первого же привала, когда водители могли подремонтировать свои КамАЗы, а офицеры контролировали этот процесс, я несколько удалился от колонны и, расставив в качестве мишеней жестяные банки из-под тушенки и рыбных консервов, стал по ним стрелять. То же самое я проделывал во время других привалов.

...Когда через неделю вернулись в часть, командир, подполковник Иван Иванович Номеровский⁷ устроил «разбор полетов». Оставил меня одного и сказал: «О тебе говорят, что ты в своем первом рейсе вел себя молодцом, очень мужественно. Но только... почему-то устроил тир и стрелял по жестянкам».

Я промолчал. А Номеровский, очень спокойно и с уважением ко мне, добавил: «Дело в том, что мы запрещаем солдатам и офицерам в рейсе просто так стрелять. Оружие разрешается применять только при нападении душманов и во время занятий по огневой подготовке. Нам надо всегда помнить, для чего мы в Афганистане, и всегда напоминать об этом подчиненным».

Это был для меня хороший урок и на весь период службы в Афганистане, и на всю мою военную жизнь, включая боевые действия в Чечне.

⁷ Он украинец, сейчас живет в Одессе, отец трех сыновей и дед многочисленных внуков.

7

«...Прошу сообщить моей маме, что я погиб как герой»

Прошло уже более 30 лет, но я помню каждое слово, написанное 18-летним солдатиком в предсмертном письме на маленьком, смятом, залитом его слезами клочке бумаги.

Это случилось 15 ноября 1985 года. Наша автомобильная колонна, благополучно преодолев 500 км, дошла до Кандагара и начала разгружаться. Перед отбоем начальник колонны сообщил по радиостанции в Шинданд командиру батальона, что на вечернем построении отсутствовал солдат К. Автомат его — с полными магазинами патронов — в машине, нет только гранат. Организованы поиски.

Под утро нашли разорванное взрывом гранаты тело солдата и недалеко — эту записку:

«Я стал трусом. Такие люди не должны жить. Прошу сообщить моей маме, что я погиб как герой».

...Ненормальная атмосфера безоговорочного героизма, царившая в стране, буквально убила молодого парня, который только начал служить и еще не успел привыкнуть к обстановке войны. Вероятно, после какого-то случая у него появился повод посчитать себя «недостаточно смелым», и он предпочел умереть...

В Афганистане за погибшего солдата его командиры могли объявить выговор, а могли и не объявить.

Но за попавшего в плен подчиненного его начальников снимали с должностей. Я помню облегчение некоторых: слава богу, что не в плену, а просто покончил жизнь самоубийством...

Боже мой, еще мальчишка и никто из нас — 450 человек — не нашел для него доброго, нужного, теплого слова при жизни... И в первую очередь я со своим красноречием...

Гроб с телом солдата отвез на его родину прапорщик. Он оставил его у военкомата... и, не встретившись с родителями, сбежал.

Через некоторое время мама погибшего солдата написала нам в Афганистан письмо. Она просила рассказать, как погиб ее сын.

Я исполнил последнее желание солдата: «Ваш сын погиб в бою с моджахедами как герой».

8

Как я был самым добрым в Афгане

В офицерской столовой ко мне подошел рядовой Х. Его фамилия действительно начиналась с буквы «Х». Был он из Донецкой области. К этому времени рядовой Х. прослужил уже почти два года и все эти два года — в офицерской столовой. Он был невысокого роста и, несмотря на близость к кухне, очень худеньким.

Почему он подошел именно ко мне? Видимо, я казался ему добрым и понимающим офицером, умеющим разговаривать не только уставным языком.

Рядовой Х. рассказал мне, что когда попал в Афганистан, командиры не разглядели в нем военного водителя и определили в вечный наряд по столовой.

— Скоро уже мне возвращаться домой, а я ни оружия в руках не держал, и даже колеса машины не трогал, под обстрел «духов» не попадал⁸. Что же я скажу своим родным и товарищам? Что два года в Афгане орудовал только ложками и черпаком? Возьмите меня в рейс хоть один раз водителем. Я не подведу.

Да, знал солдатик, к кому обращаться. Я вошел в его положение и растаял. Подошел к лучшему командиру роты капитану Володе Иващенко и попросил взять рядового Х. в очередной рейс. Тем более что старшим колонны шел я.

И капитан Иващенко удовлетворил просьбу начальника. Рядового Х., поехавшего в рейс до Кандагара за рулем груженного боеприпасами КамАЗа,

⁸ «Духами» в Афгане называли душманов, а в Союзе в это время «духами» стали называть молодых солдат, только что призванных на службу.

мы определили в середину колонны. И впереди и сзади него ехали опытные водители, которые могли помочь, если что.

За трое суток мы добрались до Кандагара, благополучно разгрузились. Рядовой Х. держался молодцом. Наша колонна, теперь уже порожних КамАЗов, отправилась в обратный рейс.

Проходя Кандагар, попали под обстрел. Машины увеличили скорость, уходя из-под пуль. В бой, как правило, мы не вступали. Это была обязанность мотострелковой 70-й бригады, обеспечивавшей наш заход и выход из Кандагара. При обстреле наша колонна потеряла стройность, расстояние между машинами увеличилось. Грузовики начали уходить направо в пустыню.

А рядовой Х. привык видеть идущую впереди машину. Но ни впереди, ни сзади никого не было. Он растерялся, не свернул вправо, в сторону пустыни, а поехал прямо по разбитой бетонке, в сторону моджахедов...

В пустыне мы стали собирать колонну и пересчитывать бойцов и машины.

Нет Х. и его КамАЗа. Я сообщил о ЧП в Шинданд командиру батальона подполковнику Ивану Номеровскому и курирующему нас первому заместителю командира бригады полковнику Валерию Мазило.

Мне приказали искать бойца. Это был первый рейс после наступившего нового, 1986, года. Зимой темнеет рано. В пустыне наступила ночь. Но все же, чтобы не идти в полной темноте, мы, нарушая светомаскировку, иногда включали фары трех КамАЗов, поехавших на поиски солдата. В одном был я, во втором — капитан Иващенко, в третьем — прапорщик Краснов. Рядом ехал БТР из охраны с пулеметами.

Коля в колею мы шли по заминированной пустыне и в любую секунду могли подорваться на душманской мине.

Но о своем возможном подрыве я не думал. Думал об ответственности. Старший колонны, я подверг опасности своих товарищей — капитана Иващенко, прапорщика Краснова, трех водителей КамАЗов и ребят с БТРа.

Часа три мы блуждали по пустыне, и только молодой месяц и звездное небо освещали нам путь (ну, изредка — фары). Наконец с одной из наших точек, с места дислокации одной из групп мотострелкового батальона, я получил по радиации сообщение, что солдат добрался до них.

Я был счастлив, все мы были счастливы.

...Через 10 лет в Чечне за попавшего в плен военного, да что уж там, взвода военных, командиры никакой ответственности не несли...

...Наутро, взяв пару танков в мотострелковом батальоне, дислоцированном в пустыне (его и называли «пустынным»), мы вытащили с разбитой бетонки на глазах у душманов и машину рядового Х.

Колонна не могла ждать, она ушла вперед. Я сел в КамАЗ рядового Х. и вместе с ним по пустыне стал ее догонять.

Когда, выйдя из пустыни, колонна расположилась на привал, мы ее догнали.

За все это время капитан Володя Иващенко не высказал ни одного упрека. Немножко бурчал прапорщик Краснов. Но после того как я промчался на КамАЗе по заминированной пустыне, и Краснов стал относиться ко мне с уважением. Позднее мы с ним побывали в разных переделках, стали друзьями.

А тогда мы с колонной благополучно вернулись в Шинданд. И ни подполковник Номеровский, ни полковник Мазило ни разу не упрекнули меня.

Рядовой Х., отслужив срок в Афганистане, вернулся живым и невредимым домой в Донецк. В рейсы мы его больше не брали. Но ему и без того было что рассказать на «гражданке».

9

Бизнес на крови

20-тонный КамАЗ с прицепом, груженный боеприпасами, тормозит в центре Кандагара. Пробито колесо.

Водитель — молодой солдатик. Я останавливаюсь рядом и кричу ему: «Поехали! Здесь обстреливают». Еще один груженный КамАЗ с молодым водителем останавливается. Пробито колесо. Черт возьми, в самом обстреливаемом месте. Смотрю на покрышки: почти все — лысые. На привале обошел всю колонну. Покрышки на машинах многих молодых водителей — старые и абсолютно лысые...

В феврале 1986 года разоблачили группу офицеров и солдат батальона, снимающих хорошие колеса с протекторами и заменяющих их списанными покрышками. Шины с протекторами продавали местным жителям. Вот такой бизнес на крови наших солдатиков.

Как выяснилось, продавали не только покрышки с протекторами, но и бензин, керосин, солянку, продукты. Одним из руководителей этой преступной группы был командир роты. Возбудили уголовное дело. Трех солдат изолировали на дивизионной гауптвахте. А с офицеров взяли подписку о невыезде на период следствия и отстранили от должностей. В общем, несколько месяцев они болтались в части, не ходили в рейсы и не работали в парке, и никакой замены им не было.

В пули-хумрийский госпиталь поступил офицер, заболевший гепатитом, что называется, не в сезон. Стали выяснять, как он заразился. Оказалось,

что солдаты подмешивали в пищу требовательному офицеру... мочу больных гепатитом.

И в те застойные советские времена некоторые наши офицеры-финансисты проявляли творческий подход к буржуазному понятию «бизнес». Они пытались провезти в Союз валюту, и в качестве тары использовали... пустые тюбики из-под зубной пасты.

Один наш советский офицер зашел в афганский дукан (магазинчик). А «бедные» афганцы торговали в своих дуканах такими товарами, которые и не снились подавляющему большинству «обеспеченных» советских людей, привыкших жить в бесконечном дефиците: американские джинсы, японские двухкассетные магнитофоны и электронные часы, немецкие телевизоры...

В общем, советский офицер что-то спер. Это увидел торгующий в дукане афганский мальчик и позвал отца. Советский офицер задушил мальчика. Потом застрелил выскочившего из подсобки отца...

10

Последний рейс капитана Иващенко

Где-то в конце апреля 1986 года командиру 3-й роты нашего батальона капитану Владимиру Иващенко пришла замена. Неоднократно раненый, кавалер двух орденов Красной Звезды, Иващенко отслужил два года в Афгане и должен был уехать в родную Украину. За всю службу в армии, ни до, ни после Афгана, я не встречал лучшего командира роты, чем украинец Иващенко.

Он всегда спокойно и с уважением работал с подчиненными. Ни разу не слышал, чтобы он на кого-то повышал голос. Коэффициент технической готовности был в его роте стопроцентным: то есть все 75 автомобилей после 2–3 дней диагностики выходили в рейс плюс еще 3 машины техобслуживания, как и должно быть, оставались в парке.

В апреле пришла замена и командиру батальона подполковнику Ивану Номеровскому⁹. Он тоже уехал на родину, в Одессу, где стал начальником

⁹ Я всегда буду благодарен Ивану Ивановичу за совместную службу.
И еще: мне всегда казалось, что он оценивает меня выше, чем я заслуживаю.

автотранспортной службы округа. Подполковник Номеровский держал дисциплину в батальоне на самом высоком уровне.

Заменял его подполковник Ярослав Турлай, уроженец Западной Украины. Он был лет на пять старше меня и в звании выше (я только что получил капитана). Но это не мешало нам дружить. Ярослав был мягким человеком, но очень мужественным.

Мне пришлось добавить жесткости, иначе нарушался баланс, необходимый, чтобы держать дисциплину среди 400 с лишним человек — солдат, прапорщиков и офицеров батальона. Тем более что на смену начальнику штаба батальона, неутомимому трудяге майору Кожевникову, пришел офицер, очень злоупотреблявший спиртным.

Самой безболезненной была для нас замена особиста, курировавшего батальон. Безболезненной, но неприятной.

Офицер особого отдела, служивший у нас, очень много внимания уделял своей фигуре. В батальоне была отличная баня с бассейном и парилкой. Особист не вылезал из парилки, и так все 8–9 месяцев службы в Афгане. Посадил сердце. Его госпитализировали, а потом заменили.

Новый был сухощав, строен, спортивен, в баню ходил раз в неделю, в основном со своим начальством. Но худшее заключалось в том, что он был чрезвычайно активен и любознателен...

Болезненной для нас была и замена первого зама командира бригады, курировавшего батальон. Ушел опытный боевой офицер, полковник Валерий Мазило. Вместе с Номеровским он много сделал для того, чтобы солдаты и офицеры не гибли из-за отсутствия должной техники, вооружения, средств защиты.

Ему на смену пришел подполковник Савченко. Отличный мужик и хороший офицер. Но ведь любому из нас необходимо было время, чтобы повариться в этом котле...

Сменщик капитана Иващенко прилетел поздно вечером. А утром предстояло идти в рейс.

На совещании только вступивший в должность командира батальона подполковник Ярослав Турлай сказал: «Твое слово, замполит». Дело в том, что была традиция: человека, которому пришла замена, в рейс не посылать. Но как отправлять в многодневный опасный рейс только что прибывшего, абсолютно не знающего личный состав офицера?

Афганистан. 1985 г. Крайний слева – Владимир Иващенко.

Я сказал: «Пусть Иващенко едет вместе со своим сменщиком. В рейсе и проведут прием-передачу роты».

Турлай со мной согласился и решил сам поехать в этот рейс старшим.

...Несколько офицеров находились рядом, когда разорвался душманский снаряд. Иващенко был ранен. В очередной раз. Ранен и заменяющий его офицер, и командир одного из взводов. Капитан Иващенко не стонал от боли, он продолжал командовать своими подчиненными и пел патриотические песни. После обезболивающего укола его отвезли в госпиталь, в Ташкент, прямо из Кандагара, и больше в Афганистан он не возвращался.

Володе Иващенко ампутировали руку, но он потом продолжил служить. В Ташкенте его ждала любимая девушка. Они поженились, у них родились с небольшой разницей две дочки.

Володя был у меня в «Новой газете» лет пять назад, мы обнялись и были очень рады этой встрече...

11

Как я стал злодеем

Раненые, больные... находящиеся под уголовным преследованием и отстраненные от службы... Летом 1986-го, в разгар жары, наступил момент, когда батальон просто изнывал от нехватки офицеров.

Пустыня — это фактически сплошное минное поле. Впереди шел танк с трапом, за ним — колея в колею — машины, БРДМ охранения, КамАЗы с зенитными пулеметами.

До машин нельзя было дотронуться. Высочайшая температура. Есть не хотелось, только бесконечно пить. Но простую воду пить нельзя. Свирепствовали тиф, гепатит, малярия, холера. Поэтому питье простой воды из любого источника считалось криминалом пострашнее, чем употребление спиртного.

В месте дислокации части заваривался огромный чан с настоем из верблюжьей колючки. Этот настой разливался по флягам всем солдатам и офицерам. Но в рейсе, конечно, этого не хватало. Увы, я, как и все, нарушал питьевой режим.

В пустыне, из-за жары и пыли, столбами поднимающейся из-под двухсот машин, не видно впереди идущего. Хочется съехать с колеи в сторону. И эта тяга сильнее, чем страх подорваться на mine.

Итальянская мина с пластмассовым корпусом многоразового нажимного действия. Несколько машин могут пройти колея в колею и не подорваться. Но при очередном нажатии, когда достигается критический предел, — мина срывает.

Уход же с колеи — это почти наверняка подрыв.

...Офицеров не хватало, и некому было контролировать. В каждом рейсе случались выходы из колеи и подрывы. Они редко заканчивались смертью (если только не напоролся на фугас), но тяжелые ранения были постоянно¹⁰.

В очередной рейс старшим колонны пошел я. Перед входом в пустыню, рядом с Кандагаром, проинструктировал всех, что идем за минным тралом колея в колею, и если впереди идущая машина останавливается из-за поломки, никто ее не обходит без моей команды.

Когда одна из машин остановилась из-за поломки и ее второй час ремонтировали, ждать не мог уже я. Тем более вечерело и по стоящей колонне могли ударить реактивными снарядами моджахеды. Обследовав участок, по которому можно обойти сломанную машину, я стоял, показывая колею для обхода. Одна, вторая, третья машина... И вдруг один из водителей совершает, что называется, двойной обгон.

Я бросился ему наперерез. Остановил машину, силой выгнал из нее водителя. Он вылез в одних трусах, без ботинок и, конечно, без бронезилета. Это был рядовой Лесняков из Пермской области. Если бы он подорвался сам, может быть, остался жив, но люди, ремонтирующие рядом машину, могли погибнуть...

«Я сам за свою жизнь отвечаю», — крикнул Лесняков и побежал от меня.

Куда бежать — сплошное минное поле. Я его догнал. Доставал я ему до подбородка. Куда с силой и ударил головой...

...Лесняков успокоился, полностью оделся — бронезилет, ботинки. У него, правда, был перелом челюсти. Я сел в его машину, проехав с ним всю пустыню. На следующий день, когда вошли в Кандагар, отвез его в военный госпиталь. Здесь в присутствии самого Леснякова сказал врачам: «Резко остановился, ударился лицом о баранку, перелом челюсти».

Об этом происшествии знали все, кто был в рейсе. Увы, зато такая наглядность действовала на нарушителей лучше любых бесед и политинформации.

Приехав в Шинданд, я доложил об этом инциденте Турлаю. Он сказал: «Правильно сделал. Главное, чтобы не узнал особиств». Но он не мог не узнать, потому что не зря ел свой хлеб и был строен, сиуртивен, активен и любопытен...

Через две недели рядовой Лесняков вышел из госпиталя «огурчиком» и снова сел за баранку. В очередном рейсе в местечке Кучхи-Наху я его провел вдоль обочины разбитой бетонки и показал засыпанные землей верхушки моджахедских мин.

Мне кажется, после этого он искренне оценил практическую полезность моего «урока».

¹⁰ Я сам однажды после взрыва мины вылетел через лобовое стекло КамАЗа — правда, без серьезных последствий.

12

Конфликт с особистом

Как-то ко мне подошел наш особист, но не тот, который бесконечно парился и посадил свое сердце, а другой, который был строен и спортивен и не зря ел свой хлеб...

— Смени почтальона, — без всяких объяснений командным голосом произнес он.

— Меня он устраивает, — ответил я.

Подошел к командиру батальона подполковнику Турлаю:

— Не знаешь, почему особист хочет, чтобы я сменил почтальона?

Ярослав рассказал, что, когда я был в рейсе, особист подходил к нему и просил сменить почтальона. Турлай ему ответил, что это в компетенции замполита, а сам он в это не лезет.

Вообще-то назначение почтальона было в компетенции начальника штаба. Но наш начальник штаба, сменивший рассудительного и трезвого майора Кожевникова, постоянно уходил в запои, и ему было явно не до почтальона.

Ну а я на все «сладкие» должности (киномеханика, почтальона, хлебореза, работников медчасти, столовой) назначал «своих» людей — тех солдат, которых обижали, больных, находящихся не в ладах с автомобильной техникой и оружием...

Все они были бесконечно благодарны и преданны мне и никогда не шли мне наперекор.

Я поговорил с почтальоном, и он рассказал, как не выполнил требования особиста — требования, противоречащие моим...

Крайний справа — мой друг Ярослав Турлай. 1986 г.

В Шиндане находился аэродром, где летали не только истребители и бомбардировщики, но и самолеты, привозящие продукты, почту, письма из дома. Я мог получить письмо уже на четвертый день с момента отправки, а свежие советские газеты — в день выхода.

На Дальнем Востоке, в Кундуре, я получал газеты на второй-третий день выхода, а письма шли целую неделю. Да и сейчас письмо из Москвы в Москву часто идет с такой же скоростью.

Но на многочисленных точках 5-й шиндандской мотострелковой дивизии, на которых мы часто останавливались, наши военные могли не получать письма по месяцу. Поэтому я попросил наших солдат и офицеров брать солдатские письма с точек и отправлять их через нашего почтальона.

Иногда в письма солдатики вкладывали несколько чеков (нам в Афганистане платили в чеках), которые можно было реализовать в специальных чековых магазинах и купить какую-нибудь тряпку или продукт, недоступный обычным советским людям, живущим в бесконечном дефиците. Некоторые солдатики в письмо к другу вкладывали «чарз» (анашу афганского производства).

Особист перлюстрировал почту. Появление писем с точек увеличило нагрузку на особиста, и он потребовал, чтобы перлюстрацией занялся почтальон.

Почтальон вежливо, хоть и боязливо, ответил ему, что замполит вскрывать чужие письма запрещает.

Я сказал почтальону: «Ты молодец, правильно делаешь, и пока я здесь, никакой особист тебя не уберет».

Конечно, я понимаю, что особист ест свой хлеб не зря. Но что тут поделаешь, если у нас с ним был разный хлеб...

13

Зачем мы профинансировали Советский фонд мира

Больше трех месяцев офицеры, проходившие по уголовному делу за незаконную продажу топлива, автомобильных колес и прочего, находились под следствием, отстраненные от должностей. Еще кто-то лечился от болезней (тиф, гепатит, малярия косили людей круглый год), кто-то был ранен.

Возникла ситуация, когда просто некому было командовать. Мы с командиром батальона вынуждены были привлечь для очередного рейса офицеров, находившихся под следствием.

Колонна попала под обстрел в Кандагаре. Все офицеры, на которых было возбуждено уголовное дело, вели себя мужественно. Вытаскивали из-под огня своих товарищей. (Впрочем, мужественно в том рейсе вели себя все офицеры и солдаты.)

«Ты знаешь, — сказал я командиру, — если их осудят, а я не помогу — не смогу себя уважать».

Я пошел к военному прокурору шинданского гарнизона, которого хорошо знал. Тот посоветовал вырученные от незаконной торговли деньги отправить через советский военно-полевой банк в Советский фонд мира. Так и сделали.

После этого три офицера и три солдата были освобождены от уголовной ответственности и успешно продолжили службу.

Правда, шесть галочек о совершенных преступлениях на наш батальон повесили.

Шесть «палок-галок» — этого было более чем достаточно, чтобы командира и замполита батальона снять с должности.

Начали с меня. За «неудовлетворительное состояние дисциплины в батальоне» мне объявили строгий выговор с занесением в учетную партийную карточку.

Командир (Турлай) рассказывал мне, что «инквизиторы» угрожали рядовому Леснякову, требуя, чтобы он дал показания на замполита, сломавшего ему челюсть. Особенно в этом усердствовал наш особист. Но рядовой Лесняков был стойким оловянным солдатиком. У него была своя, как сказали бы Ильф и Петров, «сермяжная правда». Он с легкостью мог пробежаться по минному полю, но сдать «вурдалакам» своего замполита — никогда.

...После этого отважный Лесняков иногда продолжал слегка разгильдяйничать, а я — проявлять к нему строгость. Мне кажется, он меня понимал не из-за страха. Впрочем, можно и у него спросить. Сколько ему сейчас? Лет 50? А мне пошел 64-й. Но я готов у него принять должок за сломанную челюсть...

14

Как меня воспитывал афганец Джабар

Каждый солдат-водитель был вооружен в рейсе автоматом АК-74 и тремя гранатами: двумя РГД¹¹ и одной — Ф (оборонительной). Но все это, так сказать, на всякий случай. Потому что при обстреле колонны наша главная задача — уйти из-под пуль. Бойи могли принять бойцы на КамАЗах с зенитными пулеметами и БРДМы сопровождения. Причем и их главной задачей было не столько уничтожение противника, сколько обеспечение ухода наших КамАЗов из-под обстрела.

...Колонна шла через пустыню перед Кандагаром.

Параллельно ползли две афганские грузовые машины, доверху нагруженные каким-то товаром (такие машины наши военные называли «барбухайками»). Афганские машины подорвались на минах.

Водители были ранены, их эвакуировали в госпиталь. А подбитые афганские «барбухайки» стали хорошей мишенью для наших сопливых 18–20-летних ребятшек, одетых в полевую форму военных водителей. Они в этом отношении мало чем отличались от таких, как я, тридцатилетних идиотов, стреляющих по жестянкам. Правда, их учили стрелять как надо: с первых выстрелов попали в бензобаки. В общем, сгорели и обе афганские машины, и товар на миллионы афгани.

¹¹ Ручная Граната Дистанционная, модификация — 5. Советская наступательная граната.

После такого никакие душманы не нужны, чтобы мстить нашим военным.

Старшим колонны в том рейсе был сам командир батальона подполковник Турлай. Он убедил приехавшего разбираться представителя ХАД¹² в Кандагаре афганца Джабара, что следующим рейсом приедет замполит и решит все вопросы.

По прибытии в Шинданд Турлай рассказал мне о ЧП. И несколько виновато (мол, недоглядел за сорванцами) попросил решить проблему.

Я возглавил очередную колонну из 200 машин. При подъезде к Кучхи-Нахуду (последняя советская точка перед пустыней) проходившие мимо наши военные руками показывали мне, что собираются сделать с моей колонной афганцы, и при этом с ехидным удовольствием посмеивались. Как любил повторять мой отец, «боже, спаси меня от моих друзей, а от врагов я и сам спасусь». Больше того, когда афганские спецслужбисты выясняли в нашем «пустынном» батальоне 70-й Кандагарской бригады, кто сжег подорвавшиеся на минах машины с товаром, то наши же соплеменники указали на нашу колонну. Не могли же они брать чьи-то грехи на себя.

В Кучхи-Нахуде, где мы сделали очередной привал, меня уже ждал Джабар. Он подошел ко мне и строго (по-русски) сказал: «Твой комбат убедил меня, что ты решишь ту проблему, которую создали твои солдаты».

Я не менее строго, как истинный советский замполит, ответил ему: «Ты же знаешь, Джабар, что в Советском Союзе социализм, и у нас нет собственных КамАЗов и бочек с топливом. Пусть твое начальство и мое договорятся в Кабуле и решат вопрос с компенсацией».

Джабара мой ответ не устроил. Он сказал: «Твои солдаты не голодные. Чтобы купить эти машины, десятки афганских семей скинулись, и еще многие — чтобы закупить товар. Эти машины и товар могли прокормить три сотни людей, детей. Ты помнишь, как вы пришли в Афганистан и как вас здесь по-доброму встречали. А сейчас вы так себя ведете, что вас здесь бьют. Куда деваться этим голодным людям? Только в душманы идти и бить вас».

Я слушал его как завороченный и... отмечал про себя, какой талант советского политработника в нем пропадает. Он был гораздо убедительнее того улыбочивого кадровика из политотдела армии, который рассказывал нам об офицерах, жаждущих орденов.

...Старшим на нашей точке в Кучхи-Нахуде был офицер-лезгин (т.е. мой земляк-дагестанец). У нас с ним были дружеские отношения, и я легко догово-

¹² Афганская служба госбезопасности, работавшая с КГБ.

рился, что солью ему — как будто бы для нужд точки — десятки тонн бензина, а он расплатится им с земляками Джабара за сожженные машины и товар.

Умиротворив Джабара и ударив по рукам, мы все вместе пошли обмывать нашу сделку в баню. Здесь, в жарком пару, при дефиците воды, мы, как все нормальные советские христиане, мусульмане и иудеи, мылись голые, и только Джабар, не потерявший стыда (несмотря на то что он был хадовцем, т. е. кагебешником), мылся в подштанниках и нательной рубашке.

А что же наш «молчи-молчи...» (так называют в армии особистов), тот самый «стройный и спортивный»? Он, как оказалось, иногда ел свой хлеб на халяву.

А как же мои бойцы: солдаты и офицеры? Сначала они были в тревоге и ожидали, что афганцы начнут нас «мочить» за сожженные машины с товаром...

Но и на войне иногда происходит чудо. Они почему-то поверили, что их замполит знает волшебные слова, успокоившие афганцев. Почему поверили? Вечера вопросов и ответов я не проводил.

А новый день приносил с собой новые проблемы. Как говорится, проехали.

15

«Пересечение» Афгана и Чечни

Большинство автомобильных батальонов 40-й армии базировалось в Афганистане на постоянной основе. Но сроком на один год, сменяя друг друга, заходили еще и автобаты из разных военных округов Советского Союза.

Весной 1986 года через Кушку зашел автомобильный батальон из Прибалтийского военного округа. Он базировался в Калининградской области.

Заходили прибалтийцы довольно шумно: много стреляли, на скорости проходили населенные пункты, давили домашних животных — особенно, ослов и верблюдов.

Неуважительное отношение к себе афганцы запоминали.

Постоянным местом дислокации калининградцев был Шинданд, стояли они рядом с нашим батальоном на пустыре.

В рейсы мы с ними ходили по одним маршрутам. Но старались не пересекаться по времени. Их машины афганцы частенько обстреливали. Отличить нас было легко. Они были на новеньких «Уралах», мы — на старых КамАЗах. Машин у них было раза в два меньше, чем у нас, и их колонны ходили побыстрее наших.

Трагедия калининградского батальона произошла зимой 1987 года.

Разгрузившись в Кандагаре, наши колонны отправились в обратный рейс почти одновременно. Моя колонна шла чуть впереди. Но после последнего переезда Шиндандом ночлега в районе Дилорама более быстрые калининградцы нас обошли.

А через несколько километров, у Черной горы, они попали под ураганный огонь. Моджахеды устроили засаду. Первые три-четыре «Урала», вместе с шед-

шей впереди машиной командира батальона подполковника Кретинина, моджахеды пропустили, примерно столько же машин было отсечено ими в конце колонны. А середину они уничтожили. Проскочивший это месиво Кретинин вернулся на помощь своим солдатам и офицерам, но сразу же был убит.

...Пролетело почти 10 лет. Шла война в Чечне. И именно по такой схеме (отрезанные огнем на горном перевале первые и последние машины колонны) 16 апреля 1996 года между селениями Дачу-Борзой и Ярыш-Марды была уничтожена тыловая колонна 245-го мотострелкового полка из Мулно (Нижегородская область). 76 человек погибли.

Командовал чеченскими боевиками «черный араб» Хаттаб, получивший опыт войны против советской армии в Афганистане.

Были в Афганистане места, где мы не стреляли в душманов, а они не стреляли в нас. Не знаю, кто об этом договорился: может, дипломаты, может, военные, может, так на небе решили: Бог ведь един.

Перед Кандагаром, когда выезжаешь из пустыни, начиналась «зеленка» — виноградники. Здесь у моджахедов была база отдыха. Мы туда не стреляли. Но и мы здесь вдоль бетонки спокойно выстраивали свою колонну. Нас не трогали.

Метров через пятьсот возвышался элеватор, а сразу за ним начиналась зона обстрела — метров 150–200. С небольшим промежутком мы запускали по одной машине — проскочит или не проскочит. Как в тире, в стрельбе по бегущему кабану.

Вся 70-я мотострелковая бригада (кандагарская) выстраивала свою боевую технику, чтобы нас защитить: танки, самоходки... А моджахеды, несмотря на это, нас били, били, били. Зато... вне «договорной зоны».

Некоторые так и не проскочили зону обстрела.

Что-то подобное «договорным зонам» было и в Чечне. Может, здесь это ощущалось менее отчетливо, но все же...

В Афганистане говорили, что в бою один пуштун равен двум таджикам, два пуштуна — четырем таджикам, но 10 пуштунов — 10 таджикам.

А в Чечне? Чеченцы значительно жестче афганцев. Но и в Афганистане, и в Чечне боевики и бандиты — это не одно и то же: очень, очень разное.

С боевиками почти всегда можно договориться, с бандитами — трудно.

16

«Сражение» за табуретку. И бой на вершине перевала Саланг

Это случилось в начале октября 1985 года. Чуть больше месяца назад в батальон прибыло из Союза пополнение — молодые водители, отслужившие три месяца в учебке.

Двое солдат перед отбоем, не поделив табуретку, на которой складывалась форма, подрались. Один из них был азербайджанец — среднего роста, стройный, несколько задиристый. Другой — узбек, он был повыше, полотнее, по сильнее.

Азербайджанец встал в боксерскую стойку, узбек с большой силой ударил «боксер» ногой в живот. У «боксер» произошел разрыв кишки.

Я отвез его в госпиталь, там прооперировали. Военный хирург сказал мне, что хорошо бы его легким куриным бульончиком поддержать.

Курочку достать было непросто, нас держали в основном на тушенке.

Но начальник продовольственного склада, всегда спокойный и любезный татарин прапорщик Нафиков, раздобыл по моей просьбе курочку.

И вот вместе с тем солдатиком, призванным из солнечного Узбекистана, мы ежедневно отвозили куриный бульон в госпиталь солдатику из солнечного Азербайджана (с популярной фамилией Гаджиев). И Гаджиев выздоровел. Участники битвы за табуретку стали друзьями.

А где-то через месяц пришел приказ из бригады: несколько десятков солдат «передать для дальнейшего прохождения службы» в Пули-Хумри. Командиры

Афганистан, 1985 г. Я и мой командир подполковник Иван Номеровский (справа).

подразделений избавлялись от всех «проблемных» подчиненных. К новому месту службы убыли и те подравшиеся солдаты.

..Прошло почти два года. Летом 1987-го я ехал через перевал Саланг. На самой вершине Саланга заночевал у своего бывшего сослуживца, теперь воевавшего здесь майора Саварбека Гойгова из Ингушетии. А утром, с первой же проходящей колонной отправился в Пули-Хумри. Водителя машины, в которую сел, я узнал сразу же, хотя мы не виделись почти два года. Это был тот самый, вскормленный мною куриным бульоном, рядовой Гаджиев. Он, конечно, тоже узнал меня.

Не успели мы с ним побрататься, как попали под ураганный обстрел.

В горах на Саланге, на высоте 4 тысячи метров, когда тебя бьют с еще большей высоты, обстрел воспринимается пострашнее, чем на равнине под Кандагаром.

Рядовой Гаджиев оказался молодцом. На нашей машине не было живого места, но он сумел вывести ее из-под обстрела.

После нас не прошла ни одна машина. КамАЗы горели, некоторые сорвались в пропасть...

17

Мимо душманов — навстречу XXVII съезду КПСС

Это было в конце февраля 1986 года в Афганистане. Опытным военным водителям прислали замену — прослуживших три месяца солдатиков из учебок.

Дело в том, что солдат-срочник — военный водитель — служил 2 года и 3 месяца.

Если 18-летний мальчишка, ставший военным водителем, призывался в армию в мае, то его до августа готовили в учебном подразделении. А попав в Афганистан, он должен был отслужить еще два года, с августа до августа.

Если срочник призывался осенью — в ноябре, то, проходя военную учебу до февраля, он и увольнялся в феврале, через два года.

В том феврале 1986 года увольнялось больше половины наших водителей.

На смену им прислали неопытных ребят, большинство из которых не имели никакого стажа. Правда, в учебке они должны были пройти 500-километровый марш. Но часто это делалось формально. В общем, метлой и лопатой после окончания военных учебок многие орудовали гораздо успешнее, чем баранкой.

Обычно, правда, мы успевали их выпустить в рейс стажерами вместе с опытными водителями. Но далеко не всех, к сожалению.

Никаких душманских обстрелов не надо, чтобы неопытный водитель сорвался в пропасть с груженым многотонным КамАЗом.

Старшим трех колонн, а это более 200 машин, направили меня.

К несчастью, это случилось в день открытия в Москве XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.

До первого ночлега в местечке Диларам я добрался уже глубокой ночью, вынужденный оставить несколько сломавшихся машин с их молодыми водителями на наших горных точках.

Наутро, когда мы собирались продолжить движение, из штаба 40-й армии пришел интересный приказ, впрочем, весьма характерный для нашей социалистической державы: прекратить движение, рассадить весь личный состав у радиостанции и слушать речь генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза на открытии XXVII съезда. Плевать на войну, душманы подождут, главное — зарядить личный состав нашей коммунистической идеологией.

Как и было указано, рассадив личный состав у радиостанции, я сам ринулся с машиной техзамыкания на наши горные точки подтягивать к Дилараму поломавшиеся КамАЗы.

К середине дня я успешно решил эту задачу. Но вернувшись в Диларам, не нашел там своей колонны. Оказывается, к обеду из армии пришел новый приказ: прекратить слушать речь генсека на съезде и за сутки (вместо двух) добраться до Кандагара.

В полной темноте мы гнали по дорогам, кишачим душманами.

Как всегда, идеология почиталась у нас выше здравого смысла.

Глубокой ночью мы настигли нашу колонну в местечке Геришк. Здесь стационарно находился мотострелковый батальон 5-й шиндандской дивизии. Молодые водители были на пределе своих возможностей.

Когда на следующий день вошли в Кандагар и разгрузились, получили новый приказ из 40-й армии: за двое суток (вместо обычных трех) вернуться в Шинданд. Я, как и все офицеры, кипел и негодовал, но выполнять приказ мы были обязаны.

Конечно, в таких приказах, скорее всего, была какая-то военная необходимость. Но что делать, если молодые и неопытные водители не в состоянии передвигаться в таком темпе?

Они и не выдержали. У так называемой Черной горы колонна растянулась на десятки километров.

Молодым ребятам было наплевать на все опасности, на душманов, они останавливались и крепко по-детски спали там, где их заставляли ночь и усталость.

(Такое состояние абсолютной беспечности я впоследствии встречал и в Чечне. Усталые солдатики крепко спали, сидя на броне танков и БТРов, когда вокруг гремели снаряды.)

Я будил их и гнал, собирая в колонну. Окончательно я ее собрал часам к двум ночи в местечке Фарах, за 95 км до Шинданда.

Здесь до утра по спящим головам считал своих бойцов и, будучи членом КПСС, взывал к Богу, чтобы все они были на месте и живы.

Эти 95 км не позволили мне уложиться в дьявольский приказ: дойти из Кандара до Шинданда за двое суток. За это как старший колонны я получил строгий выговор от начальства.

Но что мне был этот выговор, когда я решил главную задачу: все мои солдатики живы, да и груз доставлен до места вовремя (назад мы шли пустыми).

Наверное, с этого момента я становился очень «плохим» офицером, для которого человеческая жизнь была выше сомнительных приказов начальства.

Впоследствии, особенно в Чечне, я, получая приказ, громко бравурно кричал: «Есть! Так точно!»

И действовал по обстановке.

18

Запомни это

В конце колонны мы ставили самых опытных, самых смелых, тех, которые при случае могут дать в морду, но ни при каких обстоятельствах не оставят товарища в беде. Последней всегда шла группа технического замыкания.

В нее входили: узбек, младший сержант Файзиев, я не видел его улыбающимся, очень грамотный, очень стойкий боец; русский рядовой Володя Мотыхляев, среднего роста, худощавый, хороший водитель... и любитель задевать молодых солдат (я всегда держал его под контролем и проводил воспитательные беседы), литовец, младший сержант Микилёнис (по кличке Микки), отличный водитель. Возил на уазике командира батальона и был его самым доверенным лицом. Постепенно «бурел». В конце концов напился. И был изгнан командиром. Рядовой Эрнст Робертович Эглитис, латыш. Здоровый, но шустрый, как электровеник. Незаменяемый трудяга.

Я, будучи старшим колонны, входил в самое гиблое место Кандагара последним, вместе с машинами технического замыкания.

Это было в начале 1987 года. Колонна вышла из пустыни. Вдоль «зеленки», как всегда спокойно, выстроились в линию. Стали запускать с промежутком в минуту по одной машине. Первые прошли благополучно. Потом моджахеды начали обстрел. Я с машиной техзамыкания выдвинулся вплотную к зоне обстрела. Мои солдаты творили чудеса.

Сержант Файзиев на ходу прыгает в горящую машину и спасает раненого водителя, отцепляет пылающие емкости с топливом и выводит КамАЗ из-под обстрела.

Микилёнис и Мотыхляев под пулями вытаскивают раненых.

Но самый шустрый — 19-летний Эглитис. Он все делает быстро, и при этом улыбка не сходит с его лица.

Молодцы ребята, всю колонну вывели из-под обстрела, осталось уйти самим. В это время пуля попадает в крюк КамАЗа и рикошетом в голову Эглитиса. Он падает и теряет сознание, но дышит. Микки пытается индивидуальным медицинским пакетом закрыть дырку от пули. Делаем обезболивающий укол промедола. Вместе с Микки тащим Эглитиса ползком до БТРа. Это больше ста метров. БТР трогается в госпиталь. Остаемся с Мотыхляевым. Ползем к машине техзакрытия, чтобы вывести ее из-под огня.

Мотыхляев поднимается первым. Я хватаю его за руку, пытаюсь остановить. Он с силой вырывается.

Пули бьют по кабине. КамАЗ с ревом трогается. Я вскакиваю на подножку, выходим из-под обстрела.

..До госпиталя смертельно раненного Эглитиса живым не довезли.

Мы сидим с Володей Мотыхляевым в КамАЗе. Я тихо говорю: «Запомни это». Что это? Не знаю. Может быть, этот день? Этот бой? Микки? Файзиева? Погибшего Эглитиса? Ради чего все это? У меня в тот момент не было ненависти к моджахедам. Да ее и никогда не было.

В голове стучала мысль, высказанная тем майором-пропагандистом: «Наша армия слишком устала без войны».

19

О дряни. И о любви

На войне как на войне. Одни совершают подвиги, другие... готовы заработать на всем.

Это произошло в 1986-м. Несколько прапорщиков дислоцированной в Шиндане 5-й мотострелковой дивизии организовали своеобразный бизнес. Они продавали на ночь афганцам служивших в дивизии советских женщин. На вырученные деньги прапора напивались и, одурманив себя, прыгали в бассейн, в котором... не было воды.

Да что я о других. Прапорщик-выпивоха был и в моем шиндандском батальоне.

Его отстранили от службы, и он несколько месяцев ждал (а вместе с ним и мы), все это время находясь в воюющем батальоне, когда его наконец уволят и отправят в Союз. Но не терял времени зря: каждый день пил и иногда буянил...

Где находил спиртное? В тормозную систему каждого КамАЗа зимой по нормативам нужно было заливать 200 г спирта. Но тормозная система, как правило, обходилась без спиртного. Ведь зимы здесь теплые (если не в горах).

Когда сотни тысяч молодых мужиков (а за девять лет эта цифра перевалила за 500 тысяч) два года без женщин — это опасно. Со всех точек зрения.

Женщины были нарасхват. За них стрелялись и... взрывали друг друга. При этом не соблюдалась никакая субординация...

Прошедший Афганистан имел право купить легковую машину — «Жигули», например. Машина — это самый дефицитный товар. Хотя в дефиците в Советском Союзе было и многое другое.

В Афгане, как и в Союзе, многое распределяли военные тыловики.

Один довольно высокопоставленный тыловик решил распределять и женщин. Кто с кем должен спать.

Он говорил вновь прибывшим женщинам (продавицам военторгов, медсестрам, парикмахершам), с кем они должны «жить». Если женщина соглашалась на условия «контракта», то в общежитии ей отводили отдельный «номер», а если нет, то определяли в обшарпанную комнату, где жили еще десять-пятнадцать честных женщин.

...Это было в Пули-Хумри.

Молодой прапорщик Гусейнов из Азербайджана полюбил украинку, работницу парикмахерской. Но начальник местного тыла определил ей «жить» с местным начмедом, майором.

Начмед этот был хорошим мужиком, но женатым, уже немолодым, да еще... с гусиной кожей на шее.

Парикмахерша выбрала Гусейнова.

Оформить брак можно было или в посольстве в Кабуле (что далеко), или в консульстве в Мазари-Шарифе. Но там не было никаких войск. А у меня уже был выговор за «разгильдяйство» — то есть за то, что выявил банду офицеров, продававших афганцам колеса и топливо, а потом они избежали ответственности. К тому же наш активный особист разрабатывал «дело Леснякова»¹³. Но ради спасения любви я рискнул и выделил молодым для сопровождения БТРы.

Это было летом 1987 года. Шла безалкогольная перестройка. И на советской свадьбе в Афганистане «тормозной» спирт разливался из чайников.

Потом, лет через пятнадцать, я видел «молодых»: они все еще были вместе.

Как-то мой командир подполковник Ярослав Турлай, с которым мы дружили и обсуждали друг с другом самые шекотливые вопросы, вернулся в часть

¹³ См. главы 11, 13.

после лечения в госпитале. От него забеременела медсестра. «Что делать? Ведь она хочет родить ребенка».

Ярослав Турлай был любящим мужем и отцом двоих детей, с фотографиями которых не расставался.

Я сказал: «Пусть родится ребенок». А через несколько месяцев Ярослав погиб...

20

О психологической реабилитации после Афгана и Чечни

Раз уж война длилась и длилась, а мы связали свою жизнь с армией, я считал, что каждый офицер обязан был пройти через Афган. Не должен же кто-то умирать там вместо тебя. Но второй раз добровольно, зная это «болото», сюда может прийти только морально нечистоплотный человек. Так я считал, находясь в Афганистане.

Но вот после Афгана я попал служить в Эстонию, в Таллинскую мотострелковую дивизию, заместителем командира инженерно-саперного батальона. Здесь, в Союзе, часто бардака было не меньше, чем на войне. И снова потянуло в Афган... Мне казалось, там чище, ведь война — это наркотик.

...Командиры частей в Союзе очень не любили, когда к ним прибывал офицер сразу после Афганистана. «Афганцы» были какие-то нервные. Мало что умели в области боевой подготовки, а то, что раньше умели, то на войне забыли. Но при этом мнили о себе много.

Таким был и я.

Офицеров-афганцев сразу не направляли в другие страны соцлагеря: чтобы они там чего-нибудь не натворили.

После Афганистана меня месяц продержали при политуправлении Прибалтийского военного округа в Риге, за штатом, как бы присматриваясь. И слава богу, что продержали: для меня это была своего рода психологическая реабили-

литация. Я каждый день выходил на службу и выполнял какие-то поручения офицеров политуправления округа.

Конечно, это несколько тяготило, потому что я не знал, куда меня отправят, и не мог вызвать к новому месту службы свою семью, но опытные офицеры говорили: не дергайся, тебя оценивают и в конце концов, если ты не псих, назначат на нормальную должность.

За этот месяц я прошел определенную реабилитацию, узнал требования, которые предъявляет командование округа к офицерам. Стал значительно спокойнее.

Хотя война осталась во мне на всю жизнь... После Чечни я полтора года числился в 27-й мотострелковой бригаде, которая дислоцируется в Москве, недалеко от Теплого Стана, а фактически работал в «Новой газете», продолжал освобождать заложников... и писать. Очень нервно писал и далеко не всегда профессионально.

Главный редактор «Новой» Дмитрий Муратов это видел, и его замы Акрам Муртазаев и Сергей Соколов мои тексты «успокаивали».

Акрам в конце концов от меня устал, а Сергей (Михалыч) Соколов так и мучается вот уже двадцать лет.

Конечно, я давно реабилитировался, но так привык, что со мной возятся, что нередко пишу (как говорит Муратов) неряшливо. Михалыч исправит...

21

Как я плакал.

Дедовщина в Западной группе войск

Это было в короткий период между Афганистаном и Чечней. Здесь и там на войне я был «тверд, как скала», грозен и... каждый день улыбался. И это несмотря на смерть и грязь. Я вообще не помню, когда плакал. Может быть, лет в семь, когда мама объясняла какую-то задачку, которую я не понимал.

После Афганистана и Эстонии меня направили служить в Группу советских войск в ГДР. О чем еще мог мечтать советский офицер, служивший на Дальнем Востоке, в Сибири, Афганистане и Прибалтике...

Шверин — один из красивейших городов Германской Демократической Республики. Зеленый, старый, сказочный. Город старинного замка и нескольких озер.

Это был второй день моего пребывания в полку. Жена и дочка пока не приехали, и я ночевал в казарме.

Провожу вечернюю поверку личного состава артиллерийского дивизиона, куда я назначен замполитом. Называю очередную фамилию солдата, а мне говорят: он уже больше месяца на гауптвахте. Как «больше месяца»?! Ведь командир полка не имеет права назначать более 7 суток, командир дивизии — более 10. Мне объясняют, что, мол, этот младший сержант, недавно прибывший после учебного подразделения, убежал из части, а весь полк не спал и двое суток его искал.

...Мне открывают одиночную камеру. Выходит из темноты, пошатываясь, худенький, невысокого роста солдатик. На меня смотрит... Смерть. Мне казалось, он сейчас упадет и умрет.

Его мучители легко придумали, как держать его на гауптвахте дольше срока. Для проверяющих писали: через 7 суток освобожден, и за какое-то нарушение снова посажен... Кормили его один раз в сутки обедками, оставленными караульными. Причем давали на прием пищи несколько секунд. Солдатик не успевал ничего толком проглотить, еду забирали и выбрасывали. И так — больше месяца.

И это издевательство происходит в одном из лучших полков Западной группы войск в Германии.

...Потом я узнал историю младшего сержанта Д. Его направили в этот полк после учебки. Офицеры ставили перед ним «задачи» по уборке казармы, мусорного бака и туалетов. А в подчинении у младшего сержанта — «старослужащие» солдаты и дембеля.

Они сами заставляли сержантика убирать мусор и мыть казарму. И издевались над ним, и били, и смеялись. Солдатик не выдержал и, что называется, самовольно покинул часть.

Его искали всем 2,5-тысячным полком двое суток. А когда нашли, заточили на гауптвахту.

Нет, не все командиры идиоты. Приказа оставлять без пищи и избивать на гауптвахте не было. Это уже, так сказать, творчество масс. Это — как сталинские репрессии. В инициативных товарищах на местах, желающих поддержать зверскую линию начальства, никогда не бывает недостатка.

Я сказал на гауптвахте солдатику:

— Ты продержись еще часа два, я тебя отсюда вытащу.

Пошел к замполиту полка, рассказал, что видел на гауптвахте. А он мне запел уже известную песню:

— А ты знаешь, что мы его всем полком двое суток искали...

Но я был настроен решительно: пусть меня уберут из этого отличного полка, уволят из армии, но солдата я обязан вытащить с гауптвахты.

Замполит был мужиком, не потерявшим человеческого лица, и впоследствии много хорошего сделал лично для меня, хотя я его об этом не просил... Он сказал:

— Я его отпущу под твою ответственность. Пиши расписку, что лично за него отвечаешь.

Я написал. И написал бы, даже будучи уверенным, что он снова убежит: только бы остался жив.

Во время полевого выхода. Германия. 1989 г.

Я забрал солдатика с гауптвахты. Был он весь грязный, и я завел его в умывальную комнату. Сил умываться у него не было, он дрожал и еле стоял на ногах.

Увидев это, я заплакал.

Слезы сами полились из глаз. В голове — эти мальчишки из Афгана. Погибший Эглитис... И эти слова из предсмертной записки: «Сообщите моей маме, что я погиб как герой»...

Смотреть на дрожащего в умывальне солдатика я уже не мог. Я попросил стоящего со мной прапорщика помыть солдата. Потом его покормили, отвели в санчасть и сразу же отвезли в госпиталь.

На следующий день я поехал его проведать. Начальника госпиталя я хорошо знал.

Его заместитель сказал мне:

— Какие же у вас в полку звери. Мы его выходим. И оставь его у нас, пусть он в полк не возвращается.

Я так и сделал.

22

Паша Голенко. Смерть моего призывника

После службы в Группе советских войск в Германии, я работал в военкомате подмосковного города Жуковский, призывал в армию. С 1992 по 95 год.

Всю свою армейскую жизнь был в войсках, а эти три года «перекуривал» в военкомате. Как я там служил — это отдельная песня, которую вряд ли успею спеть полностью.

Жуковский военкомат скатывался все ниже и ниже в показателях призыва. Из меня делали «волка». Призывники — «зайцы» — удирали, а я должен был их догонять. Цап в мешок — и в армию. И как им не удирать, если наша армия умирала вместе со страной. И офицеры абсолютно безнаказанно теряли своих солдат. Я не столько занимался призывом, сколько решал судьбы «потерянных» в армии.

Особенно часто они «терялись» в Азербайджане. Там начались боевые действия за Карабах. Куда же деваться русским солдатам? Брошенные своим военным начальством, они бежали к мамам и папам.

С тех пор прошло 25 лет, и у меня отличные отношения с их мамами, папами и с теперь уже сорокапятилетними бывшими солдатиками.

В самой России тоже был бардак, и не только в армии. Солдатики бежали не от войны, а от мордобоя, унижений и убийств. Идиотизм царил во всех частях, даже в элитных.

Рядом с подмосковным городом Жуковский — поселок Удельная. Здесь находится воинская часть правительственной связи (сейчас это структура ФСБ). Мой призвник постоянно бегал из этой части. Но, видимо, доверяя мне, не прятался дома под кроватью, а прибегал в военкомат. А офицеры правительственной связи постоянно бегали за ним... с уголовным делом. В конце концов я «спрятал» его в жуковской городской больнице — с тяжелыми травмами от мордобоя.

Тогда офицеры правительственной связи поняли, что проблема в защитнике, то есть во мне. Злые, как бешеные псы, они пришли разбираться со мной в военкомат. В такие моменты во мне просыпалась напускная афганская прыть. Я их послал...

А через несколько дней они натравили на меня военную прокуратуру Москвы. Меня вызвали к следователю. Это был пожилой человек, видимо, сохранившийся с бериевских времен. Он сразу же пригрозил мне. Но времена уже были не бериевские — разгул демократии. Я тут же поставил его на место. Он размяк. И мы стали с ним... почти друзьями. Расставаясь, он жал мне руку, хлопал по плечу и говорил: «Ты молодец, что защищаешь солдатиков!»

Больше эти «овчарки» из Удельной ко мне не приходили. И хоть жуковский военкомат и продолжал «скатываться вниз по призыву», военное начальство меня не трогало, считая, что я из «афганцев», которые не дружат с головой.

Так прошло три года. Началась война в Чечне, и я понял, что из советского и российского майора превращаюсь в преступника. Я отрываю мальчишек от матерей, отправляю их в армию, а оттуда их посылают на войну в Чечню и обратно — к матерям... в цинковых гробах.

Студент Жуковского авиационного техникума Паша Голенко, которому только что стукнуло 18 лет, пришел в военкомат на своих ногах. Это была редкость. Как правило, призвников тогда ловили с помощью милиции и загоняли в военкомат под страхом возбуждения уголовного дела. Более того, Паша Голенко запросился в десант. Но у него было плохо со зрением, и призывная комиссия поступила по закону, направив его в пехоту.

Пашка был настырным и притащил в военкомат своего тренера из военизированного клуба «Беркут». Они уговаривали меня призвать Пашу в десант, аргументируя это тем, что у него десять прыжков с парашютом.

Когда в начале июня 1994 года я его повез на областной сборный пункт в Железнодорожный, то сказал на военной комиссии о его желании служить в десанте и о парашютной подготовке. Комиссия призвала Павла Голенко в десантные войска.

...Рядовой Голенко был первым погибшим жуковчанином на чеченской войне. Привезли гроб два лейтенантика. Почему два, а не один? Видимо, боялись, что набьют морду. Но бить было некому. Мать Паши Людмила Анатольевна воспитывала сыновей одна, без мужа. Она преподавала художественное шитье в Доме детского творчества. А младшему брату Паши — Сашке — было лет девять...

Пашу Голенко похоронили с воинскими почестями¹⁴. На поминках о нем с нежностью говорили школьные учителя и одноклассники, преподаватели и соскурники из жуковского авиационного техникума, ребята из военно-спортивного клуба «Беркут». И все с особой заботой относились к молодым лейтенантикам, которые привезли это горе из Чечни, старались их накормить и напоить. Лейтенантики расчувствовались.

И вот один из пьяненьких лейтенантиков подходит ко мне на нетвердых ногах и со слезами говорит: «Товарищ майор, когда я вернусь в Чечню и погибну, похороните меня вы так же хорошо, как Пашу...» Я понял, что второго гроба из Чечни уже не выдержу.

Через несколько месяцев я отправил жену и дочку на постоянное место жительства в Израиль и остался один. Почему не уехал? Ностальгия по «немытой России» меня доставала в самой России. Так бывает.

Спасла Зоя Ерошок. В «Новой газете» она опубликовала большое, двухполосное интервью «Майор Измайлов: я не хочу в эту армию никого призывать».

¹⁴ Все руководство города помогло мне в организации похорон и поминок: Роберт Николаевич Овсянников, ученый из ЦАГИ, порядочный человек и редкий для России мэр, который никогда не был замечен в воровстве и злоупотреблениях; его заместитель Митин Юрий Федотович, полковник медицинской службы, пять лет прослуживший в Афганистане главным хирургом МВД СССР (работая в мэрии города, продолжал оперировать больных). Но особенно помогла мне Елена Владимировна — директор Дома детского творчества.

23

Не хочу призывать в эту армию

Пару слов о той, знаковой для меня, статье в «Новой газете». Когда началась война в Чечне и я работал в военкомате, то стал писать для местных жуковских газет. Одна из моих статей попала Валентине Тихомировой. Она тогда жила в Жуковском и работала в «Новой газете», куда перешла — вместе с большинством прекрасных журналистов — из старой «Комсомольской правды».

Я Тихомирову сразу узнал. За несколько лет до этого она обращалась ко мне с просьбой: «Как спасти сына от армии?» В общем, она попросила меня написать для «Новой» и дать интервью известной журналистке Зое Ерошок.

После выхода этого интервью меня сразу же вызвали в Московский областной военкомат (что на площади Революции). Там попытались поставить на место, но очень мягко, демократично. Я же все-таки был «афганцем», а времена стояли либеральные...

В Чечню я не собирался, мне хватало и Афганистана. Но после демократической (без кавычек) процедуры в облвоенкомате твердо решил поехать. Мои начальники очень этому обрадовались.

Они не знали, что я еду в Чечню не воевать, а учить наших солдат и офицеров уважать жителей этой республики и таким образом сохранять и свои и чужие жизни. Я был уверен, что это сделать смогу.

Я чувствовал, что в 41 год у меня были опыт и сила, чтобы принести пользу и не сломаться, пропустив «второй Афганистан» через себя.

Кое-что получилось. Пока хватало жизненных сил.

24

Рядовые Владимир Гришкин и Аркадий Клешторный

Это было в первых числах января 1996 года. На Ханкалу прибыло молодое пополнение. Солдатики, только что закончившие учебки. Большинству из этих ребят по 18–19 лет. Со школьной парты — и сразу на войну. Многие из них были обмануты российским государством, командирами.

В одной из учебок держали солдат взаперти в оружейной комнате, чтобы не разбежались. Утром зашнуровали в автобусы и отправили на военный аэродром, а оттуда самолетами в Чечню. Родители, собравшиеся около КПП, так и не попрощались с детьми. Некоторые так и не увидят своих детей ни живыми, ни мертвыми...

...Я рассадил сотню молодых солдат в казарме, в пролете между двухъярусными кроватями, и рассказывал, как нужно вести себя в Чечне, уважительно относиться к местному населению, как сохранить свою жизнь и жизнь товарищей.

Среди солдат я сразу заметил одного. Он был среднего роста, на вид значительно старше других и какой-то более собранный, сосредоточенный.

У другого солдата, очень худого и длинного, из носа пошла кровь, я направил его в санчасть. Через минуту он вернулся. Пытался обмануть меня: сказал, что уже побывал в санчасти. Я ему не поверил, остановил беседу и сам отшел в санчасть, которая находилась в соседней казарме. Этого долговязого 18-лет-

Чечня, 1996 г. Район аэропорта «Северный». У памятника погибшим — во время первой чеченской — военнослужащим 205-й бригады. Памятник поставили до августовского наступления боевиков на Грозный.

Во время наступления бригада потеряла больше, чем за всю предыдущую войну.

него солдата звали Аркаша Клешторный. Родом он был с Дальнего Востока, из маленького городка Большой Камень, что в Приморском крае.

В дальнейшем я всегда приводил Аркашу в пример: другие рады были не вылезать из санчасти, а этот не желал туда идти. Аркаша был смешливый и, когда меня видел, с каким-то особым смаком отдавал честь и улыбался. А я улыбался ему. Большинство офицеров серьезные, строгие. Сослуживцы Аркаши всегда завидовали, что у него есть друг среди старших офицеров...

А кто же этот серьезный и сосредоточенный, что на вид был старше других солдат?

Я вызвал его на беседу. Он действительно оказался старше остальных, хотя отслужил в армии всего несколько месяцев. Ему было 25. Звали его Во-

лодя Гришкин. Он тоже был родом с Дальнего Востока. Гришкин оказался дважды судимым, отсидел 4 года. Он был сиротой. Воспитывался у своей старенькой бабушки. А когда она во время второй его отсидки умерла, оказался на улице, так как родственники продали ее дом.

На работу дважды судимого не брали, и призыв в армию, по существу, оказался спасением от голода и бездомной жизни.

Когда Гришкина отправили на войну в Чечню, он, в отличие от большинства молодых солдат, был этому рад. Ведь участникам боевых действий давали какие-никакие льготы. А значит, впоследствии на «гражданке» можно было куда-то устроиться работать, получить место в общежитии.

Узнав, что он был судим, я хотел его сразу отправить из Чечни, но Володя взмолился не делать этого, так как, не получив льготы за участие в войне, он потом не найдет работу, пропадет.

И я его оставил...

Подумал: людям часто нужна война, чтобы лучше устроиться в этой жизни... А значит — смерть других людей, чьих-то детей, чужое горе, чужие слезы... И наше горе и наши слезы.

...Это случилось через два месяца после прибытия молодых, в начале марта 1996 года. Рядовой Владимир Гришкин в составе своего отделения на БМП сопровождал ЗИЛ-хлебовозку. Недалеко от Ханкалы машину обстреляли боевики. Ребята с БМП вступили в бой. Чтобы дать уйти остальным, рядовой Гришкин выпрыгнул с БМП и стал отстреливаться. Пуля попала ему в пах, в место пересечения кровеносных сосудов. С поля боя его вытащили, довели до Ханкалы, где находился госпиталь. Он потерял много крови, но был еще в сознании. От КПП его несли на носилках. Я держал его за руку. Он не стонал, и взгляд был такой спокойный... Операция длилась несколько часов, но Володю не спасли... Мы не знали, кому отправлять гроб с его телом.

Аркаша Клешторный застелил Володину кровать, наковырял на дощечке его имя и повесил на дужку кровати. Это была память о Володе Гришкине...

Позже меня назначили членом избирательной комиссии группировки войск в Чечне на выборах президента России. Нужно было ежедневно выезжать из Ханкалы в разные учреждения Грозного. Меня сопровождали солдатики на БМП. Среди них — и рядовой Аркадий Клешторный.

Как-то я заехал в грозненскую мэрию, и так как не нашел нужного мне человека, вскоре вышел. И увидел, что мои солдатики продавали местным мужикам бензин. И самым активным был Аркаша Клешторный.

Я строго поругал их и сказал, что по прибытии в Ханкалу сообщу их командирам, чтобы посадили на гауптвахту.

Аркаша подошел ко мне, показал свои дырявые ботинки, сказал: «Прапорщики со склада за новые требуют деньги».

Мне стало не по себе, но я продолжал строжиться.

Вернулись в Ханкалу. Командир роты, встречавший нас, спросил: «Как мои ребята?» «Нормально, — ответил я, — только одеть и обуть их надо получше, а то люди от этих грязных и оборванных солдат в страхе разбегаются».

Солдаты, видимо, ожидали, что я их выдам. За спиной услышал, как один из них говорил другому: «Аркаша его любимчик, поэтому он его не сдал».

Это было в июне 1996 года. А в начале августа боевики вошли в город. Весь месяц я провел в Грозном с разведбатом 205-й бригады, а когда вернулся в Ханкалу, узнал, что Аркаша Клешторный погиб. Его разорвало прямым попаданием снаряда. Не знали, что положить в гроб.

25

Как «ураганили» село Пригородное. Первый освобожденный пленник

Меня вызвали из Ханкалы, где я находился по приказу руководства бригады, в ее штаб, в район аэропорта «Северный». И прямо на совещании сообщили, что вызывают в Москву в Министерство обороны. Командир бригады, генерал, сказал: «Это его начальство заметило, потому что он во «Взгляде» выступает, а нас, пахарей, не видно». Другие офицеры, присутствующие на совещании, тоже стали мне завидовать. «Честное пионерское, не виноват, — пошутил я, — может, как обычно, дадут по шее».

Мне шел 42-й год, и я был вечным и окончательным майором. Командир бригады был на три года младше меня — и уже генерал-майор. Но я ему не завидовал. Видимо, я был тем плохим солдатом (то есть майором), который, говоря наполеоновским языком, не носил «в ранце маршальского жезла».

Офицеры стали обращаться ко мне с просьбами, чтобы там, «наверху», замолвил за них словечко, «особенно по квартирам».

Во время совещания дежурный офицер сообщил комбригу, что пришел глава администрации Грозненского сельского района.

Когда совещание закончилось, и мы выходили, я заметил в приемной двух печальных и немолодых гражданских.

Минут через десять меня снова вызвали к командиру бригады. Генерал познакомил меня с главой администрации Грозненского сельского района Эльмурзаевым и главой села Пригородное Батукаевым.

— Поедешь с ними. Выяснишь, кто бомбил село Пригородное. Какие разрушения. Есть ли пострадавшие. У нас с этим селом подписана договоренность о мире. Это, так сказать, твой «дембельский аккорд» перед поездкой в Москву.

Видимо, для уверенности мне дали десятерых вооруженных солдат и двух офицеров, один из которых был из ФСБ.

Офицеры и солдаты разместились на БМП, а я сел в «Жигули» вместе с сельскими руководителями. Батукаев узнал меня по «Взгляду» и вроде бы проникся доверием. Он рассказал, что несколько дней назад командование бригады подписало договор с руководством села. Согласно договору, российские военные не должны были бомбить село, проводить разминирование и так далее. А жители должны быть лояльными к российским военным и не допускать в село боевиков. Как будто боевики спрашивали у сельчан, входить им в село или не входить! Такие же соглашения были подписаны и с другими населенными пунктами Чечни. Все это было следствием смешного первоапрельского мира в Чечне, объявленного президентом России. После подписания мира, на следующий день, село Пригородное обстреляли.

Я приказал солдатам и офицерам остаться у БМП на въезде в село, а сам пошел разговаривать с жителями, собравшимися у здания администрации. Это были в основном женщины, старики и дети. Увидев меня, российского офицера, они еще больше закричали и замахали руками.

К счастью, разрушения были не очень значительными: побиты крыши, вылетели стекла... Легко ранена восемнадцатилетняя девушка.

По осколкам снарядов выяснил, что они от установки «Ураган». Единственный дивизион «Ураган» стоял на Ханкале. Он прибыл из Кабардино-Балкарии, из маленького городка Прохладный.

Я попросил, чтобы каждый житель написал заявление об ущербе. Написали даже те, кто не пострадал. Успокоил людей, что в этот же день подготовлю расследование и передам один экземпляр руководству села для обращения в прокуратуру. Люди действительно успокоились и стали расходиться.

Глава села Нурди Батукаев сказал: «Спасибо, Вячеслав! Я думал, что ты соврешь, мол, не наши снаряды, откуда-то из космоса прилетели. А ты так доброму говорил и людей успокоил. Мы тоже хотим добром ответить на твое добро. Два дня назад по нашему селу шел пьяный российский солдат. В одной руке он держал бутылку водки, в другой — автомат, и стрелял. У нас здесь дети бегают. Мы его связали и оружие отобрали. Я передаю тебе этого солдата и его оружие».

Это был рядовой 101-й бригады внутренних войск Алексей Магер.

Когда с ним вернулся к уставшим уже меня ждать на БМП военным, офицер ФСБ забрал кавказского пленника. Больше я его не видел.

...Где-то в 2000 году меня пригласили на съезд российских солдатских матерей в Санкт-Петербург. Тюменские матери мне рассказали, что Алексей Магер ходит по своему селу и хвастается, как воевал в Чечне...

...В тот же день я подготовил расследование по поводу обстрела села Пригородное «Ураганами». Подписанное командиром бригады и зарегистрированное при мне в строевой части, оно должно было уйти к командующему объединенной группировкой российских войск в Чечне генералу Вячеславу Тихомирову. Но расследование... замылили.

Тогда копию расследования я отдал главе села Нурди Батукаеву и... опубликовал в «Новой газете». Так оно дошло до командования группировки российских войск в Чечне и до командующего Северо-Кавказским военным округом Анатолия Квашнина.

Специально ли мы бомбили село Пригородное? Нет.

Ракетный дивизион «ураганил» село Гойское (видимо, с ним мир не заключали), но три деформированных снаряда «плюнули» из Ханкалы в Пригородное. Такие ошибки и в Афганистане, и в Чечне были «в порядке вещей».

P. S. Так, за 20 лет до Сноудена, я уже был своим, доморощенным разоблачителем военного руководства... Но мы тогда не регистрировали свой «патент» и слава, как всегда, утекла на Запад.

26

Ненависть к своим сильнее ненависти к боевикам

В Афганистане наши «небоевые потери» нередко списывались на душманов. В Чечне это было правилом: любую гибель валить на боевиков.

За 9 лет и 2 месяца пребывания наших войск в Афганистане погибло более 15 тысяч человек. Утверждаю, что по меньшей мере каждый четвертый умер не от душманской пули.

Причин было много. И неосторожное обращение с оружием, и самоубийства, и ошибки в координатах, и гибель при пожарах, и умышленные убийства своими же... Были даже утопленники — и это в стране, где большой дефицит воды.

Все перечисленное происходило и во время боевых действий в Чечне — как в первую, так и во вторую кампанию. Но только здесь «небоевые потери» составляли 2/3 от всех смертей. Выходит, мы в основном воевали сами с собой.

В Чечне я страшно не любил праздники и дни рождения: бойцы напьются и начинают сводить счета друг с другом с помощью оружия.

Отмечая 23 февраля 1996 года (то ли День Советской армии, то ли Защитника Отечества), офицеры ремонтного батальона 205-й бригады основательно залили глаза, и это вдохновило некоторых на «проверку несения службы личным составом». Замкомандира рембата капитан Брежнев заглянул в столовую. Было часа два ночи. Солдатики после наряда крепко спали. Пьяному капитану это показалось «непорядком». Капитан стал стрелять по стене с криками: «Всем встать!»

Первым вскочил солдатик Дима Дмитриев из Нижнего Новгорода и был на смерть сражен капитаном...

Брежнева судили, назначили условный срок, и он продолжил служить в Чечне.

До 1 января 1996 года я находился в той части 205-й бригады, которая дислоцировалась в районе аэропорта «Северный».

Здесь на Новый год пьяные офицеры-шалуншики много стреляли, жгли фейерверки и в результате сожгли несколько легковых машин, стоящих у штаба бригады. Это «безобидное» хулиганство прошло почти незамеченным.

Ханкала¹⁵ праздновала Новый год с гораздо большим размахом. Здесь пьяные контрактники, многие из которых были ранее судимыми, забросали друг дружку боевыми гранатами. Поэтому 1 января 1996 года меня отправили на Ханкалу в помощь первому заместителю командира 205-й мотострелковой бригады подполковнику Мураду Тлюстену. Он тоже прошел Афганистан: служил командиром разведроты, получил тяжелое ранение, был награжден двумя орденами Красной Звезды и представлен к званию Героя Советского Союза. Звезду не получил... Возможно, национальностью не вышел.

Здесь, в Чечне, на Новый год подполковник Тлюстен ловил пьяных подчиненных, бегающих по двору с боевыми гранатами... Я ему, как мог, помогал.

Сегодня, когда на 64-м году жизни я пишу эту книгу, меня все еще подташнивает от воспоминаний об этом идиотизме.

А эта история случилась весной 1996 года. Прапорщик Роза Сагитова служила санинструктором в дивизионе реактивной артиллерии. Ей было всего 19. Лишь несколько месяцев назад она приехала в Чечню с Дальнего Востока, где не могла устроиться на работу. Ее позвала в Чечню мать, служившая прапорщиком-санинструктором в батальоне материального обеспечения. Мать тоже звали Розой.

Женщины жили вместе здесь же, в санчасти. Как-то утром они собирались выехать в рейс с боевой колонной. Санчасть находилась в солдатской казарме. Подъем был ранний. От шума проснулся капитан К., ранее служивший в Афгани-

¹⁵ Пригород Грозного, где располагался штаб группировки российских войск в Чечне.

стане, но потом уволившийся из армии, а здесь, в Чечне, кадровики планировали восстановить его на службе. Капитан зашел в комнату к женщинам... Мешал им собираться в дорогу... Увидел на кровати автомат, взял... Женщины попросили положить автомат на место. Капитан усмехнулся: мол, в оружии знаю толк, ведь «афганец».

По-видимому, случайно нажал на курок... Младшая Роза упала, получив смертельное ранение.

Капитан К. от страха выпрыгнул в окно и побежал в сторону взлетной полосы. Здесь мы его и догнали.

...Капитана судили, назначили условный срок и... приняли на военную службу в Чечне.

Старший лейтенант Н. был одним из лучших командиров в 204-м мотострелковом полку, который дислоцировался в Шалих. Старлея даже представили к ордену.

В июле 1996-го Н. заболел и прилетел на Ханкалу в госпиталь. Места в стационаре не нашлось, его подлечили лекарствами, и вечером он решил вернуться в Шали. Было уже поздно, вертолеты Минобороны в это время уже не летали, и Н. отправили на вертолетную площадку внутренних войск.

Здесь боевого офицера Минобороны спецназовцы из внутренних войск избили и бросили в яму, где держали чеченцев. Нет, я не оговорился, не только бандитов, но и просто чеченцев. В такой, в частности, отсидел родной брат Руслана Хасбулатова — профессор Грозненского университета.

В яме избитого старшего лейтенанта Н. заставили метаться, стреляя ему по ногам. Потом еще раз избили.

...Но не все, кто присутствовал при издевательствах, были в звериной шкуре, один из них сообщил мне.

Вытащили мы старшего лейтенанта Н., отнесли в госпиталь на носилках, сам он передвигаться не мог. Начальником хирургического отделения госпиталя был мой друг полковник медицинской службы Эльбрус Фидаров, служивший в Афганистане в одни сроки со мной, награжденный там боевыми наградами.

Старшего лейтенанта Н. спасли. Он опознал избивших его офицеров спецназа ВВ. Служебное расследование проводил я. Но у меня начальство его забрало. И дело закрыли.

...Ненависть российских бойцов из разных видов вооруженных сил друг к другу часто превышала их ненависть к боевикам. До боевиков еще надо было добраться. Но некоторые за годы службы в Чечне так и не добились. В лучшем случае видели пленных боевиков по телевизору, а некоторые и по телевизору не видели, но слышали о них какие-то сказки, далекие от реальности.

Мотострелки, десантники, военнослужащие внутренних войск... «ходят по Ханкале взад-вперед, свои порядки устанавливают и нам, боевым ребятам, автоматами и гранатами на нервы действуют».

И начинается охота друг за другом... Боевики отдыхают.

Ежедневно в патрульный наряд по Ханкале заступали поочередно военнослужащие разных видов и родов войск.

Если дежурили мотострелки, то ловили и сажали на гауптвахту десантников и бойцов внутренних войск, и наоборот.

...Это случилось летом 1996 года, когда патрульный наряд десантников обстрелял вышедших ночью «на промысел» за спиртным мотострелков.

Четверо было убито, один солдат ранен (ему удалось спрятаться в кустах). Раненый солдатик и рассказал потом об этой охоте на людей... Это не было ошибкой со стороны патруля: они убивали целенаправленно.

И с этой дикостью я сталкивался почти ежедневно. За целый день этой войны своих против своих так намаешься, но только прислонишь голову к подушке... В Чечне о боевиках я почти не думал. Впрочем, как и в Афганистане — о душманах. Так мне «повезло» на войне.

На неделю выбравшись из Чечни, я защитил в Институте международного права и экономики в Москве дипломную работу по теме: «Некоторые криминологические аспекты преступности военнослужащих в Чеченской Республике»¹⁶.

...Когда я вернулся в Чечню, меня сразу же направили в Шали разбираться с причинами самоубийства молодого лейтенанта — начальника продовольственной службы одного из батальонов.

Этого несчастного лейтенантика призвали в армию на два года из Бурятии после окончания гражданского вуза с военной кафедрой. И отправили в Чеч-

¹⁶ Все это было до такой степени «без отрыва от производства», то есть от службы, что задекана юридического факультета этого института за несколько минут до моей защиты сама донепечатывала мою дипломную работу.

Полковник Эльбрус Фидаров, начальник хирургического отделения госпиталя на Ханкале.

ню: видимо, кадровых военных для этого уже не хватало или у них были свои «волосатые защитники». А у этого неженатого лейтенантика только мама. А что может мама? Родить и воспитать своего ребенка честным, отдать ему последний кусок хлеба, когда в стране пустые полки магазинов...

Сумасшедшее государство почти всегда сильнее мамы. Вот оно и отобрало у нее сына и отправило воевать в Чечню, о которой он что-то ужасное слышал по телевизору: «А люди там злые и с рогами...» Но до «злого чеченца» он так и не добрался, его сожрали свои — «хорошие».

Чем занимается начальник продовольственной службы батальона? Правильно, он обеспечивает батальон продовольствием. А мотострелковый батальон — это более 350 солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров.

На Ханкале с группой «Чайф». Февраль 1996 г.

Где он берет продукты? Он из Шали с риском для жизни ездит в Ханкалу — на продовольственный склад Российской группировки войск в Чечне. Что давали на этом складе молодому лейтенанту, окончившему гражданский вуз, которому в детском саду, в школе и институте рассказывали, что в нашей армии все честно? Правильно — ему давали гнилую картошку, сечку, черствый хлеб и просроченные консервы.

Нет, хорошее на складе тоже было. Но это — на стол начальству и бесконечным проверяющим из Москвы. Они так и шастают по Ханкале и заглядывают в солдатскую столовую. Поэтому здесь должно быть, как положено: первое, второе, третье и салат. А в Шали кто заглянет? Кто своей жизнью не дорожит?

...От такой пищи офицеры батальона взбунтовались. А вот солдаты в основном относились к этому спокойно. Главное, что вообще кормят. И потом, многие ведь стоят на блокпостах по всему Шалинскому району, здесь из села в село проезжают чеченские машины. А ты их хлоп шлагбаумом — и не пропускаешь. Пока не заплатят дань. Наши солдатики много не просили, какие они взяточники? Картошечки пару килограммов, капустки, яблочек и, конечно, свежего домашнего хлебушка. Да чеченцы и сами останавливались, им самим этих грязных голодных ребятишек в замызганном солдатском камуфляже было жалко. Особенно чеченским женщинам, просто по-матерински.

Эх, служили бы все на блокпостах — и начальников продовольственной службы не надо.

Но не всем выпадало счастье стоять у шлагбаума.

В общем, гневались офицеры батальона на своего начпрода. Да и солдаты — те, которые не на блокпостах.

Поехав в Ханкалу на склад «Шалинский», начпрод твердо решил раздобыть гречки и риса. А здесь ему кладовщик в звании прапорщика говорит:

— Хочешь, лейтенант, риса — распишись, что получил пять мешков, но два из них оставь мне. Хочешь гречки, распишись за семь мешков, но четыре оставь мне.

Лейтенантик возмутился:

— Как же так, ведь у меня и так недостача.

— Ах так, — сказал прапорщик, — на, получай свою сечку.

Кому пожаловаться на такую службу?

Повез он снова гнилую картошку, сечку и просроченные консервы в часть... Трава была высокая. Укрылся в ней лейтенант, написал предсмертную записку обо всем этом ужасе и разрядил курок пистолета себе в рот.

...Мое расследование начальству не понравилось. Оно бы все свалило на девушку, которая там, на далекой «гражданке», не дождалась... Но и этого делать не пришлось: вскоре о несчастном лейтенанте забыли — боевики вошли в Грозный, и военные занялись войной...

27

«Товарищ генерал, меня солдат не пускает в баню».

О роли прокуроров на войне

Когда в мае 1996 года в 205-ю мотострелковую бригаду прибыло пополнение солдат-срочников, прослуживших по полгода, его распределяли в тех частях, которые находились при штабе бригады в районе аэропорта «Северный». Руководство батальонов, находившихся при штабе, отбирало себе лучших (по мнению руководства). «Остатки» переправляли в те части, что находились на Ханкале, и в 104-й полк, формируемый бригадой в Шали. Но особенно злодействовало командование 4-го батальона 205-й бригады. Они не только «отобрали лучших», но и, договорившись с кадровиками, взяли сверх штата человек 30–40, чтобы недели за три обстрелять новичков, выделить «слабачков» и отправить их в другие части бригады. Эти 30–40 «лишних» солдат не стояли на довольствии. Их кормили обедками.

Командир 4-го батальона был самым молодым капитаном в воюющей Чечне, деловым, всегда умеющим угодить начальству. Через месяц он готовился поступать в Военную академию в Москве.

Знало ли о должностном преступлении командование бригады? Думаю, не знало. Сделка была заключена (полагаю, не безвозмездно) между командиром 4-го батальона и руководителем отдела кадров бригады.

Через три недели «ненужных» отправили на Ханкалу. Все они попали во 2-й батальон, которым командовал майор Гоча Деметрадзе. Все офицеры этого батальона во главе с его командиром и врачом — капитаном медицинской службы — полностью доверяли мне. Знали: никакой негатив не оставлю без внимания.

Они показали мне ужасную картину: несколько десятков истощенных солдат, а один из-за немощи не мог самостоятельно передвигаться.

Впервые за три недели их досыта накормили, затем всех направили в ханкалинский госпиталь на лечение, а оттуда в тот же день на санитарном вертолете вывезли в моздокский госпиталь.

Фамилию одного из этих солдат я запомнил на всю жизнь. Не хочу ее называть. До отправки в Чечню он лежал в психиатрическом отделении больницы.

«Товарищ майор, я всего боюсь, — говорил он мне дрожащим голосом. — Вот идет мне навстречу человек, он ничего плохого мне не сделал, а я его уже боюсь. Когда меня после больницы отправили в Чечню, я думал, что здесь, на войне, из меня сделают настоящего мужчину, а мне только еще больше страшно».

И этого бойца, и остальных, прошедших испытание голодом в 4-м батальоне, из тылового моздокского госпиталя в Чечню уже не возвращали.

...Через день меня вызвали в штаб бригады на совещание. Докладывал начальник отдела кадров: «Мы укомплектовали бригаду личным составом, а майор Измайлов ее разукомплектовывает...»

Я был спокоен (видимо, хорошо побегал в тот день). Когда меня призвали к ответу, сказал, обращаясь к кадровику: «Очень удивлен, увидев вас здесь. Считал, что вас уже посадили».

В это время в дверь комбриговского кабинета просунулись голова и плечо полковника: «Товарищ генерал, меня солдат с автоматом не пускает в баню. Прикажите, пожалуйста, пропустить! Очень помыться хочется¹⁷». Все офицеры, присутствующие на совещании, громко и весело рассмеялись. Полковничья голова как-то сконфузилась.

Дело в том, что она принадлежала единственному на всю российскую группировку в Чечне председателю военного трибунала. Его и следователей военной прокуратуры в воюющей Чечне в первую кампанию признавали за людей низшей расы. Сажали эти прокуроры только по разрешению военных начальников — и сажали, как правило, невинных чеченцев...

¹⁷ В районе аэропорта «Северный» было плохо с водой. Не только помыться в бане, даже умыться было сложно.

28

«Дана команда тебя ликвидировать». Как я вызвал гнев генерала Шаманова

Я давно не видел генерала Владимира Шаманова. И сейчас, спустя двадцать с лишним лет, мое восприятие этого человека смягчилось.

А тогда, в 1995–96-м я его ненавидел. Прежде всего я ненавидел унижающее людей отношение Шаманова к чеченцам и некоторым российским офицерам.

Лично ко мне до середины июля 1996 года генерал Шаманов, командовавший группировкой Министерства обороны в Чечне, относился хорошо. А 3 июля 1996 года, когда закончились выборы президента России, даже поднимал за меня бокал¹⁸.

В середине июля 1996 года я навестил лежащего в госпитале на Ханкале моего командира и друга, первого заместителя командира 205-й мотострелковой бригады, полковника Мурада Тлюстена. Это один из самых мужественных офицеров, которых я знал. И в то же время — сердечный и добрый человек. Мурад всегда с искренней теплотой относился к мирным афганцам и чеченцам, которые уж точно не хотели войны у себя дома.

¹⁸ Как я говорил выше, меня назначили одним из организаторов голосования среди военных в Чечне, и я мотался по гарнизонам больше, чем кто-либо другой.

Чечня, 1996 г.

...Мне особенно запомнился рассказ Тлюстена о том, как его, командира разведроты, направили в афганское селение выяснить результаты удара советской авиации. Когда он прибыл в селение, то увидел, как двое — мужчина и женщина — стояли на коленях перед шестью холмиками. Под холмиками лежали их малолетние дети. Это был результат удара нашей авиации. Увидев советских военных, эти двое — мужчина и женщина — тоже приготовились принять смерть. Это так впечатлило капитана Тлюстена, что он закричал: «Если прилетят советские самолеты, я сам буду в них стрелять!»

...В одноместной палате ханкалинского госпиталя полковник Тлюстен лежал под капельницей. Приступ старой болезни обострился у него после ссоры с генералом Шамановым. Глядя на больного Тлюстена, я думал о том, что предпочел бы, чтобы гнев Шаманова был направлен на меня. Уж я бы нашел дерзкие слова в ответ (хотя в армии и не принято дерзить начальству).

С журналистами «Взгляда» Сергеем Кушнеревым (слева в нижнем ряду) и Александром Любимовым (в центре).

Через несколько дней я в очередной раз выезжал из Ханкалы в центр Грозного с какой-то задачей. Здесь меня узнал пожилой чеченец и подошел поделиться своей бедой. Он оказался директором школы селения Гехи Урус-Мартановского района. Старый учитель рассказал, что к его дому подошли российские военные и спросили, нет ли здесь боевиков. Он ответил, что только дети. Военные начали стрелять. Тяжело ранили его сына и дочь. Со слезами на глазах он просил: «Помоги!»

Мобильных телефонов тогда ни у кого из нас не было, но в Центризбиркоме Грозного стоял прямой московский телефон. Я позвонил по нему Саше Любимову, руководителю программы «Взгляд», и Дмитрию Муратову, главному редактору «Новой газеты». На следующий день в Чечню прибыли корреспонденты «Взгляда» и «Новой». С ними я поехал в селение Гехи, но разрешения ни у кого из начальства не спрашивал. Да мне бы и не разрешили, узнав цель поездки. Только полковник Мурад Тлюстен прикрывал мои «художества».

В очередную пятницу вечером вышла программа «Взгляд», а в ней я, российский офицер, что-то говорил сельчанам-гехинцам про разрушенную школу, сожженную мечеть...

Наутро прибежал гонец от Шаманова и сообщил, что генерал меня вызывает — «и срочно». Я понял, что командующий вызывает не награждать орденом.

В кабинете в центре сидел Шаманов, а рядом три его зама.

Шаманов посмотрел на меня своим тяжелым взглядом и спросил рычащим голосом:

- Ты почему не сообщил мне, что здесь был Любимов?
- Его здесь не было.
- А передача «Взгляд» вчера?
- Здесь были его журналисты.
- Я тебя размажу и уничтожу! — зарычал Шаманов.

Видимо, он рассчитывал, что после этого звериного рыка я упаду, но я не упал почему-то.

Ответил генералу спокойно и интеллигентно: «Я, скорее, три раза пробегу вокруг Грозного, чем вы это сделаете».

После этих слов в кабинете Шаманова воцарилась тишина.

От такой моей спокойной наглости одухотворенное лицо генерала Шаманова изменило выражение и застыло. Лица шамановских заместителей, как по приказу, застыли тоже.

Сколько продолжалась эта тишина: минуту, две? Я даже успел подумать, не переборщил ли я: все же живые люди, хоть и военные начальники.

Но нет. «Вон из кабинета!» — заорал наконец генерал. «Как банально», — подумал я и спокойно вышел из кабинета командующего. Но не успел переместиться из штабного коридора на свежий воздух, как меня догнал один из шамановских телохранителей. С некоторым подобострастием выговорил: «Товарищ командующий просит вас вернуться». Я снова шагнул в кабинет Шаманова. Его замы все так же сидели, опустив глаза. Такой исход беседы со мной, конечно, не мог удовлетворить генерала. «Но черт его знает, может быть, кто-то очень влиятельный за ним стоит...» — видимо, подумал он. Продолжил уже в спокойном тоне: «У тебя, майор, нет здесь начальников? Ты делаешь все, что хочешь? Теперь я буду ставить тебе задачи, и ты три раза в день будешь передо мной отчитываться». Генерал Шаманов поставил передо мной какую-то задачу. Я сказал: «Есть» — и вышел.

В тот же день ко мне подошел один из замов Шаманова, присутствующий при нашем разговоре с ним. Это был полковник Владимир Иванович Сидоренко. Вместе с ним мы проводили президентские выборы в Чечне, и он ко мне относился дружески.

— Слава, — сказал он, — тебе надо немедленно уехать в Москву.

— Вы мне предлагаете дезертировать? Я же офицер управления 205-й бригады. Где мне находиться, решает мое командование.

— Ну хотя бы уезжай в штаб бригады (он находился в другом конце Грозного, в районе аэропорта «Северный»). Ты находишься в большой опасности. Дана команда разведчикам тебя ликвидировать.

— Владимир Иванович, я нахожусь на Ханкале по приказу командования бригады, если прикажут отправиться на «Северный», я это сделаю.

— Такой приказ будет. А пока иди в свою комнату в общежитии. Обед тебе принесут туда.

Я лежал на своей койке в общежитии, смотрел в потолок и, подложив руки под голову, думал. У меня штатное оружие: автомат и пистолет. Часто выезжаю в центр Грозного, сидя сверху на броне. Если дана команда офицеру-разведчику меня убить, я что, должен его опередить и выстрелить первым? Нет, я этого не хочу. Ведь у этого офицера тоже есть мать, жена, дети.

Так зачем же мне оружие? Я пошел на склад и, никому ничего не говоря, сдал автомат и пистолет.

Но и после этого у меня не было ощущения жертвы.

Я только заочно сочувствовал тому офицеру, которому дали команду убить меня. Это, наверное, очень трудно психологически: превратиться из порядочного российского офицера в убийцу. Наделаешь много ошибок...

Что касается личных поручений генерала Шаманова, то выполнять я их не мог, потому что никак не мог найти свободную минутку для того, чтобы их получить.

...Позднее мы как-то встретились с генералом в офицерской столовой. Он позвал меня.

— Ты почему, майор, меня избегаешь?

— Не избегаю. Просто ваша охрана меня к вам не подпускает, — соврал я.

Шаманов позвал охранника: «Этого хитрого майора пускать ко мне в любое время суток!» Генерал зашагал дальше. Я улыбнулся.

29

«Из-за твоей статьи в «Новой газете» меня трижды поднимал командующий!»

Десять месяцев, пока я был офицером управления бригады 205-й мотострелковой бригады и находился в Чечне, я о боевиках не думал. С ноября 1995 года до начала августа 1996-го не успевал разбираться с нашими российскими солдатами и офицерами, которые «мочили» друг друга.

Я об этом кое-что рассказал чуть выше.

Расследования проводил не по своей инициативе, а по приказу командования бригады. Защищая одних, в то же время увеличивал количество своих врагов. Недовольство (мягко говоря) проявляли не только военные, переступившие закон, но нередко и само начальство. Для руководства я не делал исключения. Но, как ни удивительно, эту мою позицию оценили на самом верху.

В конце апреля 1996 года меня срочно вызвали¹⁹ из воюющей Чечни в Москву «на ковер» к руководству Министерства обороны. Но правильнее сказать: не на ковер, а на ковровую дорожку.

Начальник Главного управления воспитательной работы (в советское время оно называлось Главным политическим управлением) генерал-лейтенант Здо-

¹⁹ См. главу 25.

риков, друг и однополчанин министра обороны Павла Грачева еще по Афганистану, встретил меня в своем огромном кабинете очень приветливо. Улыбнулся, вышел из-за длинного стола, чтобы поздороваться за руку. Что-то спросил из вежливости, а потом позвонил... руководителю Общественного российского телевидения: «Он уже у меня. Я его сейчас к вам пришлю».

За что же меня так высоко?

Отбеливать грязную войну я не желал. Даже если б мне посулили «медовый пряник» и я бы за это расплачивался своей совестью — все равно бы не смог. Бог бы не позволил.

А значит?.. Нужно плавно опуститься с высоты на грешную землю.

В кабинете директора ОРТ шло совещание. Со мной, майором (я был в форме), любезно поздоровались и посадили в самый центр, но не «у руля», а «справа по курсу» за длинный стол.

Обсуждалась новая информационная программа на ОРТ. Она специально была подготовлена к выборам президента России.

Правильному и демократическому выбору мешала кровавая война в Чечне. Поэтому на данный период предвыборной кампании позаимствовали обруганный советской властью принцип Льва Троцкого «ни мира, ни войны». Правда, с боевиками не посоветовались, и они продолжали долбить и сжигать наши колонны, а мы их — бомбить, в основном с высоты и попадать... в основном в мирное население.

...Мне поручили написать тексты к десяткам сюжетов, снятых при моем участии в Чечне. Я написал часа за полтора в меру своих способностей и так, как я их понимал. Видимо, там прочитали и... не прослезились. Больше мне с ОРТ не звонили.

До сих пор не знаю: то ли мои тексты не вписывались в рамки той чеченской «военной демократии», то ли они были абсолютно непрофессиональными. Хотелось бы думать, что первое, но больше, пожалуй, было второго. Утешусь. Ведь я не журналист и не было рядом редактора, который правил мои тексты. Я сам позвонил на ОРТ и спросил: «Что мне делать?» Мне сказали: «Что хочешь». И я решил по-грибоедовски: «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов...» Короче, возвращаюсь в Чечню, к своим «родным» военным преступникам.

Перед отъездом написал в «Новой газете» о том, как мы лихо бомбили село Пригородное, что в полутора километрах от Ханкалы.

...В Москве я был чуть больше недели. Вернулся на Ханкалу в первых числах мая 1996 года. Командир 205-й бригады генерал Назаров был в это время

на совещании у командующего Северо-Кавказским военным округом в Ростове. Он позвонил мне: «Почему я не знаю, что ты там, в Москве, написал? Из-за твоей статьи в «Новой газете» меня трижды поднимал командующий!» Я ответил не по уставу: «Товарищ генерал! Хорошо, что вас поднимали из-за меня, а не из-за того бардака, который здесь творится».

Когда генерал Назаров вернулся в Чечню, вызвал меня: «Слушай, Измайлов, дай походить в генералах». Командующий округом, генерал-полковник Квашнин сказал Назарову: «Чтобы я это имя — майор Измайлов — больше не слышал».

Но вскоре он меня услышал и увидел, и даже доверил мне... свою жизнь.

30

Грозненская церковь. Генерал Квашнин. «Футбольные команды» боевиков

Это было 3 июля 1996 года. Дата запомнилась, потому что в этот день завершился второй тур выборов президента России, по итогам которого Борис Ельцин одержал трудную и сомнительную победу над лидером КПРФ Геннадием Зюгановым.

Командующий Северо-Кавказским военным округом генерал-полковник Анатолий Квашнин находился в самой горячей точке округа — в Чечне. И как прилежный и ответственный прихожанин решил лично посетить полуразрушенную грозненскую церковь Михаила Архангела, узнать о проблемах и привезти продукты пожилым людям, которые в ней жили.

Тыловики по приказу генерала загрузили в уазик по мешку риса, сахара и муки, а от себя (то есть с продовольственного склада) еще и по ящику водки и шампанского. Видимо, чтобы старикам и старушкам было веселее в храме во время войны.

Когда офицер, которому было поручено сопровождать командующего округом в церковь, узнал, что, кроме трех-четырех военных, больше никакой охраны не предусмотрено, он «скорострительно» заболел. Тоннель из Ханкалы в Грозный тогда еще хранил почерневшие и искореженные от взрыва жестянки, оставшиеся

от автомобиля генерала Романова (*генерал-лейтенант Анатолий Романов после того подрыва на mine остался на всю жизнь глубоким калекой, а несколько сопровождавших его военных погибли*)...

— Предложи в сопровождающие меня, — сказал я первому заместителю командира 205-й бригады полковнику Мураду Тлюстену.

И когда командующий спросил, кто его будет сопровождать, Тлюстен быстро и четко ответил: «Замполит».

Генерал уточнил: «Какой замполит?» Мурад без юмора сообщил ему: «Мой личный замполит» — и показал на меня.

Командующий посмотрел и, видимо, счел мой вид достаточно уверенным. Генерал Квашнин не ассоциировал меня с тем майором Измайловым, о котором два месяца назад говорил комбригу: «Чтоб я больше не слышал этого имени»...

Увидев ящик водки, генерал приказал его убрать, а шампанское оставил.

В уазик я сел рядом с водителем, а на заднее сиденье — генерал Квашнин вместе со своим порученцем Яковом Фирсовым. Когда выехали за КПП, я повернулся и спросил командующего, как он предпочитает добираться до церкви. Можно вдоль рынка и дальше по центральному проспекту Ленина. Так, конечно, немного быстрее. Но два командирских уазика без сопровождения бронетехники — соблазнительная мишень для недобрых людей. Второй вариант: попетлять по безлюдным улочкам. Это несколько дольше по времени, но зато — некоторая гарантия от внимательных глаз.

На лице генерала я прочитал напряжение, но после секундного молчания он сказал: «Я знаю Грозный, но поезжай, как считаешь нужным». Я запетлял улочками. В это время второй уазик с охраной пробил колесо, но командующий приказал не ждать, и мы поехали дальше. До церкви добрались благополучно. Батюшка встретил нас с улыбкой. Показал небольшие помещения, в которых располагался. Потом по нашей российской традиции сели за накрытый угощениями стол. Батюшка был очень гостеприимным и, конечно, очень смелым человеком. Предыдущего настоятеля церкви, отца Анатолия, за несколько месяцев до этого похитили и убили²⁰.

Но вернемся к столу. Батюшка достойно ответил на привезенную нами муку, сахар и рис — черной икрой, русской водкой, красной рыбой и другими угощениями. Командующий ни к спиртному, ни к черной икре не прикоснулся, но что-то поклевал для приличия. А нам сказал: «Можете выпить». Я к спиртному был

²⁰ Вместе с ним похитили приехавшего из Москвы из Давыдовского монастыря отца Сергия. Отца Сергия удалось через полгода освободить, обменяв на боевика. Главная заслуга в этом — Сергей Вадимович Степанашин.

равнодушен. Вот черной икры съел бы, но из солидарности с генералом и к ней не притронулся. Полковник Фирсов хряпнул водки, но в меру. Генерал Квавшин очень спокойно и как-то по-человечески просто и доверительно говорил о жизни. О том, как после школы поступил и окончил политехнический институт в Киеве, где была военная кафедра. Как его призвали лейтенантом-двухгодичником (то есть «пиджаком») в армию. Как служил лейтенантом в Таджикистане и остался в армии... О том, чему учили в Академии Генерального штаба, о семье, о сыновьях. Они не пошли по стопам отца в офицеры, а нашли себя на «гражданке». Это был редкий случай на войне, когда я чувствовал легкость и душевное спокойствие, исходящие от отца-командира.

В церкви мы провели часа два. Тут и пробившая колесо охрана подросла, и мы засобирались в обратную дорогу...

Когда возвращались на Ханкалу, я почувствовал спиной, что доверие ко мне командующего с каждым пройденным километром растет. И я решился молвить слово: «Товарищ командующий, разрешите высказать свое мнение о переговорах с боевиками».

— Давай.

— Мне кажется, что мы их ведем не совсем правильно. С позиции силы. Надо что-то нетрадиционное. Хотя бы в футбол с ними сыграть.

— Так ведь их же на футбольную команду не хватит.

Конечно, командующий пошутил, но все же в этом была какая-то недооценка противника.

Через месяц в Грозный вошли сотни «футбольных» команд боевиков...

31

Цепь грубых ошибок. Грозный в августе 1996-го

В ночь с 5 на 6 августа 1996 года по нескольким маршрутам боевики вошли в Грозный. Вечером 6-го меня отправили проверять заставы вокруг аэропорта «Северный», около которого находился штаб 205-й мотострелковой бригады и несколько ее батальонов.

На одной из застав старшим был прапорщик. Я объяснил ему, как действовать в случае нападения боевиков. Он сказал: все понятно, только непонятно, куда отступать в этом случае. Я усмехнулся и ответил: «А отступать не надо. Перед тобой минное поле, у тебя отличное вооружение, БМП. Надо биться. Это противникам деваться некуда, это они должны отступать».

На всех проверенных мною заставах была «должная бдительность и напряженность», техника и оружие готовы к бою.

Вместе со 101-й бригадой внутренних войск 205-я мотострелковая бригада отвечала за Грозный и Грозненский сельский район.

1-й батальон 205-й бригады сразу выдвинулся на защиту Дома правительства, разведбат — в Старопромысловский район города, к зданию республиканской Госавтоинспекции. По Первомайской улице, громяхая своей старой, полужизношенной техникой, пошел 3-й батальон бригады во главе с подполковником Сканцевым.

Командиры частей и подразделений плохо знали город, ведь должных занятий не проводилось. Было не до этого: видя, как государство относится к этой войне, инициативу и рвение проявлять на ней мало кто стремился.

Офицеры 205-й бригады, которые должны были в случае чрезвычайной ситуации прибыть к Дому правительства, не знали, где этот Дом находится. Хотя и служили в Грозном полтора года.

2-й мотострелковый батальон 205-й бригады в основном был задействован на охране Ханкалы, где располагался штаб группировки российских войск. Свободное от охраны штаба подразделение усилило Республиканский военкомат, который находился недалеко от Ханкалы. Российские солдаты нашли общий язык с молодыми ребятами, составляющими чеченскую роту охраны военкомата. Это были единственные на тот момент призывники из Чечни в российской армии.

...Самые большие потери российская группировка, особенно 205-я бригада, понесла в первые дни боев за Грозный, с 6 по 9 августа.

Квалифицированные военные аналитики и без меня называют причины. Неразбериха, отсутствие должного взаимодействия между частями и подразделениями, незнание города. То есть в августе 1996 года во многом повторилось то, что привело к необоснованной гибели сотен военнослужащих в январе 1995 года. Прошел год и 8 месяцев, а выводов не сделали, уроков из той трагедии не извлекли.

Кто виноват? Политики, не умеющие договариваться? Военные, не умеющие воевать?

Я считал и считаю начальника штаба 205-й бригады полковника Александра Будко хорошим офицером. Но несправедная война предполагает цепь идиотских ошибок²¹.

Как-то в том же августе 1996-го, оставшись за командира мотострелковой бригады, полковник Будко направил в какую-то точку наше подразделение. Это была одна из сотен боевых задач, которые он решал. Через некоторое время полковнику доложили, что в этой точке действует какое-то подразделение, видимо,

²¹ И в праведных войнах такое тоже случается. Но я в праведных войнах не участвовал, поэтому знаю об этом теоретически. На практике знаю случаи, когда посмертно представляли к званию Героя России людей, погибших от ударов своей же артиллерии.

боевики. Полковник Будко, как и положено офицеру, принимал решения очень быстро. Он приказал артиллерии накрыть эту точку. Потом вспомнил, что сам послал туда подразделение...

Командир 205-й бригады генерал Назаров вызвал меня в конце августа — когда боевые действия закончились. В кабинете был еще какой-то генерал. Назаров сказал, что офицеры ФСБ и разведчики доложили ему, что я мешал разведбату воевать.

— Почему ты ездил во время боевых действий к боевикам на переговоры без головного убора?

— Чтобы они меня узнали и не стреляли, — сказал я с легким смешком в глазах.

— Кто давал санкцию на эти переговоры?

— Командир разведбата и офицер ФСБ попросили меня съездить на переговоры к боевикам и договориться о передаче нам раненых и убитых российских военнослужащих²².

Я держался уверенно, спокойно и немножко иронично. Он, что называется, еще не успевал задать вопрос, как у меня был готов ответ.

Более того, он, на мой взгляд, с большим трудом формулировал свои вопросы. А мои ответы ставили его в тупик.

В конце концов, не сумев поставить меня в неловкое положение, он сказал: «Ладно, иди. Я подумаю, что с тобой делать...»

За две недели до этого генерал Назаров повел в бой по простреливаемым улицам остатки своей 205-й бригады (основные силы вели бои по всему Грозному). Это были солдатики из ремонтно-восстановительного батальона и батальона материального обеспечения, то есть те, кто не держал в руках оружия, а только черпаки, отвертки, гаечные ключи...

Многие из них погибли.

— Лучше бы **ты** остался там, — сказал генерал-майору Назарову командующий округом генерал-полковник Квашнин.

²² Подробнее об этом — ниже.

32

На нас опять напали неожиданно

К августу 1996 года, и даже раньше, в Чечне не осталось ни одного солдата, да и офицеров — не более 0,5%, кто в январе 1995 года штурмовал Грозный. То есть опыт войны в Чечне у подавляющего числа военных — нулевой. Более того, даже офицеров-«афганцев» было очень немного, а генералов-«афганцев» вообще не было. Многие «афганцы» с ненавистью относились к этой войне, которая шла на своей территории против своих граждан.

Первый заместитель командира 205-й бригады полковник Мурад Тлюстен с честью прошел Афганистан, и в Чечне оставался верен своим принципам. Всегда по-доброму относился к мирному населению.

Командиром разведбата 205-й бригады тоже был «афганец», тоже награжденный там боевыми наградами, подполковник. Беспробудный пьяница, который спаивал своих подчиненных и толкал их на преступления. Разведбатом он прокомандовал недолго, всего несколько месяцев. В декабре 1995 года командующий округом генерал Квашнин отстранил его от должности, а затем его вообще убрали из Чечни. Это был редчайший случай, когда офицера, да еще награжденного и с боевым опытом изгоняли с войны. Другим за совершенные пьяные преступления давали по суду условные сроки и оставляли воевать.

Большинство частей и подразделений направляли на войну в Чечне на срок от трех месяцев до полугода. Если часть находилась в Чечне дольше, то каждые полгода шли замены офицерского состава, так что война велась «вахтовым методом».

205-я мотострелковая бригада — одна из немногих, которая дислоцировалась в Чечне на постоянной основе. Ее и формировали в этой республике из нескольких подразделений весной 1995 года. Но непосредственно в боевых действиях до августа 1996 года она не участвовала. Ее как бы берегли и старались... не замазать кровью, но это не очень получалось.

В ночь с 5 на 6 августа, как ведется у нас со времен оных, боевики вошли в Грозный неожиданно. Ключевое слово здесь «неожиданно».

22 июня 1941 года рано утром Гитлер тоже напал на нас **неожиданно**. Хотя разведка сообщала — нападут, и дипломаты сигнализировали, и пограничники ловили перебежчиков.

Но мы очень крепко спим после трудных будней...

Руководство боевиков, видимо, знало о нашей «сонной» традиции.

Но всегда и везде есть люди, не согласные с генеральной линией центра. Так вот, и у боевиков тоже были несогласные. Они еще месяца за два намекали нашим военным насчет августа. Даже на каком-то совещании у лидера пророссийской Чечни Доку Завгаева, где присутствовали наши генералы, **добрый человек** сказал, что боевики готовятся войти в Грозный.

Один из генералов ему ответил примерно так: «Пусть заходят, мы закроем мышеловку».

И **добрый человек** понял, что ни здесь, в Грозном, в руководстве Чечни, ни там, в Ростове, в штабе округа, его стуки, его крики, его звонки никому не нужны.

Оставалась только Москва — Кремль, но там жили другой жизнью — жизнью молодого капиталиста. А кругом... сплошной бандитизм. И нередко полнее, чем в Ичкерии.

6 августа 1996 года боевики с нескольких направлений зашли в Грозный. Правда, некоторым из них и заходить не пришлось: они уже там, внутри, были.

Ханкала вяло засуетилась: как-никак лето, и самая отпускная пора — начало августа.

Командующий Объединенной группировкой российских войск в Чечне генерал-лейтенант Вячеслав Тихомиров в отпуске.

Командир 205-й мотострелковой бригады генерал-майор Назаров тоже в отпуске, по уважительной причине — дочь выходит замуж.

Но разве мог предполагать генерал вместе с тремя сотнями подчиненных ему крутых разведчиков и особистов (структура ФСБ в армии), что боевики

заварят кровавое месиво в Грозном как раз в момент бракосочетания его дочери. Эх, если бы «разведка доложила точно», то не оставил бы он 6 тысяч подчиненных ему бойцов и не взял бы с собой на свадьбу весь бригадный оркестр.

А так остались мы, его бойцы, и без комбрига, и без трубачей, и без барабанщика.

В отпуск ускакали и другие генералы и старшие офицеры. Боевикам грех было не воспользоваться случаем.

Генерала Владимира Шаманова, который воевал даже тогда, когда другие наслаждались тишиной, направили... учиться в Москву, в Академию Генерального штаба.

Правда, этой невосполнимой потере были рады не только боевики, но и многие мирные жители Чечни, да и наши военные тоже, включая командиров полков 19-й владикавказской дивизии, которой тогда командовал нынешний начальник Генерального штаба Вооруженных Сил России генерал Валерий Герасимов.

Командиры полков, верившие в мои связи «в верхах», просили избавить их от назойливых приказов генерала Шаманова завладеть какой-то высотой под Борзоем. Это было в июле 1996 года, когда все наши военные в большинстве своем наслаждались относительной тишиной на войне.

Та высота ассоциировалась у меня с Мамаевым курганом. Высоту защищали ичкерийские боевики, а наши воинские подразделения пытались ценой больших потерь взять ее. Не помню, успели ли они до захода боевиков в Грозный. Если нет, то боевики освободили их от этой миссии, войдя в столицу. Если да, то зачем вообще нужны были эти жертвы? Впрочем, я не знаю случая в Чечне, чтобы за тупые потери личного состава кто-то из военных начальников ответил. Не их же дети погибли; «еще нарожают»!

Но вернемся в август 1996 года.

Одним из первых погиб комендант Ханкалы. Как нравился мне этот мужественный и веселый подполковник... Последний раз я видел его в первых числах августа, за несколько дней до захода боевиков в Грозный. Он специально подкараулил меня на КПП, чтобы перед выездом в Грозный нацепить бронежилет и каску. Я улыбнулся ему, а он крикнул вдогонку: «Целее будешь!»

В ночь с 6 на 7 августа меня направили проверять охранение вокруг аэропорта «Северный»...

Батальоны 205-й бригады шли в Грозный из Ханкалы и со стороны аэропорта по центральным улицам. Где их ожидали и били. Офицеры не прятались за спины солдат и гибли первыми.

Так погибли командир 3-го батальона подполковник Сканцев и его первый зам. Погиб командир разведбата капитан Станислав Кравцов, посмертно ставший Героем России.

Наш разведбат тогда стоял в районе здания республиканской ГАИ. Начальник ГАИ, полковник Лёма Магомадов (будущий вице-премьер Чечни при Рамзане Кадырове) сказал Кравцову: «Будь осторожен!» (в том смысле, что «не зная броду, не лезь в воду»). Но Стас Кравцов ответил ему: «Ты чеченский полковник, а я русский офицер». Красиво, конечно, и пахнет мужеством... Через несколько минут капитан Кравцов был убит осколком снаряда. И вечный вопрос: кто стрелял? Били и боевики, и наша артиллерия.

33

«ТЫ ЭТИМ НОЖОМ ГОЛОВЫ НЕ РЕЗАЛ?» — «НЕТ, ТОЛЬКО ХЛЕБ»

Командир 205-й бригады был немедленно вызван из отпуска. Вызвал меня и направил в разведбат. Видимо, был уверен, что я собственной персоной его усилию. Не за смертью же он меня туда посылал.

И мое желание совпадало с приказом комбрига, может быть, впервые. Но вот незадача! Майор на войне и... без оружия. Свое личное оружие недели за три до августовских боевых действий я сдал на склад, за что был искренне благодарен генералу Шаманову²³. Но чтобы соответствовать обстановке хотя бы формально (ведь ни российские военные, ни боевики не поймут), я быстро нацепил на ремень кобуру и засунул в нее гранату с вкрученным запалом. Нет, я не собирался стать шахидом, просто кобура с гранатой с некоторого расстояния казалась... Хотя черт его знает, чем она казалась.

Ловко (ну, может быть, не столь ловко, как Буденный в Гражданскую войну вскакивал на своего вороного коня) я залез на БМП и оседлал его. Бронези-лет, каска, кобура — почти все необходимые атрибуты присутствовали. Комбриг крикнул: «Где твой автомат?» Я нагло соврал: «Уже в машине».

Поехали.

Исполнял обязанности командира разведбата капитан Ильин. Скромный и очень грамотный молодой офицер. (Ему тогда было лет 26; до Чечни служил

²³ См. главу 28.

в Германии; великолепный компьютерщик...) Я сказал ему, что основную часть наших окопов надо спрятать за десятиэтажные дома.

Боевики, которые находились через поле, примерно в километре от нас, били по открытому пространству, и мы несли потери. Эту ночь я провел между солдатскими окопами и офицерской палаткой и почти не сомкнул глаз. Было очень сыро, лил дождь. Ильин показал мне паспорт с армянской фамилией. Сказал: «Наверное, лазутчик. Мы его задержали рядом с нашими окопами, сейчас допросим». Я сказал Ильину: «Не надо брать грех на душу! Лазутчик он или нет, не нам решать. У нас своя задача. Это хлеб особистов. Они пусть и выясняют».

Володя Ильин внял моему совету. На следующий день я его спросил о судьбе того парня. Мне показалось, что мой вопрос его встревожил. Он замаялся. А потом рассказал мне, что особисты выяснили, что парнишка не лазутчик, просто вместе с матерью живет в многоэтажках, возле которых окопался разведбат. Его отпустили. Потом он пошел от матери к сестре, которая жила недалеко, и в этот момент его застрелили.

— Кто? — спросил я.

— Наши.

Володя привел меня к окопу и показал убийцу. Я ожидал увидеть солдата-контрактника с решительной челюстью, а увидел невысокого, худенького, лет девятнадцати, срочника. Его рот был искривлен в улыбке, какой-то виноватой, и в то же время она как бы говорила: «Я делал то, что должно на войне».

За этот неполный кровавый август такого горя я видел много.

...Меня поразило абсолютно спокойное лицо русской женщины лет 45–50. Прямо перед десятиэтажным домом, в котором жила, она похоронила своего мужа, убитого неизвестно с чьей стороны. Детей они на лето отправили в невоюющую часть России и остались охранять свое «гнездо»...

Но чудо на войне встречается, я об этом уже знал по опыту.

...С криком «Убили, убили, убили...» ко мне бежала чеченка. Вместе с братом Данилбеком она жила в пятиэтажке, прямо у окопов разведбата. Данилбеку было лет 45, жену и детей он отправил в село, а сам вместе с сестрой охранял свою квартиру и каждый день подкармливал российских солдатиков. Дом стоял между полем, за которым были боевики, и разведбатом. Кто стрелял? Все стреляли.

Я побежал за женщиной к ее дому. Данилбек, к счастью, был не убит, а тяжело ранен. Его положили на матрас и так подняли на БТР. Вместе с сестрой я повез его в полевой госпиталь, который располагался в районе аэропорта «Северный».

Часа два шла операция. Потом вышел хирург, подозвал меня, чтобы не слышала женщина, и сказал: «Операция прошла успешно, пули вытащили, но выводить его в этих условиях мы не сможем. Нужна немедленная эвакуация в моздокский госпиталь. Через 15 минут туда вылетает вертушка (санитарный вертолет). Без разрешения особистов мы не имеем права поместить туда чеченца».

Я не стал спрашивать: «А как же клятва Гиппократа?» Рванул в штаб 205-й бригады. Заместителем особиста бригады был майор Саша (не помню его фамилии). Он приехал в Чечню с Урала. У меня были с ним хорошие отношения.

Бегал я отлично. Минут за пять добежал до штаба бригады. И вот оно счастье — увидел Сашу. Схватил его за руку и на обратном бегу объяснил задачу. Саша был молодцом, тоже хорошо бегал. Мы успели. В вертолет загрузили Данилбека вместе с сестрой.

Он выжил.

Где-то в середине августа командующий Объединенной группировкой в Чечне генерал-лейтенант Константин Пуликовский (возглавил командование во время отпуска генерала В. Тихомирова) дал 48 часов для выхода из города гражданского населения.

Несколько рейсов на БТРе — и я вывез из пятиэтажек и десятиэтажек, где стоял разведбат, гражданских людей и... генерала, министра внутренних дел Чечни.

Правда, некоторые жители не доверяли военным и сами остались охранять свои дома.

...На смену умнице капитану Ильину, которого руководство, видимо, обвинило в пассивности, прислали командовать разведбатом другого молодого капитана — Касатурова, прибывшего вместе с молодым особистом, тоже капитаном.

Между этажами в многоэтажках бойцы устанавливали на ночь растяжки из гранат и наутро их, как правило, забывали снимать. А в своих квартирах оста-

вались местные жители. Поэтому на рассвете вместо зарядки я бегал на скорость между этажами многоэтажек, снимая растяжки.

Политико-воспитательной работы я не проводил. Все были и так достаточно бдительны и насторожены, и понимали свой долг. И я тоже старался по части долга не отставать. Хотя каждый понимал его по-своему.

На войне в Чечне капитан Касатуров рос наполеоновскими темпами. Когда я прибыл в Чечню, он был командиром взвода, хотя и перспективным. И вот в августе 1996 года — он уже командир воюющего разведывательного батальона. Лихого капитана прислали, чтобы активизировать разведбат. И главной его помехой был... я. Видимо, он об этом докладывал начальству, но командование меня не отзывало. Сочетание льда и пламени их устранивало.

Тогда Касатуров пошел на ложь. Он сообщил, что меня немедленно вызывает командир бригады. Мобильных телефонов у нас не было, и я поехал в штаб. Командир бригады сказал, что меня не вызывал, и сразу же отправил обратно.

Разгадка пришла быстро. На обратном пути я увидел несколько груженных доверху «Уралов» с пожитками, награбленными из квартир, оставленных местными жителями. Останавливать колонну с награбленным я считал бесполезным и поехал за ними. У казармы разведбата касатуровцы остановились и начали разгружаться.

Я быстро смотался в штаб бригады и вызвал командование, показав, как «воюет» разведбат. Начальство слегка пожурило разведбатовцев и приказало все снова загрузить и везти обратно к многоэтажкам.

Все оставшиеся жители и гаишники высыпали на улицу.

Среди награбленного было много ковров, ими устилали БМП и БТРы, чтобы мягче было сидеть. Много было электротехники — телевизоров и магнитофонов — с ними было веселее воевать. И, конечно, было спиртное.

Но когда в грязных окопах я видел замызганных и усталых солдат, пьющих чай из чешского хрусталя, становилось и грустно, и смешно. Я заставил собрать всю хрустальную посуду и отнести к подъездам многоэтажек.

И еще меня поразило огромное количество награбленных женских колготок, бюстгалтеров и трусов. Видимо, их набрали в подарок своим женам и невестам.

Самому мне в окопах почевать почти не пришлось.

В первые дни пребывания в разведбате меня увидел — и узнал по выступлениям во «Взгляде» — один из заместителей начальника ГАИ подполковник Магомед Байбатыров. «Слава, — обратился он ко мне как к старому при-

ятелю, — ночуй, пожалуйста, у нас в здании ГАИ, а то с одной стороны в нас стреляют боевики, а с другой — ваш разведбат». Мне любезно предложили для ночевки мягкие стулья в кабинете начальника ГАИ полковника Лёмы Магомедова²⁴. Мягкие стулья — это не грязный и холодный окоп, и я был счастлив. А через несколько дней подполковник Магомед Байбатыров, проникшийся ко мне большим уважением за борьбу с грабежом, решил премирывать меня еще большим счастьем. Он сказал: мне 59 лет, спать неделями на стульях я уже не могу, кости болят. У меня есть ключи от одной квартиры в многоэтажке. Знакомые дали. С сегодняшнего дня буду спать на кровати. И тебе место в доме найдется».

Ночью мы пошли в дом. Конечно, я пополнил свой подсумок очередными гранатами, снятыми с растяжек.

Помылся под душем и лег на кровать. Я чувствовал себя, как в раю. Кто бы мог подумать, что так замечательно можно жить на войне. От переполнявшего меня блаженства долго не мог уснуть, но усталость пересилила и я задремал...

...Сейчас, на 64-м году жизни, когда, уложив детей, сам иду спать, долго не могу заснуть. Тогда я представляю себя в грязном и холодном окопе, потом — ерзающим на стульях и наконец засыпаю на кровати.

В августе 1996 года блаженство продлилось не более получаса. Началась стрельба, потом взрывы. Я выскочил на улицу, за мной Магомед.

Это Касатуров, видимо, решив реабилитировать себя за грабеж, повел разведбат в лобовую атаку. Через полчаса эта авантюра закончилась оставленными в поле убитыми русскими солдатами.

Потом была вторая попытка... собрать трупы. Но их количество увеличилось.

Я сказал ему: «Кто ответит за это перед их матерями?»

На следующий день капитан Касатуров с особистом подошли ко мне: «Не могли бы вы договориться с начальником ГАИ, чтобы он послал чеченских гаишников за трупами наших военных?»

Двух офицеров ГАИ послали договариваться с боевиками. Гаишников не было почти сутки. Были ли они у боевиков? Не знаю. Они сообщили о невозможном. Чтобы получить трупы своих бойцов, разведбат должен уйти. Но мы находились в Старых Промыслах, в районе Нефтянки, по приказу.

В жизни, на войне бывают предчувствия. Но я не предчувствовал, знал: трупы своих бойцов надо забирать, и идти за ними, кроме меня, некому. Когда Касату-

²⁴ Впоследствии его братья помогли мне в поиске и освобождении из неволи российских солдат.

ров с особистом подошли ко мне: «Не могли бы вы?.. Белый флаг переговорщика и «Урал» с надежным водителем мы уже подготовили», — я согласился.

Говорят, что в таких случаях не боится только мертвый, но я не боялся, хотя был живым. Побеждало любопытство: «Как они, црилежные коммунисты, комсомольцы и пионеры... в одночасье превратились в боевиков?!»

Стоя на подножке «Урала», я держал высоко на вытянутой руке белый флаг (где еще почувствуешь себя легендарным Юрием Власовым, который на Олимпийских играх в Риме высоко держал за древко красный флаг с серпом и молотом). Ехали очень медленно по бугристому полю, а перед первыми окопами, метров за двести до боевиков, вообще остановились. Я посмотрел на водителя. Солдат-контрактник был весь в поту и дрожал. Я вылез из машины и дальше пошел один, так же высоко держа за трубу белый флаг. Метров двести шел. Одни окопы, вторые. Ни о какой смерти не думал, а думал о том, как дотащу трупы наших солдат на себе до машины.

Ну вот, наконец, я у обгорелых пятиэтажек. Из всех окон повывлезали головы и руки с автоматами. Кричат: «Аллаху акбар!» «Акбар», — думаю: слава богу, дошел.

Со всех сторон окружили боевики. Некоторые похожи на матроса Железняка из Гражданской — перетянуты пулеметными лентами и между ними пистолеты висят. Какое там думать о смерти! У меня любопытство, как в кино, и у них тоже. Никакой злобы на лицах.

Выдержав актерскую паузу, говорю: «Я пришел к вам, чтобы забрать останки наших солдат». И дальше, уже без всякой паузы: «Если у вас будут погибшие, я тоже прикажу отдать». И тут... Программу «Взгляд» они любят и смотрят.

— Мы знаем вас. Вы майор Измайлов. Вы очень много делаете для своих солдат...

Командир боевиков дает команду рабочим, рывшим окопы, чеченцам и русским, отнести трупы российских солдат в мой «Урал».

И надо уже ехать обратно, ведь задача решена, но чувствую, что-то важное я этим боевикам не сказал и они мне тоже. И вдруг тот, перетянутый пулеметными лентами боевик мне говорит: «У вас в кобуре нет оружия, а мне пистолет куда вложить, может быть, подарите?» Я расстегнул ремень, вытащил кобуру, из нее — гранату с вкрученным запалом. Выкрутил запал. Положил гранату в один карман брюк, запал в другой... и ощутил полное доверие боевиков ко мне. Протянул кобуру ичкерийскому «Железняку» и говорю: «И ты мне что-нибудь подари». А он: «Что же я тебе подарю?» Покопался в кармане и вытащил складной нож с гравировкой волка. Я с улыбкой: «Ты этим ножом головы не резал?» — «Нет, только хлеб».

Мы пожали друг другу руки. И тут я им говорю: «Этот идиотизм скоро кончится. Не стреляйте в нашу сторону, и мы в вашу стрелять не будем. А если будут

стрелять, знайте, что я этого не приказывал». Командир боевиков спокойно ответил: «Все в воле Аллаха!»

Я выполнил задачу, и два дня командир разведбата меня слушался. Но вот закончились эти «48 часов Пуликовского», оставленные для выхода из Грозного мирного населения, и опять началось кровавое месиво. Правда, и в эти 48 часов не обходилось без стрельбы.

Эту историю рассказали мне чеченские женщины через месяц после августа, когда я уже был прикомандирован к группе розыска без вести пропавших и освобождению пленных. Мы говорили в Итумкалинском районе Чечни на границе с Грузией. Они рассказывали, как в те «48 часов Пуликовского» выходили из Октябрьского района Грозного. Шли через гору в сторону поселка Гикалло. На руках держали грудных детей, за руку — двух-трехлетних. В тот день лил дождь. Шли по грязи и лужам. Вдруг со стороны горы, где находились подразделения 101-й бригады внутренних войск, открыли огонь. Все легли на грязную землю. Наконец там, наверху, поняли, кто идет. Стрельбу прекратили. Женщины с грудными детьми встали, а двух-трехлетние малыши лежали в лужах, как мертвые, и не хотели вставать.

Более двадцати лет прошло... Даже мои друзья-чеченцы говорят: не надо о прошлом, уже новое поколение родилось, уже они женились и замуж вышли.

Без прошлого нет будущего. Хоть и правильная, но дежурная фраза. Увы, Афганистан и Чечня как будто повторяются для нас сегодня.

...Но вернемся в август 1996-го: к разведбату, гаишникам и боевикам.

«48 часов Пуликовского» не действовали на боевиков и на разведбат, зато действовали на мирное население, хотя и не на все, и... на чеченских гаишников.

Колонна легковых автомобилей гаишников выстроилась длинной змейкой и начала движение из города в сторону аэропорта «Северный». Офицеры разведбата и я наблюдали за этой сценой молча.

Подумал: «Хоть бы до свидания сказали, я ведь их охранял, лежа на стульях в кабинете начальника ГАИ».

— Слава, — услышал я голос Магомеда Байбатырова, — поехали с нами! Сейчас страшная война начнется.

— Нет, кто же моих разбойников воспитывать будет? Я уж с ними останусь.

— Мужчина! Спасибо тебе за все²⁵!

...Как только республиканские ганшники уехали, разведбатовцы вскрыли все кабинеты, взломали все сейфы в помещениях ГАИ и сходили там по нужде.

Я поехал в аэропорт «Северный», нашел начальника ГАИ, полковника Магомадова: «Лёма, ты собираешься когда-нибудь в здание ГАИ возвращаться? К завтрашнему утру разведбатовцы его разнесут. Дай мне несколько своих ребят, я обеспечу охрану здания».

Лёма дал мне пятерых офицеров. Днем они охраняли здание и пытались что-то отремонтировать. Ночью мы все лежали на матрасах на первом этаже и, чтобы не проспать войну, рассказывали друг другу разные истории о жизни, о себе.

Старший лейтенант, лет 37, сильный, худой и высокий рассказывал о своей большой раком четырнадцатилетней дочери. Когда уже все стало безнадежно, он сказал ей, что достанет все, что она захочет. Умиравшая девочка попросила кассету с каким-то редким индийским фильмом. И отец достал этот фильм. Девочка умирала с улыбкой на лице... В темноте я не видел лица лейтенанта, а мое было мокрым от слез.

Были и смешные истории. Один старшина-ганшник жил с женой около моста, на котором нес службу и... зарабатывал. Но ночью «клиентов» почти не было. И вдруг он услышал шум проходящей машины. Сработал инстинкт ганшника. Перелез через жену и с ганшной палкой прямо в трусах бросился наперез той машине...

В пятистах метрах от разведбата находилось ГУОШ (Главное управление оперативных штабов МВД России). Железобетонное их убежище постоянно обстреливалось боевиками. По радиостанции они попросили помощи у разведбата. Разведбат поддержал минометным огнем.

Минометчиками командовал капитан лет тридцати. Хороший парень, но почти не улыбался. За несколько лет до того он уволился из армии. Но гражданский хлеб, видимо, стал «не по зубам». Восстановиться в армии помогла война в Чечне. Вообще-то капитан по специальности был связистом, но вакан-

²⁵ В 1997 – 1999 годах, когда Чечня уже была Ичкерией, я пару раз виделся с Магомедом Байбатировым в Грозном. Потом его похитили и, скорее всего, убили.

сий офицера связи в 205-й бригаде не было. Капитан-связист занял лейтенантскую должность командира минометного взвода.

Итак, ГУОШ запросило разведбат о помощи. Капитан рассчитал и нанес координаты, и минометчики, заткнув уши, дали залп огня.

...По радиостанции слышу крики и мат...

Помните тот мультфильм, когда Винни-Пух попросил Пятачка выстрелить из ружья и разогнать пчел. Пятачок, закрыв глаза, выстрелил и попал... в заднее место Винни-Пуха. «Что, не попал?» – спрашивает Пятачок. «Не то чтобы не попал, просто в пчел не попал», – отвечает Винни-Пух.

Среди гуошевцев (там находился московский ОМОН и екатеринбургский СОБР) убитых, к счастью, не было, но были раненые.

Ко мне опять с улыбкой подходят капитан Касатуров и капитан-особист (они, как мы с моей женой Тамарочкой, всегда ходили парочкой) и говорят: «Ане могли бы вы, товарищ майор, на БТРе съездить в ГУОШ и вывезти раненых? Если вы будете без головного убора, то боевики вас узнают и не будут стрелять».

Конечно, я не мог разочаровать двух капитанов. Уж если быть волшебником, то до конца, хотя бы до конца августа 1996 года. Я согласился.

...БТР вез меня к ГУОШу, откуда доносилась стрельба. Я понимал, что «святое место пусто не бывает». Если не я, то поехал бы кто-нибудь другой. Но должен именно я. У меня есть шанс остаться живым. Хотя сидя на БТРе, я ощущал себя страусом: после очередной стрельбы хотелось засунуть голову в песок, то есть в броню, но я понимал, что надо быть «гусем» и держать шею как можно выше. Только так можно остаться живым.

Когда подъехали к ГУОШу, стрельба прекратилась. Мы затащили раненых и поехали обратно.

...В апреле 1997 года в приемной вице-президента Ичкерии Вахи Арсанова ко мне подошел полевой командир: «Ты, Измайлов, скажи спасибо Вахе Арсанову. Тогда, в августе 1996 года, когда ты на БТРе ехал в ГУОШ, мы хотели тебя снять. Это он сказал: «В этого лысого майора не стрелять»...

34

Контрактник, убивавший детей

Вот-вот переговоры генерала Лебеда с лидером боевиков Масхадовым должны были закончиться Хасавюртовским перемирием. Это была одна из последних ночей, которую я провел с ребятами в ГАИ.

Ночью я пошел проверять бдительность разведчиков. У костра сидели 5–6 бойцов. Перед ними стоял еще один (только что переведенный из другой части) и рассказывал, как в селе Гойском убивал шести-восьмилетних детей, чтобы «из них не выросли боевики». Солдаты, такие же контрактники, как и он, слушали со страхом. Я стоял рядом. Контрактник видел меня. И не боялся моей реакции. Я был растерян. Я не боялся ездить к боевикам на переговоры, преодолел свой страх, вывозя раненых омонцов из ГУОШа, боролся с грабежами разведбатовцев. А здесь... Он прямо при мне говорил страшные вещи, за которые по суду дают смертную казнь, пожизненное заключение. Было темно, его лица я не видел. Мне захотелось его ударить... Но я приказал затушить костер и ушел.

Шел второй час ночи, офицеры чеченской ГАИ меня ждали. Рассказал им, что слышал. Они молчали. Наверное, в этот момент они завидовали боевикам. Спать я не мог. Еле дождался рассвета. Пошел на тот пост. Разбудил, построил солдат. Вывел того, который рассказывал, как убивал детей:

«Слушай, подонок! Я майор Измайлов, живу в подмосковном городе Жуковском. Сделаю все для того, чтобы о тебе узнала вся страна, весь мир...»

Подонок был и... стукачом у особистов. Часа через два приехал начальник особого отдела бригады. Во время боевых действий я этого особиста ни разу не видел. Он подошел ко мне: «Товарищ майор, какую задачу вы выполняете здесь?» Я сразу

понял его: «Учил разведбат честно воевать», — сказал громко и весело, вытянувшись в струнку.

— Вы будете у меня в кабинете писать объяснительную.

И тут я от души послал его трехэтажным матом, да с такой агрессивностью, что он сразу исчез. *(Видимо, я не побегал в тот день, и хладнокровие меня покинуло. Мои коллеги по «Новой газете» и друзья-офицеры не знают случая, чтобы я ругался матом.)*

Ребята-гаишники пытались меня успокоить.

— Хочешь, мы тебе сделаем водительские права?

— У меня уже есть, и много лет.

— Ничего, мы тебе еще сделаем на всякий случай.

Я поблагодарил и отказался. Одного из чеченских гаишников звали Адам. До майора он дослужился в Саратове. Потом приехал в Чечню за... свободой и демократией, и тут началась война. Он сказал: «Вячеслав, ты разнервничался... из-за сды. Мне тоже надоела эта тушенка. Кругом сады ломаются от фруктов: хозяева от войны убежали. Давай с тобой залезем в сад и будем воровать яблоки, груши, виноград...» От воровства фруктов в чужом саду я не отказался. Мы с Адамом отошли метров на 500, залезли в сад и стали набивать наши кошельки фруктами, и даже несколько дынь прихватили.

Вдруг боевики едут.

Адам затолкнул меня в жилой дом, в женскую половину. Скомандовал:

— Лезь под кровать.

Но под кровать я не полез. Боевики остановились. О чем-то спросили хозяев и поехали дальше.

Мы с Адамом покинули гостеприимный дом и быстрым шагом направились к своим. Разгрузились. Я пошел к Касатурову выяснить обстановку. Капитан Касатуров, как всегда, был вместе с капитаном-особистом.

— Подписано перемирие с боевиками. Нам приказано вернуться в казармы. Прикрывать наш отход будет взвод. Они останутся до завтра.

— Как считаешь, мне с вами уходить или остаться со взводом прикрытия?

— Я думаю, с нами, но вы поступайте, как считаете нужным.

Вернулся к зданию ГАИ. Рассказал о решении командования. Поблагодарил офицеров за службу. Надо уходить с разведбатом.

— Мы поедем на своих машинах. Вячеслав, захвати дыню, сладкая!

Я взял самую большую дыню и пошел к своему «Уралу».

Техника уже выстроилась. Проходя мимо окопов, угловым зрением увидел солдата-контрактника, который рассказывал ночью об убийстве детей. Имен-

но взвод, в котором он служил, оставался для нашего прикрытия. Я проходил мимо него метрах в 20 и услышал ехидное: «Ну, до свидания, товарищ майор!»

Ничего не говоря, дошел до «Урала». Отдал дыню водителю: «Бери, сладкая. Езжай, я остаюсь со взводом прикрытия». Касатурову тоже крикнул, что остаюсь. Конечно, мне хотелось уйти вместе со всеми. Я устал и от этой войны с ее смертями, и от героизма, и от разведбата. Но тот солдат-убийца оставался... меня прикрывать. Этого я допустить не мог. Иначе зачем я его строил, зачем все эти слова, которые ему говорил? Нет, героем я ему быть не позволю²⁶!

Я оценил позицию. Самое надежное место, чтоб спастись и от боевиков, и от своих, — крыша десятиэтажки. Здесь и установили пулеметы. Наутро солдат с БТРа, где находилась радиостанция, крикнул мне: «Товарищ майор, вас вызывает на связь командир бригады». Я был уверен, что это правда. Но чтобы показать свою крутизну, крикнул ему: «Опять врешь. Руки оторву, если людей грабить будете!» Взвод прикрытия тоже сворачивался.

Я зашел в кабинет комбрига. Но об этом я уже писал...²⁷

²⁶ К сожалению, все мои попытки привлечь его к ответственности встретили отпор со стороны командования и местного особиста. Доказательств у меня не было.

²⁷ См. главу 31.

35

Виталий Бенчарский

С Виталием Ивановичем Бенчарским я познакомился в начале января 1996 года.

Полковник Главного штаба Сухопутных войск, он возглавил в Объединенной группировке российских войск в Чечне работу по освобождению заложников.

Фактически с Виталия Ивановича эта работа и началась.

Хотя и до него из Москвы присылали специального офицера, но он не вылезал из Ханкалы, из штаба. Отбыв двухмесячный срок, улетел обратно в Москву, так никого и не выручив.

Бенчарский все делал основательно.

В январе-феврале 1996 года мы виделись с Виталием Ивановичем в штабе группировки почти каждый день. Я забегал туда по каким-то вопросам к своим коллегам из Управления воспитательной работы — замечательным офицерам, подполковникам Василию Донцову и Александру Москаленко.

Как-то в начале февраля 1996 года полковник Бенчарский подошел ко мне: «Вячеслав Яковлевич, я слышал, что на днях солдат 2-го батальона переселяют из палаток в построенную казарму. Не могли бы вы разместить там матерей пленных солдат? Им ведь жить негде, скитаются где придется. Некоторые погибают».

Многие матери, да и отцы приезжали в Чечню из разных уголков страны и сами занимались поиском своих детей. И никому не нужны были эти родители. Так же как и их дети.

Полковник Виталий Бенчарский (крайний справа).

До вмешательства Бенчарского эти несчастные родители жили где придется: или в палатках с солдатами, или в брошенных и полуразрушенных домах, или на разбомбленных вокзалах, или у страдающих от постоянных обстрелов жителей Чечни...

Я был офицером управления 205-й бригады, отвечал черт знает за что, но не за обеспечение родителей своих солдат. Да и многие солдаты были из других частей и подразделений группировки.

Но ведь матери солдат — это же главное. Виталий Иванович об этом беспокоится?

Командиром 2-го батальона был 27-летний майор Гоча Деметрадзе. Он сам жил в палатке, правда, отдельной — вместе с женой, красавицей грузинкой, и двухлетней дочкой.

Для грузина Деметрадзе слово «мать» — святое. Поэтому я легко уговорил его отдать казарму «под размещение солдатских матерей».

И до конца декабря 1996 года матери прожили в 10-й казарме. То есть до тех пор, пока группировка войск не вышла из Чечни.

А началось все с Виталия Ивановича.

А еще мне запомнился день 15 марта 1996 года. В этот день полковнику Бенчарскому исполнилось 45 лет. И именно в этот день он из плена освободил прапорщика и солдата. Мы поздравляли его. А он сидел и плакал. Плакал о тех солдатских матерях, чьих детей он никогда не освободит, потому что они хоть и числятся без вести пропавшими, но наверняка погибли.

Примерно в это же время полковник Бенчарский собрался на комиссию по пленным, которую собирал в Доме правительства в Грозном один из руководителей республики. Виталий Иванович попросил меня собрать продукты для многодетной семьи, живущей в подвале недалеко от Дома правительства.

Вместе с продуктами он захватил из Ханкалы и меня. Благодаря ему я впервые увидел, как живут люди в разрушенном Грозном.

Когда вернулся в Ханкалу, начальство мне сказал: «Сиди здесь и делай свою работу». Но я с каждым часом все больше отбивался от рук.

Кульминацией стал август 1996 года. В разгар боевых действий разведчики и кагебешники попросили меня договориться с боевиками о возвращении нам останков убитых солдат и офицеров²⁸.

А когда я справился с этой задачей, моему начальству доложили... Впрочем, что доложили начальству, я до сих пор не знаю, правда, догадываюсь...

В общем, начальство стало думать, как от меня избавиться. В конце августовских боевых действий оно отправило меня в отпуск на максимально возможные 90 суток.

²⁸ См. главу 33.

Я не возражал и даже рад был уехать подальше от этого идиотизма. Мне даже дали путевку в Светлогорский военный санаторий Калининградской области. Но я туда так и не уехал: путевка моя пропала и виной тому снова был полковник Бенчарский.

...После Хасавюртовских соглашений наступило перемирие.

Теперь, чтобы выехать из Ханкалы на переговоры в центр Грозного, нужно было сопровождение совместного отряда, состоящего из боевиков и российских спецназовцев.

Эти переговоры о судьбе пленных проходили в центральной комендатуре. С российской стороны их вел замминистра внутренних дел, генерал-лейтенант Федоров. Полковник Бенчарский тоже должен был в них участвовать. Но он завозился со своей служебной «Нивой» и застрял в Ханкале. Ехать в Грозный без совместной российско-ичкерийской охраны он не мог. Тут полковник Бенчарский увидел меня. Это было 9 сентября 1996 года. На следующий день я должен был отправиться в отпуск, уже собрал свой «дембельский» чемодан и бесцельно блуждал по Ханкале.

— Вячеслав Яковлевич, вы не могли бы меня сопроводить в Грозный? Мне надо быть в Центральной комендатуре. Говорят, когда вы снимаете головной убор, боевики в вас не стреляют.

— Я бы с удовольствием, но мне запретили ближе 100 метров подходить к КПП, тем более я завтра уезжаю в отпуск.

— Вам запретили подходить к КПП, но вам же не запретили подъезжать? — сказал Бенчарский, и мне нечего было ему возразить.

Через несколько минут мы с ним благополучно прибыли в комендатуру Грозного.

И тут началось неожиданное. Находящиеся в Центральной комендатуре ичкерийцы стали подходить ко мне, майору российской армии, и... обниматься. Притом что я с ними знаком не был. Я их видел в первый раз в жизни.

Понаблюдав за этой сценой, Бенчарский сказал: «Вячеслав Яковлевич, вы должны работать в нашей группе по освобождению пленных».

Когда мы вернулись в Ханкалу, Виталий Иванович решил все вопросы. В результате я не уехал в отпуск, а был тут же прикомандирован к Комиссии при президенте России по освобождению пленных и заложников²⁹.

²⁹ В книге «Verbatim. Путеводитель по переговорщикам» (вышла в 2010 году в издательстве «Логос») я чуть более подробно рассказал о работе по освобождению заложников в Чечне. А здесь хочется сказать еще и о людях, которые этой работой занимались. С Бенчарского все началось. Другие портреты — в «Особой папке», в конце этой книги.

...Прошло двадцать лет. Все эти годы мы оставались с Виталием Ивановичем рядом. Он давно стал другом не только моим, но и редакции «Новой газеты».

Когда в 2001 году у него случился инфаркт, мы с полковником Вячеславом Пилипенко, слегка подкупив охрану, были у него после полуночи в реанимации госпиталя Бурденко.

Когда у меня умерла жена и я остался с двумя маленькими детьми, Бенчарский через руководимый им фонд оказывал помощь: ежемесячно прибегал в «Новую газету» и приносил мне деньги.

Не так давно ко мне обратились наши общие друзья и выразили некоторое недовольство определенными действиями Виталия Ивановича. Но разве старый еврей на 64-м году жизни может предать своего брата-украинца, которому пошел 68-й год.

Я им сказал примерно так: «Если Виталий Иванович решится на кражу со взломом, я вынужден буду приползти, чтобы его выручить».

Сейчас, когда его фонд оскудел, он «ловит» предпринимателей и упрощает оказать мне помощь. И делает это инкогнито.

36

Печку не ставить... Людей «убрать»

...В конце января 1996 года полковник Бенчарский договорился с известным ичкерийским полевым командиром Таусом Багураевым, захватившим целый блокпост с российскими военными, об обмене пленными.

Обмен производился под Шатоем. С российской стороны: полковник Бенчарский и матери пленных солдат. С ичкерийской стороны: полевой командир Багураев и его банда.

Российская сторона давала на обмен одного плененного боевика, который был так избит нашими военными, что не мог самостоятельно передвигаться, его несли. Ичкерийская сторона отдавала четырех российских пленников солдат с того самого злополучного блокпоста. Все наши солдатки были переодеты боевиками в спортивную форму и видимых следов побоев не имели.

А переданный нами боевик минут через десять умер. Увидев это, матери российских пленников солдат завизжали от страха. Они подумали, что их детей теперь не отдадут.

...Вернувшись на Ханкалу, полковник Бенчарский проверил условия содержания пленников чеченцев. Нет, нет, я не оговорился. Из тех четырех человек, которые оставались у нас в плену, боевиком с большой натяжкой можно было назвать одного. Зимой пленники сидели в холодной камере, на гауптвахте, под которую оборудовали полуразрушенный бывший солдат-

ский клуб. В соседних камерах сидели провинившиеся российские солдаты и офицеры.

Увидев такое скотское отношение к людям, полковник Бенчарский обратился к командующему Группировкой российских войск в Чечне генерал-лейтенанту Вячеславу Тихомирову и попросил, чтобы хоть печку-буржуйку в камере пленных поставили.

Генерал Тихомиров дал соответствующее распоряжение.

На следующий день полковник Бенчарский снова пришел в камеру, чтобы проверить, как выполнен приказ командующего об установке печки.

Но камера была открыта, и никого в ней не было.

Полковник Бенчарский спросил у охранявшего пленных старшего лейтенанта-десантника, куда же перевели людей.

Старший лейтенант засмеялся... Он расстрелял всех пленных, чтобы не возиться с установкой печки.

Узнав об этом, Бенчарский с ревом накинулся на охранявшего. А старший лейтенант ответил: «Ты, полковник, тоже под пулями ходишь, и спина твоя открыта».

Свидетелем этого противостояния был старший офицер ФСБ. Он стал успокаивать полковника Бенчарского и вывел его с гауптвахты.

Старший лейтенант продолжил службу.

И в дальнейшем пленных чеченцев содержали в ужасных условиях. Многих без всякого суда и следствия расстреливали или забивали до смерти. Противоположная сторона тоже редко обращалась с пленными достойно. Об этом могут рассказать те, кому удалось уйти от бандитов и боевиков живыми. Видимо, у ичкерийских и российских охранников-подонков был один общий учитель.

«Умирать надо в глубокой старости, на белых простынях...»

Как вы уже знаете, весной 1996 года меня назначили членом избирательной комиссии Группировки российских войск в Чечне по выборам президента России. Ежедневно я выезжал с КПП на Ханкале на избирательные участки Грозного, а иногда и других населенных пунктов Чечни.

Люди узнавали меня по выступлениям во «Взгляде» (спасибо Саше Любимову и Сереже Кушнереву) и подходили со своими проблемами и бедами.

Так я узнал Сулеймана Боприева и братьев-офицеров милиции Умаровых из Урус-Мартана. Их родственников убили, а трупы сбросили в канализационные люки. Кто это сделал? Увы, люди в погонах.

Со своими проблемами люди часто шли к КПП Ханкалы. Но их не пропускали. У военных были свои задачи. После 3 июля 1996 года, когда закончились выборы, я каждый день в обеденные часы выходил на КПП, выслушивал людей и пытался помочь.

Как-то ко мне подошла чеченка средних лет, очень стеснительная. Рассказала, что ее муж Абдула Мусаев вчера пас коров недалеко от Ханкалы и пропал. Корова вернулась домой, а он нет. Они жили здесь, рядом, в поселке. Чтобы прийти сюда, она оставила дома без присмотра троих детей — восьми, пяти и трех лет. Я попросил ее вернуться домой к детям и прислать ко мне кого-то из мужчин. Пришел брат Абдулы. Он показал то место, где пас коров пропавший Мусаев.

Это была зона ответственности 56-й воздушно-десантной бригады.

За помощью я обратился к полковнику Константину Голумбовскому³⁰, который в то время возглавлял группу по розыску пропавших.

Подожли мы к десанникам. Офицеры сказали, что никого не видели. По лицу одного из солдат чувствовалось, что он что-то знает. Когда другие разошлись, Костя Голумбовский сказал солдатику: «Тебе ничего плохого не будет. Расскажи, что знаешь».

Солдатик рассказал, что военные задержали мужчину, который пас коров, и еще троих чеченцев, ехавших на «Жигулях». Всех избили и бросили в яму. Потом выяснили через ФСБ, что они ни в чем не виноваты. Тех троих, что были на «Жигулях», отпустили, а тот, что пас коров, от избиений умер. Его здесь же в яме и закопали. А тем троем сказали, чтобы язык держали за зубами.

Труп Абдулы Мусаева мы выкопали и передали родственникам. Ему было 48 лет, астматик, не выдержал побоев... На следующий день после похорон ко мне на КПП снова подошел брат убитого Абдулы. Сказал: «Если бы не ты, так ничего и не узнали бы о его смерти. Жалко вдову и сирот...» И добавил: «Человек должен умирать в глубокой старости у себя дома в окружении родных и близких на белых простынях».

³⁰ Он из Института военной истории. Впоследствии стал генералом, заместителем руководителя Комиссии при президенте России по освобождению пленных и поиску заложников. Я очень много и продуктивно работал с ним, как и с его начальником, руководителем президентской комиссии, директором Института военной истории Владимиром Антоновичем Золотаревым. Сейчас Голумбовский сильно болен, дай бог ему здоровья.

38

Взгляд из-под топчана

1996 год, сентябрь. Я прикомандирован к Комиссии при президенте России по освобождению пленных. Встречаюсь с ичкерийскими полевыми командирами и уговариваю их вернуть российских солдатиков. Слух обо мне до многих боевиков уже долетел, и они, как правило, неплохо ко мне относятся.

Общаюсь с командиром батальона из отряда Руслана Гелаева. Он доброжелательно мне рассказывает:

— Учился в 4-м или 5-м классе. Учительница рассказывала о дружбе народов. А я ей: «Вы неправду говорите! Нас, чеченцев, в казахстанские степи выселяли, многие умерли...» Учительница потребовала пригласить отца в школу. Отец пришел и при учительнице отругал меня.

— А дома, наверное, извинился и сказал, что ты прав? — говорю ему.

— Нет. Он дома еще больше меня отругал.

— А откуда же ты, мальчишка, узнал историю своего народа?

— К отцу товарищи приходили, и они об этом говорили. Нам, детям, с взрослыми сидеть не разрешали, но я под топчаном прятался и все их разговоры слышал...

Многие чеченцы в советское время до 17–20 лет не знали о трагических страницах истории своего народа. В школе этому не учили. Домашние тоже хранили молчание и не хотели травмировать детей. Им же жить в этом обществе. Во времена перестройки и гласности темные пятна прошлого проступили явственнее.

У больших российских начальников не хватило такта и терпения, чтобы многое расставить по полкам.

Чеченским начальникам, бывшим советским генералам и старшим офицерам, тоже этих качеств не доставало. Но им, пожалуй, было труднее. С одной стороны их прижимало к ногтю российское руководство и военные, а с другой стороны давили чеченские бандиты (такие как Доку Умаров) и «доброжелатели» — террористы с Востока.

Свое место в этом хаосе я определил так: тащить из плена и тех и других, тащить всех, кто в этот котел попал не по своей воле. Тащить до тех пор, пока начальники с обеих сторон не перебересятся.

39

Они одинаково дрожат и потеют, когда страшно

Напомню, в конце августа 1996 года меня прикомандировали к группе по розыску без вести пропавших и освобождению заложников.

Без вести пропавшими числились не только российские военнослужащие, но и жители Чечни.

Очень многое я делал на свой страх и риск.

Встретился с Масхадовым и попросил у него помощи. Из нескольких передач любимовского «Взгляда» и слухов, которые обо мне шли по Чечне, он уже знал, что я хоть и российский офицер, но все же «кот, который гуляет сам по себе».

Масхадов поручил Завали Ахаеву, бывшему советнику президента Джохара Дудаева, работать вместе со мной.

С Завали Ахаевым я объехал всю Чечню, встречаясь с ичкерийскими полевыми командирами³¹.

На ночьлег оставались там, где заставала ночь. В тот день, где-то в середине сентября 1996 года, остановились в Аргуне, в семье боевика. Здесь нашел меня чеченский журналист, проходивший стажировку у Андрея Бабицкого на радио «Свобода».

³¹ Несколько слов о Завали Ахаеве. Он был старше меня лет на 7–8. После срочной службы в армии учился в политехническом институте в Эстонии, в Тарту. Там влюбился в дочь ректора этого вуза. И как всякий нормальный чеченец... за драку был отчислен. Вернулся на родину, в Наурский район Чечни. Но преданная девушка-эстонка, вопреки воле отца-ректора, поехала вслед за любимым в Чечню, в Наур. Через год отец-ректор вынужден был восстановить драчливого зятя в институте. У молодых пошли дети. Сначала родился мальчик, а потом девочка. Так, благодаря своей жене-эстонке и детям, Завали окончил вуз.

Чтобы дать интервью в прямом эфире, надо было ночью ехать в Грозный, где в квартире обычного пятиэтажного дома был «офис» чеченского отделения «Свободы», в котором жил и сам Бабицкий. С боевиками я поехал в Грозный, дал интервью и где-то во втором часу ночи мы возвращались обратно в Аргун, так как рано утром должны были встречаться с одним полевым командиром. За рулем «жигуленка» сидел боевик. Я — рядом с ним на переднем сиденье, а на заднем — чеченский журналист.

Я разговаривал с ребятами, поэтому особо не обращал внимания, как мы едем. Водитель выбрал ближайшую к Ханкале дорогу, где находились два блокпоста 205-й мотострелковой бригады и пост внутренних войск.

Раздалась команда: «Стой!» Я сразу понял, что мы едем в Аргун через блокпосты российских войск. Вышел из машины. Солдат-контрактник меня узнал и пропустил нас. То же произошло на втором блокпосту 205-й бригады.

Я посадил солдата с этого блокпоста в машину, так как на третьем КПП должны были дежурить военнослужащие внутренних войск, которых он знал. Но я был не в курсе, что за день до этого их заменили десантники.

Когда мы подъехали к следующему блокпосту, раздалась команда: «Стой! Выйти из машины. Положить руки на капот».

Я вышел первым, подошел к солдату-десантнику. Спросил, где старший. Старшим был капитан. Он узнал меня. Если бы объяснил ему все как есть, это бы вызвало подозрения и нас неминуемо задержали, а дальше — подумайте. Я наплевал, что проверял свои блокпосты и сейчас возвращаюсь. Показал ему пропуск. Капитан посмотрел и вернул документы. Когда я шел обратно к машине, солдат-десантник нес капитану паспорта моих спутников. Это были... ичкерийские паспорта с гравировкой волка. Я выхватил у него из рук паспорта, сказав, что мы уже с его командиром все решили и едем обратно через посты 205-й бригады.

Когда сели в машину, я сказал водителю разворачиваться. Но он оцепенел и дрожал — весь, целиком. Его дрожащая рука лежала на рычаге, но не могла включить передачу.

Я положил свою ладонь на его кисть и сказал: «Все хорошо, я уже с ним все решил. Ну, успокойся» — но руки его продолжали дрожать. Я помог ему включить передачу, и мы медленно стали разворачиваться.

Что было бы, если бы я сам потерял выдержку... В общем, этот боевик вел себя так же, как и тот российский солдат-контрактник из разведбата, с которым я месяцем раньше ездил на переговоры с боевиками.

Наш солдат тоже был весь потный и так же дрожал. И посмотрев на дрожащего боевика, я подумал, что мы все одинаковые, из одного теста.

И только наш страх делает из наших противников сверхлюдей.

А они хоть и «волки» по паспорту, но от нас, «зайцев», в минуты опасности не отличаются.

40

Забудь о тех, кого спас

...Когда с подачи полковника Бенчарского меня прикомандировали к группе по освобождению пленных, местом моего пребывания определили Центральную комендатуру Грозного. Комендантом с российской стороны был основательный и спокойный генерал Вячеслав Овчинников³², а с ичкерийской стороны — один из заместителей Басаева Асланбек-маленький, как его называли между собой и ичкерийские боевики, и федералы. Асланбек-маленький был каким-то дерганным и грубым. Во всяком случае, таким я его видел.

Многие боевики узнавали меня и... очень хотели помочь.

Ичкерийский начальник тюрьмы (для провинившихся ичкерийцев) при комендатуре специально отпросился у своего начальника Асланбека-маленького, чтобы показать мне места захоронений российских военнослужащих. После нашей поездки там работали солдатики из эксгумационной команды.

В комендатуре ко мне подошел чеченец-акинец (так называют чеченцев, живущих в дагестанском городе Хасавюрте и вокруг него). Он просил помочь в освобождении его брата-боевика из плена на Ханкале. Фамилия Абдуразаков. За это пообещал помочь в освобождении российского солдата.

Я сразу согласился. «Поехали», — говорю. Брат боевика удивился: «Как?! Ты даже не предупредишь свое начальство? А вдруг я тебя украду?»

— Поехали, — сказал я, — мое начальство будет радо.

³² Впоследствии он стал командующим внутренними войсками.

Мы пошли к его машине, но я почувствовал, что чеченец-акинец озадачен моей беззаботной активностью...

До утра я провел время в его доме под Хасавюртом. Угощали меня молодой бараниной и нежным бульоном с галушками из кукурузной муки. Брат боевика был специалистом-пищевиком: «Пшеничная мука клейкая, а кукурузная более диетическая».

Откушав, мы долго говорили о жизни и об этой грязной войне. С претензией на мудрость я произнес: «Бог все видит». На что он ответил так же глубоко-мысленно: «Божий суд нетороплив».

Двух сидевших тогда на Ханкале боевиков, Нагасаева и Абдуразакова, «разбавив» тремя чеченскими журналистами, которых «добрали» до количества, обменивали по схеме «всех на всех». Взамен ичкерийцы отдавали нам 32 человека, среди которых и офицеры, и солдаты, и гражданские рабочие.

Схема обмена «всех на всех» такая же мутная, как и вся эта война, как все подобные войны. «Всех на всех» не означает, что всех пленных с одной стороны меняют на всех пленных с другой. Пленных и заложников меняют, как хотят и кого хотят, и при этом кого не хотят менять — не меняют.

С российской стороны за ичкерийских пленных как бы отвечают различные должностные лица. И в то же время — никто не отвечает. Если кто-то захотел их расстрелять, то ему ничего за убийство людей не будет. С ичкерийской стороны — то же самое.

Об этом донсторическом уродстве не думали ни в Кремле, ни в Грозном.

С российской стороны в качестве главного «менялы» назначили моего друга полковника Вячеслава Пилипенко. С ичкерийской стороны — начальника лагеря для российских военнопленных Мовлади Раисова.

До самого обмена я ходил за Славой Пилипенко и просил его обязательно контролировать условия содержания пленных.

Помните, как обошлись с теми чеченцами (не боевиками) на гауптвахте на Ханкале? Их расстреляли³³.

Что касается ичкерийских бандитов, они тоже были «себе на уме», вернее, без ума и жестокие: расстреливали, отрезали головы...

...Наконец обмен состоялся: двух боевиков и трех чеченских журналистов обменяли на 32 заложников. В эти 32 не вошли не только невольники ичкерийских полевых командиров, но даже те, кто был в лагере у Мовлади Раисова. Пленных

³³ См. главу 36.

солдатиков, москвича Бориса Сорокина и дальневосточника Виктора Андриенкова, Мовлади в момент обмена послал пасти овец в горах. Я сказал об этом Раисову в присутствии министра шариатской безопасности Ичкерии Казбека Махашева.

— Слава, я тебе их отдам, — сказал Мовлади и исчез.

А вот того солдатика, который находился в семье брата боевика Абдуразакова и тоже не входил в список 32 обмениваемых, передали российской стороне.

В день встречи Александра Лебеда с Асланом Масхадовым в Новых Атагах заместитель министра шариатской безопасности сказал мне: «Слава, ты обязательно должен быть там и познакомиться с Масхадовым». Но мои начальники меня туда не посылали. Впрочем, как я должен был освобождать заложников и пленных, они мне тоже не говорили. Тем более пленных ичкерийцев у нас уже не было. Возможно, мои начальники видели во мне театрального фокусника, который показывает зрителям пустую геометрическую фигуру, закрывает ее, а потом снова открывает — и из нее сыплется череда заложников и пленников.

Я отдавал себе полный отчет в том, что военные начальники ни в чем не помогут, главное, чтобы не очень мешали.

...Так совпало, что за два часа до приезда секретаря Совета безопасности России Александра Лебеда к Аслану Масхадову с этим чеченским генералом встретился я. Наша встреча прошла в Новых Атагах, в доме Руслана Лорсанова — хозяина местного цементного завода. Масхадов сам подошел ко мне, очень приветливо улыбнулся и поздоровался за руку. Нам во дворе накрыли маленький столик. Мы ели домашний творог и пили чай с лимоном.

Я рассказал Масхадову о себе, о том, что мне поручено работать над освобождением пленных. Аслан познакомил меня с бывшим личным дудаевским порученцем Завали Ахеевым: «Работай с ним, он обеспечит твою безопасность».

Завали помог мне вытащить нескольких пленников, а также... найти скрывающегося от меня Мовлади Раисова. Я напомнил Мовлади о его обещании освободить рядовых Бориса Сорокина и Виктора Андриенкова.

Шел октябрь 1996 года. Было довольно холодно. Я сказал Мовлади, что уже не могу ездить без головного убора (чтобы узнавали по прическе и ненапроком не подстрелили) и вообще «меня в отпуск выгоняют». После моих слов об отпуске Раисов окончательно разгневался: «Из-за таких, как ты, я уже два года не был в отпуске». Потом, увидев мое подавленное состояние, смягчился: «Слава, ты офицер и я офицер. Без приказа своего начальника — президента

Ичкерин Зелিমхана Яндарбиева³⁴ — не могу просто так отдать тебе пленных солдат».

После этих слов я подумал, что даже у свободолюбивых ичкерийцев есть начальники, а у меня их нет.

...Увидев мое печальное состояние, Завали Ахаев сказал: «Не грусти, Вячеслав, Яндарбиева даже из-под земли для тебя достану».

Ночью мы поехали в Старые Атаги, нашли водителя Яндарбиева. Он вызвал его порученца. Тот сказал мне, что ночью Яндарбиев не примет, попросил написать ему письмо. Света в селении не было. Две машины стали напротив друг друга и осветили капот фарамин. Я написал две страницы — о чем, не помню, помню, что жаловался президенту Ичкерин на то, что Мовлади Раисов в присутствии

³⁴ Яндарбиев был и.о. президента Ичкерии с апреля 1996-го по февраль 1997-го.

министра Казбека Махашева дал слово освободить пленных солдат и обманул, ссылаясь на отсутствие приказа президента.

Утром порученец Яндарбиева, как и обещал, привез ответ. На моих листочках стояла резолюция Яндарбиева: *«Казбеку Махашеву! Решить вопрос с майором Измайловым согласно договоренности!»* Число и подпись.

Прочитав эту резолюцию, Завали Ахаев возмутился: «Что он пишет? Какая договоренность?» На что я сказал: «Успокойся! Он пишет то, что мне надо».

Мы с Завали положили это письмо с резолюцией Яндарбиева на стол министра шариятской безопасности Ичкерни Казбека Махашева. Он вызвал Мовлади Рансова: «Президент сказал отдать Измайлову пленных солдат».

Вечером в присутствии журналистов Рансов отдал мне пленных Бориса Сорокина и Виктора Андриенкова.

Я был совершенно пустой и не испытывал к освобожденным никакого интереса. Представил себе 10-ю казарму на Ханкале. Счастливых родителей освобожденных солдат, проводших в неволе около года... Матери других без вести пропавших тоже будут радоваться за счастливых подруг и верить, что и «на их улице будет праздник». А другие матери будут жаться к батареям (середина октября и в Чечне довольно холодно), завидовать и спрашивать себя, почему не их дети получили свободу.

Но я-то знаю, что подавляющему большинству «ханкалнских» матерей надеяться не на что: их детей уже нет в живых...

Я не повел освобожденных солдат в 10-ю казарму. Их повели другие офицеры.

Люди спрашивают меня: «Сколько ж ты вытащил из плена?» Не знаю: вытащил и забыл, лезь снова, не трать энергию на спасенных. Помни только о тех, кого предстоит вытащить, и о тех, кого не смог спасти.

41

Матери, отцы и дети...

Солдатские матери, жены офицеров, родные строителей, священников... Их объединяло общее горе и надежда: их дети, мужья и братья числились пропавшими без вести, пропавшими и пленными.

41/1

10-я казарма

Солдатскую казарму за номером 10 построили на Ханкале в начале января 1996 года. В нее должны были заселяться солдаты из палаток одной из рот 2-го батальона 205-й мотострелковой бригады.

Полковник Виталий Бенчарский попросил меня заселить в нее солдатских матерей³⁵.

Тыловики были от этого не в восторге. Но ведь и они тоже люди и в конце концов не только смирились с этим, но и вынуждены были поставить полугодных женщин на довольствие в офицерскую столовую.

³⁵ См. главу 35.

Война в Чечне продолжалась и постоянно увеличивала количество матерей, живущих в 10-й казарме.

Я старался пореже бывать в ней (тяжело), но некоторые моменты, связанные с ее обитателями запечатлелись в моей памяти.

К осени 1996 года в казарме проживали уже 233 матери. Причем многие из них расселились согласно отечественной традиции неуставных отношений. Те матери, чьи дети-солдаты пропали во время январского штурма Грозного 1995 года, жили в одном углу казармы. В другом — матери солдат, пропавших в августе 1996 года. В третьем — те, чьи дети пропали между этими двумя трагедиями. В четвертом — «гражданские»: матери строителей, священников и т. д. Несколько отцов ютились где-то между ними.

Отцы вели себя менее эмоционально и более прагматично. Некоторые щеголяли в новеньком военном камуфляже (на Ханкале продавалось почти все). Это очень контрастировало с замызганным и порой драным камуфляжем солдат.

Осенью 1996 года я вытащил солдата, пробывшего в плену около года. Он был с Дальнего Востока. Отец из 10-й казармы и сын, вышедший на свободу из ичкерийского плена, были счастливы. Я сопроводил счастливых на вертолетную площадку, чтобы вывезти из Чечни. Перед посадкой в вертолет вещи пассажиров проверял военный патруль. Из рюкзака отца они вытащили десяток штык-ножей от автоматов Калашникова. Я еле отбил этого горе-родителя от патруля.

Когда полковник Бенчарский заходил в 10-ю казарму, матери сразу же окружали его. Некоторые требовали в первую очередь освободить их детей, пропавших в январе 1995 года. А матери гражданских говорили: «Сначала наших! Ведь они вообще ни при чем».

И я их не осуждаю. Увы, горе не только объединяет, но и разъединяет.

Тот, кто начинал военную кампанию, об этом и о многом другом не думал. А когда попытался понять все ужасы войны, очень захотел ее остановить. И даже назначил дату мира. В День смеха. «С 1 апреля 1996 года начинается мир в Чечне», — заявил президент России Борис Ельцин.

Но он выбрал неудачную дату. Не поверили. Войну не захотели останавливать ни российские военные, ни боевики. **Недовоевали. И мир** по указу президента не наступил. Джинн вылез из бутылки и назад залезать не хотел. Цепная реакция была в самом разгаре.

Матери стремились попасть к генералам, чтобы рассказать о своих проблемах. Но их, генералов, достаточно хорошо охраняли от матерей.

Но вот пришло тепло. И с весенними первыми птичками прилетел на Ханкалу министр обороны Павел Грачев. Всех офицеров и генералов загнали в солдатскую столовую, она в торжественные минуты заменяла солдатско-офицерский клуб³⁶.

Выступая перед нами в столовой, министр был очень спокоен и демократичен. Не требовал немедленно захватить Чечню и уничтожить всех боевиков. Говорил он недолго, и я не помню, о чем. Но когда позволили задать ему несколько вопросов, он стал отвечать на них с неохотой.

Кто-то спросил о льготах и про квартиры. Я понял, что квартиры получают прежде всего семьи погибших офицеров, а льготные памятники на кладбище будут почти у всех: и у мертвых, и у тех, кто пока жив, и даже у пропавших без вести, которых никогда не найдут.

Солдатских матерей из 10-й казармы на встречу с министром не пригласили и не пустили. А они его караулили. Но надежная грачевская охрана их отодвинула. Один из генералов бросил им: «Еще нарожаете!»

41/2

0 «сметанной» демократии

В «столице» военной группировки в Чечне — на Ханкале — кормили лучше, чем в «чеченской провинции». Офицерам и солдатским матерям, которые стояли на довольствии в офицерской столовой, давали щи да кашу, салат да компот в полном объеме. Контроль жесточайший. Не успевала уехать одна комиссия, как приезжала другая.

Но вот на какой-то праздник, кажется, на майский, на обед дополнительно выдали по маленькой баночке сметаны. А все — и офицеры, и матери — стоят

³⁶ Подразрушенный клуб на Ханкале тоже был, но его использовали как гауптвахту для провинившихся солдат и офицеров, и острог для пленных чеченцев. Их ловили, как рыбу браконьеры, «сетями». Иногда в «сети» попадался один боевик.

в одной очереди. Но офицерам дают сметану, а матерям — нет. Казалось бы, какой пустячок! Но ведь женщинам эти «щи да каша» поднадоели. Хотелось чем-то себя побаловать. А денег на конфетку, баночку сметаны из Военторга у них нет. Ведь они месяцами и годами не работают. Я в офицерской столовой не смотрел в чужие тарелки (в солдатской столовой надо смотреть, и очень внимательно, чтобы никого не обижали). В общем, съел я свои «щи да кашу» и баночку сметаны слопал. И тут ко мне подходит женщина, причем самая маленькая, худенькая, и говорит, что матерям сметаны не дают.

Я строго посмотрел на солдат, которые выдают еду, и они на меня с испугом смотрят. Этих солдатиков я из подразделений вытащил, от казарменного хулиганства спас. И они благодарны мне. Солдаты говорят: начальники-тыловики сказали, что сметаны всем не хватает. Поэтому выдавать ее — только офицерам. Точка.

Мне стало стыдно перед матерями за эту историю со сметаной. Мне показалось, что меня унизили, впрочем, как и всех офицеров, которые ее получили.

41/3

Анна Пясецкая. Великая русская женщина

Она москвичка. Высокая, стройная, красивая. Ее сын, солдат-десантник Николай Пясецкий, погиб 1 января 1995 года во время гравчевского штурма Грозного.

Но гроб с телом Николая Пясецкого отправили на Урал, другой матери. Там и похоронили, не вскрывая гроб, как требовали военные.

В это время Анна Ивановна Пясецкая ходила по Чечне и искала пропавшего сына.

А через несколько месяцев той же маме на Урал прислали еще один груз 200. На этот раз гроб вскрыли. Там действительно лежали останки ее сына. Так кто же был первый? Тело первого солдата эксгумировали. Останки идентифицировали через 124-ю лабораторию судебно-медицинской экспертизы Минобороны,

С Анной Ивановной Пясецкой (вторая слева) и чеченскими женщинами.

что в Ростове-на-Дону. Это был Николай Пясецкий. Так Анна Ивановна нашла своего Коленьку...

У Анны Ивановны кроме Коленьки были еще и дочери. Потом пошли внуки. Она воспитывала и усыновленную дочку. В общем, забот хватало. Но Анна Ивановна осталась с российскими и чеченскими матерями, разыскивающими своих детей.

Когда ичкерийский бандит Руслан Хайхороев показал женщинам место, где он казнил российских солдат, Анна Ивановна сама выкапывала трупы...

Иногда она приходила ко мне в «Новую газету». Как-то ее увидел главный редактор Дмитрий Муратов.

Подожел, поклонился, поцеловал руку и сказал: «К Измайлову в основном приходят люди с бандитскими мордами. Вы первый нормальный человек, который к нему пришел».

Анна Ивановна продолжала помогать матерям и во вторую чеченскую кампанию. Там, где не проходили офицеры президентской комиссии по освобождению пленных, проходила она.

Мне кажется, найдя своего Коленку, она уже никогда не испытывала страха. И глядя на нее, я тоже не мог остановиться.

41/4

Роза Халишкова. Как спецслужбы использовали матерей

Солдатские матери жили на Ханкале, но надеялись больше на себя. Они продолжали ходить по всей Чечне, встречаясь с боевиками в поисках своих детей.

А когда возвращались на Ханкалу, их с пристрастием допрашивали офицеры спецслужб.

Боевики тоже старались зачерпнуть от материнского горя.

Солдатские матери не были носителями никакой военной тайны. Они жили только своей бедой. Однако сволочи, готовые делать свое дело на материнском горе, были и среди офицеров спецслужб, и среди боевиков.

Роза Халишкова из Кабардино-Балкарии. Ее сын, 18-летний солдат, пропал без вести в 1995 году. Роза — преданная мать, она ни капельки не жалела себя, чтобы найти своего сыночка. И я тоже пытался его найти. Но среди пленных его не было.

Как-то Роза сказала мне с укором: «А я так на вас надеялась». И продолжала искать.

Боевики-подонки ей говорят: «Мы поможем тебе найти сына. А пока ты можешь помочь другим матерям. Сообщи русским, что у нас двое пленных. Один тяжело ранен и вот-вот умрет. Мы их готовы уступить за две тысячи долларов. Если эти люди никому не нужны, то мы их расстреляем».

Дело было в начале апреля 1997 года. Чечня тогда де-факто получила независимость, и российские войска из нее вывели.

Полковник Константин Голумбовский находился при российском представительстве в Грозном и занимался пленными. Когда Роза Халишкова сообщила ему о двух пленных солдатах, он с риском для жизни съездил в Ингушетию и занял там денег. Но бандиты передали ему только одного солдата, а когда он расплачивался, «поймали за руку» и заявили, что русские офицеры за деньги выкупают пленных.

Костю Голумбовского удалось вывезти из Ичкерии, и он еще много сделал для спасения российских солдат и жителей Чечни.

...Осенью 1999 года Розу Халишкову, как и трех ее подруг — российских матерей, ичкерийские бандиты захватили в заложники.

Роза провела в неволе полгода, осталась жива и продолжила поиски своего сына.

41/5

Надежда Чегодаева. Светлана Кузьмина. 26 месяцев в плену

Ее сын Алексей служил в 81-м полку. Без вести пропал в январе 1995 года. Надежда искала его по всей Чечне. Искала пять лет. Некоторые люди подавали ей надежды. Мать верила любому звоночку. И этой безудержной материнской верой часто пользовались грязные авантюристы.

Некая Р. Могушкова, сколотившая банду и действующая совместно с ичкерийскими похитителями людей, убедила Надежду (что взять с нищей матери!) подключить к поискам ее сына активистов.

Надежда Чегодаева жила в Самаре. Про ее беду знали многие земляки и очень хотели ей помочь. За дело взялись руководитель женского движения Самары Светлана Кузьмина и местный журналист Виктор Петров.

Бывший заложник Виктор Петров — у здания редакции «Новой газеты».

Они в июне 1999 года приехали вместе с Чегодаевой в Ичкерия и сразу же попали в лапы похитителей. Саму Надежду «пошадил» — с нее просто нечего было брать.

Дмитрий Муратов, который сам родом из Самары, сказал мне, что весь город стоит из-за этого похищения на ушах, и попросил сделать что-нибудь. Но я и без этих слов уже был в деле.

Выполнению этой задачи мешало многое. Мешала начавшаяся в августе 1999 года очередная война, мешала непредсказуемость ичкерийских бандитов, которые не держали заложников на месте, а преследуемые федералами, таскали пленников за собой по горам и лесам. Наконец, мешал... сам ГУБОП (Главное управление по борьбе с организованной преступностью).

Начальник «этнического отдела» ГУБОПа полковник Михаил Сунцов убеждал меня «не лезть поперек батьки в пекло». Дело в том, что его офице-

ры работали с неким проворовавшимся екатеринбургским бизнесменом и по совместительству местным депутатом Законодательного собрания, который к тому же был «болен» бандитизмом. Генпрокуратура «лечила» его, надев наручники. Депутат, вор, бизнесмен и бандит (в одном лице) дал слово ребятам Сунцова, что выкупит самарских заложников, а также находящихся с ними московского правозащитника Александра Терентьева и французского журналиста Бриса Флетье.

Вся эта канитель продолжалась многие месяцы. В конце концов Генеральная прокуратура сказала: «Нет. Закон для всех един. Вор должен сидеть в тюрьме».

К этому времени, а шел уже август 2001 года, французского журналиста Бриса Флетье как иностранца (то бишь льготника, по-нашему) уже выкупили; московский правозащитник Александр Терентьев погиб — бандиты его заморозили, как фашисты — генерала Карбышева; самарский журналист Виктор Петров бежал, правда, со второй попытки, воспользовавшись суматохой и неразберихой в стане ичкерийской банды...

А что Светлана Кузьмина? Она бы тоже бежала с Петровым, но была обессилена и осталась умирать в Самашкинском лесу. Припасенную корочку черствого хлеба Светлана отдала Виктору и перед побегом перекрестила его...

Генпрокуратура, сказавшая «нет» вору-депутату-бизнесмену, развязала мне руки. Я вышел на криминального авторитета Лече Исламова (кличка Борода), который уже почти два года сидел в изоляторе ФСБ «Лефортово». Общались мы с ним в основном через записки, передаваемые его адвокатом, кстати, русским, бывшим прокурором одного из районов Чечни. И иногда по ночам... перезванивались по мобильному. Знали ли об этом оперативники и тюремщики ФСБ? Безусловно, знали. Но относились к этому «безобразию» с пониманием.

К освобождению заложников была подключена и жена Бороды Луиза Устарханова. У нее тогда был грудной ребенок. Луиза, которая походила на «гром-бабу» по сравнению с довольно мягким Лече, говорила мне: «Смотри, Вячеслав, если мы вытащим заложников, а у тебя что-то не получится, то я со своим ребенком буду жить в твоём кабинете в «Новой газете»!» Для верности Исламовы подключили известного ичкерийского полевого командира Р.Г., скрывавшегося в то время в Панкисском ущелье в Грузии. Тот написал в Самашкинский лес своим «коллегам» короткое письмо, причем по-русски: «Верните женщину, подонки!»

В августе 2001 года, то есть через 2 года и 2 месяца ичкерийской неволи, Светлана Кузьмина была освобождена.

Бывшая заложница Светлана Кузьмина. 2001 г.

За эти два с лишним года она пережила многое: и измены, и предательства, видела, как гнутся, казалось бы, «стальные» мужчины-заложники; перенесла страшный голод, болезни, полное бессилие...

Зимой 1999–2000 года боевики, преследуемые федералами, уходили через леса, горы и овраги, питались лесными ягодами, но тащили с собой пленников. Единственная среди мужиков хрупкая женщина-заложница, которой шел шестой десяток, однажды просто упала, обессиленная, на холодную землю. Сил тащить ее не было ни у мужиков-заложников, ни у боевиков. Ее бросили умирать. Но один из боевиков, молодой и самый гуманный, вернулся за ней, взвалил на плечи и потащил.

Этот парень потом погиб, а Светлана осталась жива.

P.S. Где-то в 2000 году, спустя пять лет, Надежда Чегодаева нашла своего Алешку. Его останки идентифицировали в 124-й лаборатории Министерства обороны в Ростове-на-Дону³⁷.

Светлана Кузьмина через четыре месяца после своего освобождения была избрана депутатом Самарской губернской думы от компартии и очень много сделала для помощи солдатским матерям.

В июле 2007 года я лежал с инсультом в реанимации московской больницы. Светлана Ивановна (тайно от меня) присылала деньги моей жене Тамарочке.

А еще Светлана очень преданная мать и жена. Уже много лет тянет на себе своего тяжелобольного мужа, бывшего офицера советской армии.

41/6

Раиса Арепьева. Война забрала у нее всех

Она из Курска. Сын Раисы Арепьевой — Игорь — солдат-контрактник. Попал в плен к ичкерийцам. Бандиты его расстреляли, заставив сделать это такого же пленного российского солдата-срочника, мать которого тоже была в Чечне и искала своего сына. Не буду называть его имени.

Раиса Арепьева приехала в Чечню вместе с мужем. Он не выдержал всех этих голодных и холодных мучений. Заболел и умер. Она его похоронила здесь же, в Чечне. Откуда у нее были деньги, чтобы везти гроб мужа в Курск!

У Раисы Григорьевны была еще и 18-летняя дочка. Но пока родители искали ее брата-солдата в Чечне, она попала под машину и погибла.

Раиса Григорьевна осталась одна.

³⁷ На протяжении долгих чеченских войн лабораторию возглавлял мой друг, полковник медицинской службы Владимир Владимирович Шербаков.

Так война и те, кто ее затеял, отняли у нее всех самых дорогих людей.

Раиса Арепьева продолжала жить в 10-й казарме на Ханкале и годами искала по Чечне своего Игорька. А мы, офицеры, знали, что сын ее убит, но молчали: пусть живет в солдатской казарме, делит свою беду с бедой других матерей. Так легче — когда одна большая беда делится на двести...

На ежегодные вечера памяти погибших в Чечне руководитель фонда ветеранов боевых действий Сережа Говорухин всегда приглашал великую русскую женщину Раису Григорьевну Арепьеву. Сейчас, когда Сережи нет, это делает Виталий Иванович Бенчарский. Здесь Раиса Арепьева может разделить свое горе с другими матерями. И нам всем от этого немного легче.

41/7

Как чеченская мать спасла русскую

Это было в конце 1996 года в Гудермесе.

Одна из немногих счастливых российских матерей нашла своего сына живым. В яме у Салмана Радуева.

Свидания с пленником матери не давали. Но она была готова жить на улице, чтобы только увидеть своего сыночка.

Полузамёрзшую русскую женщину приютила в своем доме многодетная чеченская семья.

Мало кто знает, что чеченские женщины сильнее и выносливее чеченских мужиков. Правда, многие русские женщины — тоже: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...» Но некоторые русские мужики *мордуют* своих женщин, а чеченский мужик, как правило, нет. Будь он хоть чемпионом мира по боям без правил, будь он хоть крутым ичкерийским полевым командиром. Чем объяснить этот феномен?

Во-первых, чеченцев с детства приучают к определенному отношению к девочке — никогда не трогать. Во-вторых, есть мужская и женская половины дома.

И в женскую часть мужчина не заходит. В-третьих, у чеченской женщины, как правило, есть защитники. Отец и братья никогда не дадут ее в обиду.

Конечно, за замужнюю женщину отвечает прежде всего ее муж. Но... Если доведенная до отчаяния чеченка скажет мужу: «Пошел вон!» — ему только и останется пойти в указанном направлении. Я это неоднократно наблюдал.

Вот и та многодетная чеченская мать была такая. С виду худенькая, усталая и больная, но очень сильная духом.

Она сказала Радуеву: «Отпусти на сутки пленного солдата со своей русской матерью повидаться. Через день вернем твоего пленника».

Радуев хоть и считался у нас террористом № 2 (после Басаева), но чтит чеченские традиции... в отношении женщин. Кстати, в недалеком прошлом он был комсомольцем, кандидатом в члены КПСС, руководителем комсомольской организации Гудермеса...

Отпустил пленника на свидание с матерью.

Через сутки пленный русский солдат вернулся в свою грязную яму.

Через несколько дней чеченская мать забрала у радуевцев пленника. Ночью одела русскую женщину в длинное платье, обвязала ее платком, а на ее сына натянула папаху. И вывела их из Чечни. Ичкерийский Гудермес находился недалеко от границы с российским Дагестаном.

Боевики не посмели мстить великой чеченской матери.

А вот маленький ее сын лет шести сказал: «Ну и иди к своим русским!» Но ребенку простительно. Из него еще не успели сделать настоящего чеченского мужика.

41/8

Люба Родионова и ее Женечка

Когда рядовой погранвойск Евгений Родионов попал в плен, спасти его приехала из Подмосковья мама.

Люба сначала жила, как и все матери, в 10-й казарме. Она очень верила в офицеров группы розыска и была добросовестна и прилежна, если ей что-

либо поручали по уборке казармы. Эти ее качества оценило военное руководство. Ее устроили уборщицей в генеральское общежитие. Она была готова выполнять любую работу, только бы военные спасли ее сыночка...

Но его убили бандиты.

Когда Люба об этом узнала, она просто обезумела. Как-то встретила меня на Ханкале, подошла и закричала: «Почему ты его не спас?!» И заплакала.

Через некоторое время полковник Вячеслав Пилипенко сам выкапывал расчлененное тело рядового Родионова. Это было опасно, ведь все вокруг было заминировано. Кем? Минировали все: и российские военные, и боевики. А карты минных полей никто не составлял.

Но Слава Пилипенко о своей возможной гибели думать не хотел. Люба сказала ему: «Хоть мертвого достань...»

...Во вторую кампанию она часто приезжала в Чечню. Возила для солдатиков домашние продукты, гуманитарную помощь. И сейчас продолжает общаться с офицерами, входившими в группу розыска, особенно с полковником Вячеславом Пилипенко. Иногда звонит мне и очень мягко и искренне говорит: «Береги себя, Славочка! Ради детей береги».

А несколько лет назад православная церковь канонизировала рядового Евгения Родионова. За верность Богу.

Так Женя вернулся к своей маме.

41/9

«Марш под арест!» Младший сержант Зайцев и его мама

Отец Славы Зайцева был советским офицером. Последним его местом службы был Узбекистан. Здесь он и умер.

А весной 1994 года Славу Зайцева планировали призвать в армию... Узбекистана. Тогда его мама отправила сына к друзьям отца в Псковскую область.

Здесь Славу (не имеющего прописки) призвали в российскую армию и направили учиться на сержанта в Санкт-Петербург.

А через полгода, в декабре 1994-го, «подоспела» война в Чечне. И ташкентский паренек попал на нашу российскую бойню.

Почти год прослужил младший сержант Вячеслав Зайцев в 1-м батальоне 205-й мотострелковой бригады. Осенью 1995 года группу солдат направили из Ханкалы в Гудермес для выполнения каких-то задач.

Голодные солдатики забрели в местное кафе и попали в плен к ичкерийской банде, которую возглавлял... будущий Герой России Сулим Ямадаев. В плену в первую очередь российских солдат избили. Младшему сержанту Зайцеву отбили селезенку.

Кого-то из пленных расстреляли, кого-то удалось выкупить матерям. А Славу Зайцева через полгода плена выменял на кого-то полковник Вячеслав Пилипенко.

Он привез Славу на Ханкалу и вручил в объятия мамы. Счастливая мать была готова увезти сына в родной Ташкент. Но один из начальников сказал: «Марш под арест!» — и завел на освобожденного из плена и чудом выжившего младшего сержанта уголовное дело.

Убедить идиотов было трудно. И я, посадив Славу Зайцева и его маму в БТР, повез их в аэропорт «Северный». Здесь работали военные прокуроры. В основном это были молодые, толковые и гуманные офицеры. Им самим угрожали идиоты, обещая засунуть в яму к пленным чеченцам. Минут через 10 у меня на руках уже был протокол об отказе в возбуждении уголовного дела. И в этот же день младший сержант Зайцев был уволен из российской армии и улетел с мамой в Ташкент.

..Прошло несколько лет. Мне в «Новую газету» звонит полковник Вячеслав Пилипенко:

— Ты помнишь Славу Зайцева?

— Помню.

— Я устал от его проблем. Несколько лет назад еле вытащил его из плена. Он уехал в свой Узбекистан, получил в нашем посольстве российский загранпаспорт, а общегражданского российского паспорта ему не дают — нигде в России прописаться не может.

...Меня как раз пригласили в московский Дом кино, где проходил кинофестиваль «Сталкер». Я взял с собой Славу Зайцева.

На «Сталкере» самыми сильными были фильмы о чеченской войне. Режиссер Галина Шергова, участница Великой Отечественной, и ее ученики пред-

Сергей Говорухин.

ставили картину «Война закончена. Забудьте». Режиссер Сергей Говорухин, потерявший в Чечне ногу, показал свой фильм «Прокляты и забыты».

Сами названия этих фильмов были символичны. Они — о таких как Слава Зайцев, как Николай Пясецкий, как солдат-сирота Володя Гришкин, как разорванный снарядом Аркаша Клешторный... Это все они — «проклятые и забытые».

Когда дали слово мне, я вышел на сцену и сказал об этом.

Ко мне и Славе Зайцеву с предложениями помощи подошли многие известные люди: один из организаторов фестиваля, кинорежиссер Марлен Хуциев, руководитель фонда «Гласность» Алексей Симонов, проведший полгода в заложниках у бандитов представитель президента России Валентин Власов, женщина из Комитета солдатских матерей. Одна из этих женщин, сама потерявшая сына-солдата, прописала Славу Зайцева у себя.

На прощание я ему сказал: «Слава, женись на москвичке. Тогда у нас у всех меньше будет проблем».

Слава «послушался» и женился на девушке из ближнего Подмосковья; у них родился ребенок.

На меня вышел читатель «Новой» — заместитель ректора одного из вузов. Он помог Славе Зайцеву с поступлением на юридический факультет. Потом Слава стал квалифицированным юристом.

41/10

«Сынок, бей этих черных!»

Я уже говорил, что не мог платить за освобождение пленных и редко имел возможности для обменов. Иногда мне удавалось просто убедить ичкерийцев. Один из полевых командиров в ответ на мою просьбу отпустить пленного солдата дал мне прочитать письмо его матери. В том письме был страшный материнский завет: «Сынок, бей этих черных!» (Хотя чеченцы белокожи.) Когда я прочитал материнское письмо, бандит выхватил его со словами: «Забери его труп».

— Так мать убила своего сына...

41/11

Грозный. Улицы Вольная и Маяковского

Когда в конце декабря 1996 года российские военные, уходя из Чечни, разобрали и уволокли с собой казарму за номером 10, солдатские матери снова оказались на улице.

У дома на улице Вольная, 121, — с матерями пропавших солдат.

Но нашлись добрые люди. Матерей принял у себя в специально купленном для этого доме в Грозном на улице Вольная, 121, советник губернатора Приморского края Адам Имадаев³⁸. Для охраны русских матерей он привлек крутых боевиков и платил им.

Я всегда доверял Адаму и его боевикам-охранникам. Даже своего «ординарца» Эльвиру Николаевну Горюхину³⁹ я отдавал на «хранение» командиру имадаевских боевиков Ахмеду.

³⁸ Немного о самом Адаме Имадаеве. Родился в 1961 году. Отец чеченец, мать украинка. Но о своей настоящей матери он узнал, уже став взрослым. Его воспитала мачеха, чеченка, которая относилась к нему с большей любовью, чем к родным детям. И он ее очень любил.

Как каждый нормальный чеченец Адам рос хулиганом. Постоянно дрался и пропускал уроки. Лет в 16 вообще сбежал из дома... в Приморский край. Попал в руки к порядочным людям — морякам. Из Владивостока был призван в советскую армию и службу проходил, конечно, в Военно-морском Тихоокеанском флоте.

Когда Советский Союз развалился, Адам стал преуспевающим бизнесменом, советником у губернатора Приморского края Наздратенко.

Мне кажется, что в Наздратенко тоже было что-то хулиганское. Наверное, поэтому Имадаев нашел с ним общий язык.

³⁹ См. главу 45.

Около полутора лет прожили русские женщины на улице Вольной⁴⁰. За это время мне удалось вытащить из плена нескольких их сыновей. И Адам в этом тоже помогал.

Помню, я лежал в Подольском окружном военном госпитале. И на день, с разрешения начальства, сбежал, чтобы получить от Адама двух плененных российских солдат.

Где-то весной 1998 года ичкерийские бандиты похитили Адама, заточили его в подземную тюрьму, били. Боевики, прежде охранявшие матерей, оставшись без оплаты, разбежались. Матери вынуждены были покинуть дом на улице Вольной.

К счастью, в российском представительстве в Грозном работали хорошие люди. Они сняли дом на улице Маяковского, 60, и разместили там оставшихся матерей. Один из сотрудников российского представительства в Чечне был старшим в этом доме. Через несколько месяцев бандиты и его похитили. Вывезли в багажнике «Жигулей». Он был болен, астматик. Так и умер в багажнике.

Остававшихся в доме на Маяковского четырех матерей бандиты взяли в заложники. Через полгода, когда уже началась вторая чеченская война, этих женщин удалось освободить.

⁴⁰ У одной из них были густые длинные волосы с проседью. Женщины вырывали по волосинке и гадали, вытащат ли они своих сыновей. Потом эта женщина заболела и умерла. Ее сменяла дочь.

42

Акция «Забывтый полк» в «Новой газете»

Закончилась первая чеченская кампания. 31 декабря 1996 года федеральные войска вышли из Чечни. Но более чем 1500 человек остались «без вести пропавшими». Несколько десятков из них находились в плену у ичкерийцев, но подавляющее большинство погибли, их останки лежали где-то в чеченской земле. Целый полк.

А сколько жителей Чечни пропало без вести? Увы, точно неизвестно.

«Новая газета» открыла акцию «Забывтый полк». Вопрос, кому этим заниматься, не стоял. 205-я мотострелковая бригада, в которой я служил, вышла из Чечни и обосновалась в городе Буденновске Ставропольского края, но меня как «неблагонадежного» откомандировали в Московский военный округ, то есть туда, откуда я прибыл. Месяца два военные кадровики решали, что со мной делать, и эти два месяца я использовал, чтобы поработать в «Забывтом полку» «Новой газеты».

Но где-то в марте 1997 года — для пресечения моей активной журналистской деятельности — военные кадровики забросили меня в 27-ю мотострелковую бригаду, которая дислоцируется в ближнем Подмоскovie, недалеко от Теплого Стана, — за штат. Как вышедший из войны я мог находиться за штатом год.

В Подмоскovie меня, заштатника, без работы не оставили, обеспечили разовыми поручениями.

Сначала поручили писать... прошлогодние планы политико-воспитательной работы (для проверяющих). «Да, — подумал я, — надо было пройти две войны, остаться живым, чтобы удостоиться такого — выдумывать прошлогодние планы...»

Потом мне нашли более живую работу. В то время Никита Михалков снимал картину «Сибирский цирюльник». В массовках использовались военнослужащие 27-й бригады. При этом солдат часто забывали покормить. Некоторые бесправные солдатики пытались бунтовать. Такие же бесправные лейтенантики пытались усмирять этот бунт. В результате получалось что-то мордобойное. Так вот, расследование этого безобразия поручили мне.

Это поручение меня даже заинтересовало, потому что позволяло заняться поиском истины. Но в российской армии, как и в советской, «истина» — категория совсем уж относительная...

В общем, меня благодарили за службу и даже пригласили откусать в столовой для высокого бригадного командования, но расследование мордобоя на съемках «Сибирского цирюльника» у меня забрала.

..Я со свойственным мне интересом ждал нового поручения, но, видимо, кадровики мой вкус уловили. Один из них, очень увесистый, как-то сказал мне в коридоре штаба Московского военного округа: «Смотри, так и в Сибирь загремишь или на Дальний Восток».

Я сразу же нашелся и ответил ему: «О таком счастье я и мечтать не смел, ведь я уже там был».

В итоге они пришли к выводу: сколько волка ни корми...⁴¹

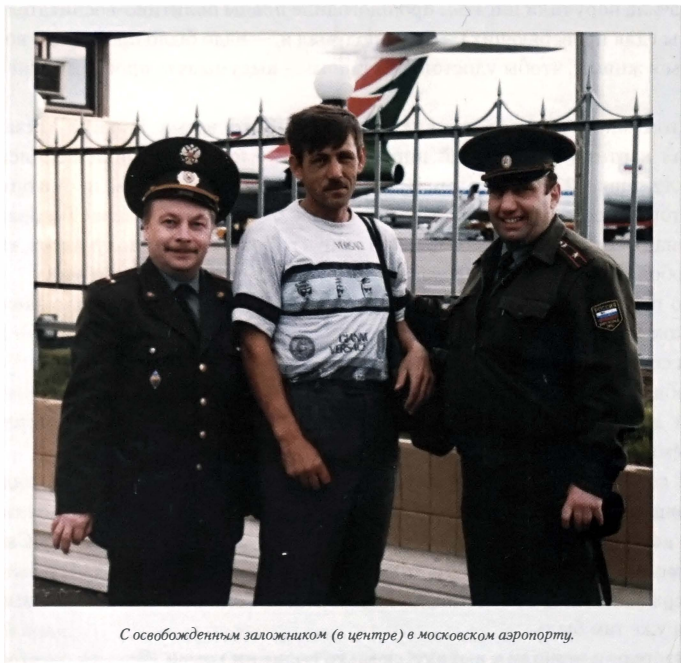
В общем, моему военному начальству ничего не оставалось, как утомить меня бездельем.

Как раз в этот момент мои ангелы-спасители (или хранители) из «Новой газеты» — Дмитрий Муратов и его зам Юра Шекочихин (гениальный журналист, в чьих приятелях ходили и кремлевские ребята, и строгие прокуроры, и воры в законе) — отвели меня в Кремль, в кабинет тогдашнего секретаря Совета обороны России Юрия Батурина.

Там мне сказали примерно следующее: лучше всего на этом свете у тебя получается работа по освобождению пленных из Чечни, так этим и занимайся.

Дима Муратов добавил: «Давай занимайся своим «Забытым полком», пленными и заложниками, и раз в месяц не забывай заглядывать в финчасть своей 27-й

⁴¹ Надо сказать, что, прослужив больше года в Ичкерии, волчьими повадками я уже заразился... И порой ловил себя на мысли, что с боевиками нахожу общий язык быстрее и проще, чем с теми, кто не знает, что такое война.

С освобожденным заложником (в центре) в московском аэропорту.

бригады за денежным содержанием». Юра Щекочихин своей несравненной улыбкой это подтвердил.

Мой статус сразу же поднялся на небывалую высоту. Я тоже улыбнулся. Но я-то знал, что эта улыбка была какой-то скомканной, натянутой, сомнительной... До конца не мог представить, как я, действующий офицер Вооруженных Сил России, буду ездить в Ичкерия и вести переговоры с боевиками. Собственно говоря, кем я для этого уполномочен? Министерство обороны меня туда не посылает, Кремль и Комиссия по освобождению пленных и заложников — тоже.

Только «Новая газета» со своей акцией «Забывтый полк». Но официально я к «Новой газете» отношения не имею.

Я ощутил себя Остапом Бендером и Кисой Воробьяниновым в одном лице, только они шли за миллионами, а я — за заложниками.

Одно хорошо. Нет, два. Во-первых, в тебя верят умные люди, такие как Дима Муратов... А второе — ты все-таки идешь не за миллионными, а за несчастными людьми, которые оказались в плену⁴².

В первый раз в новой роли я поехал в Чечню в начале апреля 1997 года.

Чтобы обрुбить все концы, но не надежды, я перед поездкой написал Муратову записку. Не помню дословно ее содержания, но что-то вроде: «Если окажусь в заложниках, меня не освобождать за деньги. Это моя проблема».

Во время той, первой, поездки удалось освободить троих солдатиков. Потом пошло...

Акцию «Забывтый полк» «Новая газета» вела почти два года.

Во время первой чеченской кампании основной структурой, которая занималась освобождением заложников и пленных, была рабочая группа Комиссии при президенте России. Я в ней немного поработал.

С 1997 года, то есть после фактического установления Ичкерии, основная нагрузка по освобождению людей легла на «этнический отдел» Главного управления по борьбе с организованной преступностью. Но если офицеры президентской комиссии имели какой-то опыт, то ГУБОП вообще ничего не понимал в ичкерийской специфике. Были и другие структуры, работавшие по пленным: и в рамках ФСБ, и на общественных началах — в частности, «Миротворческая миссия Александра Лебеда», которую возглавлял мой друг, бывший офицер еще советского КГБ Александр Мукомолов⁴³.

Вопросами освобождения «ВИП»-заложников, таких как представитель президента России Валентин Власов, генерал МВД Геннадий Шпигун (его

⁴² Позднее Бадауди Теклюев, несколько раз помогавший мне освободить людей, говорил другим боевикам про меня (в моем присутствии): «Измайлов берет взятки заложникам!»

⁴³ В команде Мукомолова самыми результативными и эффективными были: бывший майор КГБ Руслан Нахушев (погиб осенью 2005 года во время нападения боевиков на город Нальчик) и Нажмутдин Лорсанов (родной брат заместителя министра внутренних дел Чечни при Рамзани Кадирове Шарарутдина Лорсанова). С обоими я тесно сотрудничал, как и с самим Саией Мукомоловым.

В редакции «Новой». Бывший заложник Емельянцев с женой.

убили) и так далее, занималось руководство рушайловского МВД. Вопросами освобождения сотрудников ФСБ занимались офицеры этой структуры. Один из генералов ФСБ говорил мне: «Сначала освободим своих, потом займемся другими». Но на других, как правило, времени у спецслужбистов не хватало.

У нас принято ругать олигархов — Березовского, Гусинского, Патаркацишвили — за миллионы долларов, заплаченных ичкерийским бандитам за известных журналистов, российских и иностранных.

Но если говорить о бесспорно грязных деньгах, то их платило... руководство рушайловского МВД — за «ВИП»-заложников. Откуда у генералов миллион долларов? От бандитов и убийц, от проворовавшихся чиновников — это деньги, заплаченные за их освобождение от уголовной ответственности.

Руководство Генеральной прокуратуры России, как могло, боролось с этой грязью, за что и было «съедено» в 1999 году.

Сотрудники департамента государственной безопасности Ичкерии хвастались передо мной, что получают зарплату только тогда, когда... МВД России и наши олигархи платят миллионы за известных журналистов, иностранцев.

Осенью 1998 года Борис Березовский выделил спецслужбам МВД России 30 тысяч долларов на освобождение 10 пленных российских солдат. Через посредников правоохранители вышли на Салмана Радуева. Но у него было только два заложника. Как «честный» бандит он послал своих людей в район дислокации 136-й горно-стрелковой бригады в дагестанском городе Буйнакске. Здесь его боевики «добрали» солдат и офицеров для выкупа. С МВД России полностью рассчитались заложниками и еще радуевским бандитам осталось.

Я узнал об этом по своим каналам. Главный редактор «Новой» Дмитрий Муратов тоже получил информацию об этом через сотрудников генеральной прокуратуры.

В этой обстановке спецслужбы России просто дискредитировали нашу акцию «Забывтый полк». Я сказал, что формально «Забывтый полк» надо закрывать. Муратов со мной согласился.

Но и закрыв «Забывтый полк», я продолжал через «Новую» заниматься освобождением невольников: солдат, детей, стариков, женщин, граждан других государств — всех тех, до кого «не дотягивались» силовики.

43

Как у меня в Москве украли спасенных из плена людей

Летом 1997 года Юрий Щекочихин передал мне просьбу генерала армии Николаева, главнокомандующего пограничными войсками: найти в Ичкерии и попытаться вытащить двух солдат-пограничников — Игоря Лавера и Александра Ковалева, которые в плену уже два года. Через день мне их нашли.

А вот что я знал перед поездкой об их истории... В газете «Комсомольская правда» за 1995 год сообщалось, что три российских пограничника, служивших в Дагестане, в Ботлихском погранотряде, рядовые Игорь Лавер, Александр Ковалев и Михаил Ю. решили «мстить за своего погибшего командира». Для этого с оружием в руках они перешли на территорию Чечни...

Я собрался в дорогу. С собой в качестве охраны прихватил, как и всегда, Эльвиру Николаевну Горюхину, профессора Новосибирского педагогического университета.

В поселок Давыденко Ачхой-Мартановского района Ичкерии прибыли четвером. Кроме меня и Эльвиры Николаевны — сопровождающий нас Лече Идигов, представитель президента Масхадова в Ингушетии, и его водитель Руслан Долов.

Правда о пленении наших пограничников была совсем уж не такой, как писала «Комсомольская правда»... *(Потом я узнал, что подпись под статьей вымышленная. На самом деле материал был написан офицером погранвойск.)*

Службу в погранвойсках рядовые Лавер и Ковалев начали в Таджикистане в знаменитом московском погранотряде. И прослужили там больше года. В 1995 году их перевели в Ботлихский погранотряд. Здесь их снова начали «гнобить как молодых». Ковалев и Лавер были довольно сильными ребятами. Они дали армейскому хулиганью отпор. Но солдат, прибывших из Таджикистана, было меньше. Их избили и унизили.

Лавер, Ковалев и Михаил Ю. «самовольно оставили часть» — с оружием. Оружие они взяли, чтобы пройти пылающую войной Чечню.

Но не прошли... В столкновении с боевиками, которых возглавлял полевой командир из Ачхой-Мартановского района Сулейман Исмаилов, первым огонь открыл Михаил Ю. и сразу был убит. Игорь Лавер ранен в ногу. Его и Александра Ковалева взяли в плен.

Потом появилась та статья в «Комсомольской правде». Прочитав ее, руководство боевиков приказало Лавера и Ковалева расстрелять. Сулейман Исмаилов повел солдат на расстрел. Стрелять по противнику в бою, это одно, но расстреливать пленных солдат он не мог. За те несколько дней, что пленники находились с отрядом, Исмаилов к ним привык и поверил в их рассказ. Он предположил: может быть, русские написали ту статью специально для того, чтобы в Чечне с ними расправились?

Так что Исмаилов не выполнил приказ своего руководства... Через какое-то время помилованные пленники добровольно и осознанно приняли ислам.

К тому времени закончилась первая чеченская кампания. Сулеймана Исмаилова назначили главой администрации одного из горных районов Чечни. А водителем он взял своего русского друга, сельского паренька из Краснодарского края Сашу Ковалева.

...Когда мы с Эльвирой Николаевной прибыли в поселок Давыденко, то Сашу сначала не застали. Он вместе с Сулейманом должен был приехать поздно вечером. Зато застали маму Саши. Уезжая из Чечни домой к другим своим детям, она попросила нас уговорить Сашу вернуться. Потому что ей это не удалось. Мы пообещали.

А пока пошли в дом, где жил Игорь Лавер. Это была религиозная семья, где его любили все, особенно бабушка, которая никому не давала его в обиду. Этот русский паренек из многодетной семьи, из маленького городка Миллерово, что в Ростовской области, принял ислам, изучил арабский язык и преподавал его чеченским детям в местной мечети.

Лавер встретил нас довольно-таки агрессивно, особенно меня. Он сказал, что всегда защитит ставших ему родными чеченцев, если от меня будет исходить угроза. Я принял эту агрессивность с пониманием, да и после того как Эльвира Николаевна, включив свой профессионализм, часа два побеседовала с Игорем... в курятнике (так сложились обстоятельства), боец смягчился.

Вечером, когда вернулся Александр Ковалев, мы пошли в дом Исмаиловых. Жена Сулеймана встретила нас не особенно приветливо. Она сказала: «Сапа, сынок, не верь им, особенно этому Измайлову». Я мысленно улыбнулся...

...Я уловил в этом отношении ко мне — очень даже человеческое. Некоторые российские военные начальники, мягко говоря, не любили меня за связь с чеченцами. А некоторые ичкерийцы воспринимали меня как хитрого чекиста.

Во дворе администрации президента Масхадова во время безмятежного разговора о жизни с его охраной ко мне подошел начальник департамента государственной безопасности Ичкерии, протянул руку и сказал: «Ну, здравствуй, майор российской разведки».

Одна из чеченских женщин, годами приходившая в «Новую газету» ко мне за помощью, своей девочке говорила: «Измайлов — генерал, он во время войны многих чеченцев пострелял и сейчас своим отношением к нам искупает свою вину».

Следователь МВД России из Бутырки — когда Рамзан Кадыров за какую-то статью в «Новой» пытался возбудить на меня и на руководителя Международной Хельсинкской группы Людмилу Алексееву, которой был тогда 81 год, уголовное дело — сказал, увидев меня: «А, Измайлов! Знаем тебя: многих чеченских бандитов ты повытаскивал из тюрем России».

Интересно сказали обо мне солдатские матери, которым я с риском для жизни привозил продукты в Грозный, на улицу Вольную: «У Измайлова много друзей в Чечне. Он им привозит гуманитарку, а остатки — нам». Об этом мне рассказывал один из их охранников.

Я никогда не реагировал на эти мнения. Все лишнее, мешающее заниматься работой по вызволению людей, я знать не хотел.

Но вернемся к пленным пограничникам.

Эльвира Николаевна осталась с Александром Ковалевым в отдельной комнате. Электричества не было. И Горюхина часа три проговорила с Сашей при свече. Он вышел в задумчивости. Впрочем, задумчивость была для него характерна. Даже боевики говорили о нем: «Он любит думать».

К Саше Ковалеву я ездил трижды. Ездил даже тогда, когда на дороге к Ачхой-Мартану свирепствовали банды похитителей под командованием

Арби Бараева. Рискаю, привез Саше документ, подписанный главным прокурором погранвойск: о том, что пока будет решаться его дело, он сможет жить у меня дома под подпиской о невыезде. Прочитав этот документ и, как всегда, долго подумав, он сказал мне: «Я останусь у своих чеченских братьев».

В августе 1999 года Саша Ковалев был в составе банды боевиков, напавших на Дагестан. Вскоре он погиб в бою.

...Игорю Лаверу тоже не дали спокойно жить в чеченской семье. Бандиты силой вытащили его из мечети, когда он преподавал детям арабский язык, и увезли с собой.

Я договорился с четырехкратным чемпионом мира по классической борьбе, серебряным призером Олимпийских игр Исламом Дугучиевым, попросил его помочь освободить Игоря. Дугучиев привез мне Лавера в условленное место, а вместе с ним и другого похищенного бандитами солдата — Данилова.

У Игоря Лавера под глазом был синяк. Я сказал ему: у тебя есть выбор — если ты хочешь, тебя отвезут в приютившую тебя чеченскую семью, или поедешь со мной к родным в Россию. Игорь поехал со мной. (Впоследствии он сказал Эльвире Горюхиной: «Эта несвобода в России лучше, чем такая свобода в Ичкерии».)

Ислам спросил меня: «Сможешь их вывезти из Чечни? А то бандиты их ищут».

— Смогу, — сказал я, — с твоей помощью.

Дугучиев со своими ребятами сопроводил нас в Ингушетию, а оттуда в Северную Осетию. Потом я поехал с солдатами во Владикавказ. Вывести их самолетом в Москву я не мог: у освобожденных не было никаких документов.

Во Владикавказе пошел к начальнику ФСБ Северной Осетины генералу Безуглому, которого я знал по Ханкале. Генерал Безуглый приказал подчиненным снять для солдат номер в гостинице, чтобы они могли помыться. Сделал для них справки об освобождении из плена и отправил с нами в аэропорт офицера, чтобы посадил на самолет в Москву⁴⁴.

Самолет из Беслана сел в московском аэропорту Внуково. Я двинулся на выход, за мной солдаты. Но перед трапом дорогу мне перегородил какой-то человек в гражданском. Он вежливо сказал: «Пожалуйста, пусть сначала сойдут освобожденные солдаты». Я подумал: наверное, телевизионщики делают репортаж,

⁴⁴ На три билета из Беслана в Москву денег у меня не хватало. Деньги дал заместитель председателя Верховного Совета Северной Осети. Не одолжил, а просто дал.

ведь вылетая из Беслана, я сообщил о выполненном задании по телефону Юре Щекочихину.

Когда солдаты спустились, меня пропустили к трапу. Но я не увидел ни солдат, ни телевизионщиков, ни Щекочихина. «Да, — подумал я, — вывез из Ичкерии через Ингушетию и Осетию и не потерял, а здесь, в Москве, их у меня украли».

Я метался по аэропорту и вдруг увидел своего солдатика Данилова. Он сказал, что когда они сошли с трапа, их с Лавером прямо там какие-то люди засунули в машину. Потом, когда узнали, что Данилов не из погранвойск, а из армии, его высадили. Лавера увезли. Начальник охраны аэропорта признал, что солдата забрали спецслужбы, но какие, он уточнять не стал...

Юрий Щекочихин жил на даче в Переделкино. Мы поехали к нему. Всю ночь Юра звонил силовикам. А около 8 утра с ним связался главнокомандующий пограничными войсками генерал Николай Бордюжа. Генерал попросил передать трубку мне: «Слава, я сказал своим ребятам взять у тебя солдата, а не украсть его. Но заставь дураков богу молиться...» Бордюжа сказал, что солдат находится в госпитале погранвойск. В госпиталь я поехал с бордюжинским заместителем и Эльвирой Горюхиной.

Игорь Лавер был в отдельной, довольно большой палате, как будто он не солдат, а генерал. Мне объяснили: чтобы он мог свободно молиться. Я сказал ему: после того как тебя вылечат и уволят из погранвойск, поживешь у сотрудников «Новой газеты», тебе покажут Москву и отправят на родину. Когда мы уходили, я задержался и спросил Игоря: «Когда тебя пограничники посадили в аэропорту в машину, ты решил, что я тебя сдал?» Игорь признался: «Да».

Недели через две Игорь уже был в редакции «Новой». Он прожил некоторое время у нашей сотрудницы Людмилы Евстифеевой, потом уехал в свое родное Миллерово. С родственниками у него были непростые отношения. Жил он там же, где и работал, — на хлебозаводе.

Года через два Игорь опять приехал в «Новую». У него уже был новый паспорт с мусульманским именем и фамилией. Он стремился учиться дальше по религиозной части. Мы немного поддержали его материально.

Где он сейчас и что делает, не знаю.

44

Зачем я обедал с Салманом Радиевым и Доку Умаровым

Накануне дня независимости Ичкерии, в начале сентября 1997 года, я прилетел в Грозный вместе с Балауди Текиловым, заместителем начальника пограничной и таможенной службы этой республики. Он к тому же считался представителем ичкерийской комиссии по освобождению. (Так как пленных боевиков к тому времени не осталось, он пытался обменивать российских солдат на эзков, сидевших в тюрьмах России.)

Балауди Текилову было в то время 32 года. Почти всю первую чеченскую кампанию он отсидел под следствием в Бутырке за какое-то уголовное преступление. Потом, «по недоразумению», вышел на свободу и находился в розыске. На вопрос: «Кем ты был в советское время?» — он честно и весело отвечал: «Кидалой в Южном порту». При этом у него был вид дореволюционного профессора: немножко полноватый и невысокий, аккуратная борода, трость (хромал после ранения). Ходил он по Москве (хотя чаще ездил на крутой иномарке от Бориса Березовского) в турецкой полковничьей форме, с пистолетом «Беретта» в кобуре.

В декабре 1997 года в этой одежде (с обычными для него аксессуарами) Текилова арестовал ГУБОП, когда он пришел туда добровольно... с претензиями. Пришел вместе с каким-то офицером из Рабочей группы Комиссии при президенте России по освобождению заложников. Офицеру этому (по-моему, он был из ФСБ) тоже досталось на орехи — в ГУБОПе его избили.

С Балауди Текиловым, 1997 год.

Но события, о которых я пишу, произошли тремя месяцами ранее.

Итак, я под охраной Балауди прилетел в Грозный. Мы с ним сразу же пришли в администрацию Аслана Масхадова. Президенту Ичкерии я привез 5 писем от матерей — с просьбами освободить их детей, российских солдат и офицеров.

Из открытого окна администрации меня увидел и узнал масхадовский пресс-секретарь Хаджиев. Он крикнул: «Слава, ты к президенту? Заходи, я тебя проведу».

В приемной Масхадова уже сидели двое. Хаджиев мне шепнул: «Один из них представитель УНА-УНСО Украины, а второй от националистов Эстонии». Эти двое посмотрели на меня с каким-то недоумением: мол, кто он такой? Мы же здесь сидим и ждем приема... Хаджиев провел меня в кабинет президента Ичкерии. Балауди Текилов крикнул охране Масхадова: «Я с ним!» — то есть со мной. Но его не пустили.

Масхадов подписывал какие-то бумаги. Увидев меня, вышел из-за стола и поздоровался.

Я показал ему материнские письма и сказал, что все эти ребята живы и содержатся в 15-м военном городке Грозного под охраной пограничной и таможенной службы Ичкерии, в том числе офицер, майор медицинской службы Аристов. Масхадов сразу отреагировал: «Никакого офицера в 15-м городке нет».

— Но я же его сам видел.

— Ты, видимо, ошибся.

Спорить с президентом я не стал. Потом Балауди Текилов рассказал мне, что Аристов действительно находился в 15-м городке, но его продали в семью, где за тяжкое преступление сидел сын (кажется, за убийство).

Значит, мне оставалось просить президента за четырех солдат. Масхадов заглянул в материнские письма и произнес: «Если просто так отдам тебе этих солдат, то чеченские матери, ищущие своих детей, волосы мне вырвут».

— Ты же знаешь, Аслан, правду: тех, кто был в российском плену, либо обменяли, либо расстреляли. В тюрьмах России чеченцы сидят только за уголовные преступления.

Официально Масхадов говорил российским властям, что уголовников ему не нужно. Но мне он сказал: «Хоть уголовников помоги освободить».

— Ты же знаешь, Аслан, что это не в моей компетенции. Я не знаю, смогу ли приехать в Чечню в следующий раз или меня окончательно сожрет военное руководство.

Чувствовал, что Масхадов очень хочет мне помочь. Я видел в нем не президента Ичкерии, а советского офицера-артиллериста. Артиллерия, где нужен точный расчет, очень отличается от пехоты. Масхадов закончил службу в советской армии, будучи начальником артиллерии дивизии. Эта должность требовала больших знаний и ума.

В конце концов Масхадов сказал: «Ладно, бери троих».

Один из этих солдатиков был из Пензы; в Москве, в редакции «Новой» его ждал отец. Мать второго жила на улице Вольной в Грозном — вместе с другими матерями пропавших солдат.

Масхадов дал мне документ со своей подписью. Мне бы радоваться, но я сохранял выдержку:

— Аслан, в 15-м городке, где содержатся пленные, не все знают твою подпись и могут обвинить меня в подделке. В здании администрации я видел на-

чальника пограничной и таможенной службы Магомеда Хатуева. Если он тоже подпишет бумагу, это будет очень даже не лишним.

Масхадов вызвал Хатуева, и тот поставил свою подпись. Хатуев сказал: «Сейчас уже поздно. Завтра после парада в честь дня независимости подойди ко мне, я отвезу тебя в 15-й городок».

Я сказал Масхадову «Спасибо!» и вышел из кабинета.

Балауди Текилов не очень-то обрадовался за меня. Он сказал: «Слава, то, что Масхадов просто так отдал тебе троих солдат, это незаконно. Но все-таки ты молодец!»⁴⁵

Мы поехали в дом Текиловых в Октябрьском районе Грозного. Балауди не был женат и жил в доме своих родителей.

У ворот стояла «Волга». Увидев нас, из нее вышли Салман Радуев и еще три боевика. Один из них — начальник штаба его армии Ибрагим Джафаров, двое других — радуевские полевые командиры. Радуев поздоровался с Балауди как с близким знакомым, потом — со мной. Они о чем-то поговорили по-чеченски. Я понял, что Радуев, смеясь, попросил поменяться машинами. У Балауди Текилова был крутой джип «Чероки» от Березовского. Балауди не согласился на такой обмен. Потом все зашли во двор текиловского дома.

Меня поразила реакция старика-отца Текилова. Увидев Радуева, он сказал, нахмутив брови: «Ты мне по телевизору надоел, еще домой ко мне пришел»⁴⁶.

Поднялись на второй этаж той части дома, которую занимал Балауди. Все о чем-то беседовали между собой, в основном по-чеченски. Я слушал, почти ничего не понимал, за исключением редких русских слов. Потом принесли обед: традиционные галушки, мясо и чесночную приправу. Никакой определенной раскладки за длинным обеденным столом не было. Я оказался рядом с Радуевым. Ему было тогда 30 лет, а мне шел 43-й. Раньше я его в жизни никогда не видел, только по телевизору. Тем телевизионным наглым террористом Радуевым я был напуган. И здесь, за обеденным столом, рядом с ним сначала чувствовал себя, мягко говоря, очень неуютно.

Но вот Радуев заговорил со мной по-русски: «Я поехал со своими бойцами в Хасавюрт разбираться с прокурорами, которые обвиняли чеченца-акинца в изнасиловании несовершеннолетней. А они меня через свой блокпост не пропускают. Тогда я им говорю: «Всех вас уничтожу!» И они пропустили».

⁴⁵ Узнав, что я приехал в Ичкерия с Текиловым, Масхадов все-таки вызвал его и предупредил: «Чтобы с Измайлова ни один волос не упал!» Это было легко сделать, ведь я волос на голове почти не носил.

⁴⁶ В противостоянии России и дудаевцев многие чеченцы были на стороне России, но она своими действиями удаляла от себя мирных жителей этой республики.

За черными очками я не видел глаз Радуева. Но его слова были элементарным хвастовством. Сидящие за столом никак на его слова не реагировали, они тщательно разжевывали пищу, спокойно ели. Радуевские слова были только для меня. Радуев старался произвести впечатление на московского гостя. Он как бы любовался собой: «Смотри и рассказывай там, в Москве, какой я крутой».

Но на меня это возымело обратное действие. Я совершенно перестал бояться Радуева. Стоило ему заговорить со мной, как я сразу его психологически почувствовал. И без всякого риска вызвать его ответный гнев сказал: «Знаешь, Салман, когда ты здесь, в Чечне, воюешь за независимость, мне это понятно, но когда ты идешь с оружием в дагестанский город Хасавюрт, это совсем другое. Это они должны от тебя защищаться. И если бы я был на месте этих омоновцев, то камня на камне от тебя и твоих людей не оставил».

Настушило молчание.

Это было похоже на сцену, произошедшую на Ханкале, в кабинете генерала Шаманова, когда он попытался меня оскорблять в присутствии своих заместителей⁴⁷. Радуевские полевые командиры продолжали жевать мясо с галушками, не поднимая глаз.

После более чем минутного молчания Радуев спросил: «Ты бы меня уничтожил на территории России?» И тут же сам ответил: «И правильно бы сделал»...

Через некоторое время радуевцы, сытно наевшись, ушли. Было поздно. Для ночлега мне отвели отдельную комнату.

Утром мы поехали с Балауди на парад в честь дня независимости. Он гнал свою крутую иномарку по разрушенному Грозному, не соблюдая никаких правил. Нас остановил гаишник. Балауди приоткрыл затемненное окно автомобиля, показал полковничий погон своей турецкой формы и произнес слова профессионального кидаль Южного порта Москвы: «Пока ты палкой махал у федералов, я за Родину кровь проливал». И, закрыв окно, рванул машину. Я засмеялся, вспомнив о том, что Балауди всю чеченскую кампанию просидел в московской тюрьме за уголовку.

...Ну вот мы и на площади. На трибуне президент Ичкерии Масхадов, другие видные ичкерийцы. Наверное, где-то среди них и Магомед Хатуев, который обещал меня отвезти в 15-й городок. Балауди толкает меня сквозь вооружен-

⁴⁷ См. главу 28.

ное оцепление: «Ты тоже должен быть на трибуне как представитель России». Видимо, его напор и уверенность и... полковничья форма с ичкерийскими орденами действуют на охранников: меня пропихивают вперед. Я неуверенно залезаю на трибуну и скромно становлюсь последним справа. Рядом знакомые лица... эстонского националиста и представителя украинской УНА-УНСО. Такое соседство меня напрягло. Я протиснулся в задние ряды.

На трибуне тоже толпа народа: ведь все ичкерийцы — начальники! Такое впечатление, что большая часть ичкерийцев — на этой трибуне, а также справа и слева от нее и непосредственно сзади. Значительно меньшая часть вышагивает перед трибуной строевым (если его можно так назвать) шагом, еще меньшая часть стоит в оцеплении. То есть если бы я был террористом от России и хотел пронести на трибуну взрывчатку, то легко бы это сделал. Оцепление — это не охрана, а предмет этикета. Но я не шахид. И вообще тогда, 20 лет назад, о поясе смертника ничего не знал.

Пропихиваюсь из задних рядов за трибуну. Вижу многих главарей Ичкерии, но Магомеда Хатуева и тут нет. Слышу знакомый и родной голос: «Слава, как ты здесь?» Узнаю Лече Идигова, представителя Масхадова в Ингушетии. Рассказываю ему, как приехал с Балауди, как был на приеме у Масхадова и он подписал бумагу на троих пленных солдат, как Хатуев обещал...

— Хатуева на параде нет, — говорит Лече, — наверное, дома в нарды заигрался. Вон, подойди к масхадовскому секретарю Совета безопасности Доку Умарову.

Меня знакомят с Доку Умаровым. Мне показалось, что он похож больше на русского, чем на чеченца. Говорит со мной как будто бы хорошо, но что-то меня от него отталкивает. И я отказываюсь от идеи обратиться к нему по поводу заложников.

Тут появился и Балауди Текилов. Парад закончился. Магомеда Хатуева мы так и не нашли. Вечером Балауди повез меня в гости к Доку Умарову. Его дом, как и дом Текиловых, находился в Октябрьском районе Грозного, только несколько выше, на горке.

Основная часть его гостей уже разошлась. Нам накрыли стол в небольшой комнате: фрукты, овощи, соки и ничего спиртного. Есть мне не хотелось. Поскорее бы уйти отсюда. В комнате нас было трое. Я, Доку Умаров и какой-то близкий ему довольно интеллигентный чеченец. Балауди с кем-то разговаривал во дворе.

Доку Умаров рассказывал мне, что принял должность секретаря Совета безопасности при условии: если президент Масхадов пойдет на переговоры с Россией, он, Умаров, первым пустит ему пулю в лоб. От этих слов я почувствовал себя еще

более неуютно. Нет, такому человеку не могу довериться по вопросу судьбы заложников.

(Во время второй чеченской кампании в январе 2000-го боевики, преследуемые федералами, покинули Грозный. Наткнулись на подготовленную спецслужбами минную засаду. Многие погибли, Басаев потерял ногу, а Доку Умаров получил тяжелое минно-взрывное ранение в челюсть. Лечение в полевых условиях было малоэффективно. Его лечили в поликлинике в Нальчике, и организовало это... МВД России. Взамен от Умарова была получена информация о судьбе похищенного и убитого генерала Геннадия Штигуна и помощь в освобождении двух заложниц. В поликлинике, где лечился и жил Умаров, отсутствовали условия для принятия душа. Мыли боевика в доме одного из офицеров Северо-Кавказского РУБОПа. Когда Умаров как информатор «исчерпал» себя, руководство МВД приказало его арестовать. Но его предупредили. И он исчез. Всплыл в Грузии, где лечился. Потом скрывался то в Чечне, то в Ингушетии. Организовывал теракты. В частности, в скоростном поезде Москва — Санкт-Петербург, московском метро, в аэропорту Домодедово...)

Очередную ночь я провел у Балауди. Завтра — третий день моего пребывания в Ичкерни. В первые часы мне повезло: я получил добро президента Масхадова на то, чтобы забрать троих заложников. Но уже третьи сутки не могу реализовать это президентское добро.

Собственно говоря, зачем мне Хатуев? У меня есть документ, подписанный им и Масхадовым. Я попросил Балауди сопроводить меня в 15-й военный городок. Но утром, когда я собрался ехать за пленниками, Балауди куда-то исчез. Неожиданно появился его приятель Сабля (Шарапутдин Тайсумов). Я легко уговорил Саблю поехать со мной. Когда мы уже подъезжали к 15-му городку, нас догнал и Текилов.

..Предъявляю полевому командиру — главному по охране пленников — документ от Масхадова. Боевик говорит: «Двое русских из этого списка у меня есть, а третьего нет и никогда здесь не было». Это он о солдатике из Пензы, которого в «Новой» ждал отец.

— Как нет? — решительно спросил я. — Доложу президенту, что ты не выполняешь ни его приказ, ни приказ своего непосредственного начальника Хатуева.

Боевик зло посмотрел на меня.

— Подожди, Вячеслав, — успокоил меня Балауди, — сейчас мы с ним решим. Текилов отвел боевика в сторону и о чем-то стал с ним говорить по-чеченски. Боевик куда-то пошел. Балауди сказал мне: «Хорошо, что Хатуев поставил на бумагу свою подпись. Через час они твоего солдата приведут. Он хорошим стронтелем оказался, стронт этому начальнику дом».

Этот час я провел с пользой. Балауди привел меня на кухню, которая кормила и пленников, и их охранников (одной едой). В полутемном помещении мы сели за длинный солдатский стол, и худенькая чеченка средних лет принесла нам солдатскую овсяную кашу и чай. Мы с удовольствием поели. Балауди вытащил 100 долларов и дал женщине. Та с благодарностью приняла подарок.

...Трех пленных солдат, переодетых в спортивную одежду, передали мне, и я расписался в каком-то журнале. До самолета Грозный — Москва оставалось полтора часа.

Мы заехали на улицу Вольную, где жила мать одного из освобожденных. Но в этот момент на Вольной ее не оказалось. Нам сказали, что она пошла в российское представительство в Ичкерии. Оно находилось недалеко от аэропорта. В представительстве сообщили, что она только что ушла. Времени до вылета оставалось не больше тридцати минут. Я сказал Балауди: «Догони ее! А Сабля проводит нас в аэропорт».

Билеты мы купили минут за 15 до вылета. Причем заплатил за билеты Сабля, хотя я был обеспечен деньгами от «Новой»⁴⁸. Он поднялся вместе с нами по трапу и рассадил на места.

Не помню, говорил ли я вообще с невольниками. С напряжением смотрел в иллюминатор. Вижу: по взлетной полосе бежит женщина, а за ней быстрым шагом, опираясь на свою трость, хромой Балауди. Таким я его и помню. Успели.

Через месяц Балауди Текилов вытащил из неволи майора Аристова, причем сработал как... профессиональный кидала из московского Южного порта.

Когда через три месяца после этих событий, в декабре 1997 года, губоповцы арестовали его, и он отсидел год в Бутырке (дали три года), мы с Эльвирой

⁴⁸ Откуда у Сабли и Балауди были доллары? От российских олигархов. Они посредничали в выкупе заложников. Я знал, хотя никогда об этом не спрашивал. Вытащить бы заложников из этого бардака.

Николаевной Горюхиной не оставили Балауди. Одно из его тюремных писем я опубликовал в «Новой газете».

Эльвира Николаевна в его защиту написала письмо Валентину Юмашеву, главе администрации президента России (она знала его по работе в «Комсомольской правде»). От Юмашева пришел положительный ответ, и это было сделано вполне законно: Текилова помиловала комиссия Приставкина.

В середине 2000 года Балауди Текилов был убит в Грозном...

Сабле в октябре 1999 года московские правоохранители подбросили наркотики. А он никогда в жизни не пил и не курил. Дал ему Басманный суд 5 лет тюрьмы. Я за него боролся. Отсидел он 2,5 года в Липецкой области и, когда вышел, прислал в «Новую газету» телеграмму: «Слава, ты освободил еще одного заложника».

После освобождения Сабля уехал с семьей в одну из стран дальнего зарубежья. Там, видимо, тоже прессовали, и он попросил меня написать ему характеристику.

Я написал и отправил по факсу: «Пострадал от российских правоохранителей за правду, а значит, человек надежный»...

45

Эльвира Горюхина и... перспектива отметить ее день рождения в яме

В начале апреля 1998 года я в очередной раз привез в Чечню-Ичкерию несколько тонн продуктов от Международного Красного Креста. Мой верный Санчо Панса — Эльвира Николаевна Горюхина была, как всегда, со мной.

Этот груз мы должны были распределять вместе с ичкерийским Красным Крестом.

Когда приехали к ним в офис, нас любезно пригласили на второй этаж. Здесь один из заместителей Шамиля Басаева (ныне покойный, как и его начальник) сказал нам: «Груз забираем, а вас арестовываем». И — обращаясь ко мне: «Наши люди сидят в тюрьмах в России, а ты, майор российской армии, по Ичкерии разъезжаешь, пленных вытаскиваешь? Ты эту гуманитарку из жалости к нам привез?»

Я сразу не нашелся, что ответить. Эльвира Николаевна пришла на помощь: «Нет, не из жалости, а от любви».

Это было так сильно и точно, что зам Басаева на время проглотил язык.

...Я помню, какое это было число — 8 апреля, у Эльвиры Николаевны как раз день рождения. Обычно не говорят, сколько женщине лет. Но здесь я предпочитаю быть невежливым. Потому что факт исторический. Перед нами четко замаячила перспектива отметить 66-летие Эльвиры Горюхиной в заложнической яме.

Положение спасли наш водитель Руслан Долов и его шеф и мой помощник Лече Идигов.

*Лече Идигов с дочерью и меценат Виктор Мосин
(подробнее о нем — в главе «Особая папка»). 1997 г.*

После нескольких часов переговоров с басаевцами Идигов вышел весь красный. Сыграло некоторую роль и мое национальное качество — зов предков к компромиссам.

3/4 груза мы развезли в присутствии чеченского Красного Креста в детские дома и интернаты, а также матерям, ищущим своих детей — солдат российской армии. 1/4 груза отдали басаевцам. Из этой части боевики любезно и с улыбкой предложили мне набор женских духов. Но я вежливо отказался, может быть, потому, что мне некому было их тогда дарить...

Из Чечни в Ингушетию, а оттуда в аэропорт Беслана нас отвез один из племянников Джохара Дудаева.

Здесь, в аэропортовском ресторанчике, пока ждали нашего московского рейса, под салатик с лимонадиком мы и отметили день рождения Эльвиры Николаевны.

Это было, правда, несколько менее романтично, чем в ичкерийской яме, но, как говорил мой 8-летний Ваня, когда я допекал его всевозможными плаваниями-джиу-джитсу-музыкой-и-другими-кружками: «Я свободу люблю».

46

Шамиль Басаев в гостинице «Асса» (об инаугурации президента Аюшева)

Лече Идигов, представитель президента Ичкерии в Ингушетии, позвонил мне в «Новую»: «Слава, приезжай. Мы с тобой приглашены на инаугурацию». И — тихо: «Возможно, будут и твои клиенты из Ичкерии».

...Как того требовал дипломатический этикет, Лече встречал ичкерийскую делегацию на границе Чечни и Ингушетии. Я стоял рядом с ним и считал ичкерийские машины.

Впереди, за рулем Hummer'a ехал Шамиль Басаев, первый вице-премьер Ичкерии⁴⁹. Следом в ичкерийской колонне «плыли» в основном «Волги», «Лады» и уазики. Причем не новые. Это не дань советско-российскому патриотизму. У ичкерийской «элиты» не было денег на иномарки, да и на разбитых войной российско-ичкерийских дорогах лучше держались наши машины. Даже одноглазый (после очередного покушения) Салман Радуев — террорист № 2 — ездил, как правило, на «Волгах». А шоферили у него разные ребята, в том числе нынешний депутат российской Госдумы, второй человек в Чечне, Адам Делимханов. (Эх, кем мы только не работали в юности.) Но Радуева на инаугурацию Аюшева не пригласили. Может быть, он тогда мотался по турецким госпиталям. Зато на 43 машинах прибыли другие ичкерийские лидеры:

⁴⁹ Функции президента и премьера совмещал Масхадов, который был тогда в поездке, то ли в Англии, то ли у саудитов.

Атгериев — вице-премьер; Махашев — тоже вице-премьер и руководитель министерства шариатской безопасности (по-нашему, МВД); Ахмат-Хаджи Кадыров — муфтий Ичкерии; Ширвани Басаев (младший брат Шамиля) — министр топливно-энергетической промышленности; Ахмед Закаев — министр культуры и тоже вице-премьер.

Делегации других северо-кавказских республик: Северной Осетии, Дагестана, Кабардино-Балкарии возглавляли президенты. Главой делегации Ставропольщины был Андрей Разин, более известный как руководитель вокально-инструментального ансамбля «Ласковый май». Приехал и патриарх советского песенного искусства Иосиф Кобзон, друг Аушева еще с Афганистана. Кроме муфтиев Чечни и Ингушетии религиозную «отрасль» представляли и православные священнослужители. А вот раввинов и служителей Будды я не приметил. Конечно же, был представитель президента России, но он в этой людской гуще как-то «утонул».

Зато российские военные во главе с генерал-полковником Казанцевым, командующим Северо-Кавказским военным округом, заметно выделялись в общей толпе своими мундирами. Лица российских военных были хмурыми, как будто они прибыли не на торжество, а на похороны. Я сразу понял, откуда эта хмурость. Их тяготило присутствие ичкерийских боевиков, особенно террориста Басаева. Были ли там представители ФСБ, не знаю. Именно в это время руководители ФСБ Ингушетии, офицеры Грибов и Лебединский, находились в заложниках у ичкерийских бандитов и над ними жестоко издевались...

Инаугурация президента Ингушетии проходила в Доме культуры в Назрани. Соблюдался ли при рассадке этой разнородной массы какой-то этикет? Наверное, соблюдался. Например, меня вместе с Лече Идиговым записнули в правый ряд, недалеко от сцены. И это давало возможность наблюдать, кто с кем посажен. Но в этот административный этикет, по-моему, вмешался Божий промысел. Судите сами.

В левом ряду от центрального прохода, крайним справа сидел Шамиль Басаев. И слева от него все кресла были пустыми. Прямо в затылок Басаеву во втором ряду сидел генерал Казанцев, и слева от него тоже никто не сидел.

Логика моя проста. Если Шамиль Басаев, по нашей иерархии, террорист № 1, почти три года разыскиваемый российской Генпрокуратурой за кровавую бойню в Буденновске, а генерал Казанцев — главный военный всего Северного Кавказа, то он должен был Басаева просто... обнять и задушить! Исталбы Героем России двумя годами раньше (*через два года, во вторую чеченскую кампанию, его*

наградили за умелое руководство войсками при взятии Грозного. Но этой второй кампании могло и не быть. Ведь, может, и некому было бы в августе 1999 года возглавлять поход на Дагестан). Но генерал Казанцев почему-то не задушил Басаева, хотя руки у него достаточно длинные и сильные.

Начались выступления. Выступал представитель президента России, выступали президенты северо-кавказских республик. Почти у каждого была эта ключевая фраза: «Наши братья ингуши...»

Прекрасно выступил Иосиф Кобзон. Он сказал очень добрые слова об отце Руслана — Султане Аушеве — и спел как истинный патриот России... грустную песню на идиш (с переводом на русский). В этой взрывоопасной обстановке, где ичкерийские боевики и российские военные были в одном «стакане», грустная еврейская песня звучала примиряюще. Зал громко зааплодировал.

Последним выступил Шамиль Басаев. Он говорил по-чеченски, и большинство в зале не понимало, о чем он говорит, но подхватив громкий смех вайнахов, остальные тоже смеялись. Сидящий рядом Лече Идигов мне переводил Басаева: «Все говорят: братья ингуши. Если они всем вам братья, то мы, чеченцы, кто?»

Потом торжества инаугурации плавно перетекли в главную ингушскую гостиницу «Асса». Столы большого зала гостиницы были переполнены яствами. Здесь и красная икра, и черная, и блюда из молодой баранины и телятины, и дагестанские коньяки, и армянские коньяки, и, конечно, русская водка. Были и вкуснейшие национальные блюда, среди которых — даже осетинские пироги (несмотря на недавний кровавый спор из-за Пригородного района). Еду с политикой не путали.

Конечно, все гости были здесь... кроме ичкерийцев. Они ведь не только не пьют, им и смотреть на пьющих нельзя. Ичкерийской делегации в соседней комнате накрыли такие же столы с теми же яствами, соками и чаем, но без спиртного⁵⁰.

Ичкерийцы сидят и кушают: вице-премьеры Агтериев, Закаев, Махашев, Ширвани Басаев — министр топлива и энергетики, Ахмат-Хаджи Кадыров, а рядом с ним я, единственный не пьющий, действующий, заштатный (я находился за штатом 27-й мотострелковой бригады) российский майор.

Нет здесь только одного человека, террориста № 1 Шамиля Басаева.

⁵⁰ Это очень контрастировало с Ханказой. На майский праздник 1996 года офицерам, кроме обычной еды, выдали маленькие бляночки со сметаной, а матерям пленных и без вести пропавших российских солдат и офицеров сметаны не хватило. См. главу 41.

Нет, его тогда не взорвали и не придушили. Он — в общем зале: среди пьющих президентов, российских военных... Видимо, поднимал тост, как Штирлиц из «Семнадцати мгновений...» — «За нашу победу!»⁵¹

Жизнь — театр, и актеры спектакля, который играли в тот день: ичкерийские боевики во главе с Басаевым и Кадыровым; российские генералы во главе с Казанцевым; куча президентов... И все они в одной команде.

Но человеческая трагикомедия этими выступлениями, едой и питьем не закончилась.

В «антракте», хорошо откушав, ичкерийские премьеры и министры вышли в фойе. Рядом были закрытые двери большого зала, где ели и пили другие гости вместе с хозяевами. Я тоже вышел в фойе. Моих клиентов, то есть непосредственных похитителей людей и торговцев человеческим товаром, здесь не было. Но ичкерийские министры их не только знали, но и дружили, и каждый день здоровались с ними за руку.

Заместителем Казбека Махашева, министра шариятской безопасности, был Нурди Бажиев. Он торговал известными российскими журналистами и иностранцами. А его земляк из селения Катыр-Юрт Ачхой-Мартановского района Али Итаев, командир ичкерийской бригады спецназа, был в доле с Бажиевым. Как-то, получив миллион долларов за известных российских журналистов, земляки и друзья не поделили деньги. Али Итаев застрелил Нурди Бажиева. А через год ичкерийцы убили и Али Итаева. Но это к слову...

А там, в фойе гостиницы «Асса», ичкерийские министры, сытно наевшись, совершали променад. Меня привлек злой взгляд Ширвани Басаева. Я, как загнипотизированный, пошел на этот взгляд. Что-то сказал Ширвани насчет пленных и заложников. От этого взгляд его стал еще более злым: «Я российскими пленными не занимаюсь. Я министр топлива и энергетики. У тебя вопросы к топливу и энергетике есть?»

— Нет, — сказал я спокойно, — к топливу вопросов нет.

И отошел в сторону. Дальнейшее мое присутствие теряло смысл. Тем более было уже поздно, и я чувствовал усталость. Пошел в свой номер, лег одетым на кровать и немного задремал.

...Вскочил я от крика в коридоре. И увидел такую картину: Лече Идигов

⁵¹ Надо сказать, меня это не удивило. Я знал, что Шамиль Басаев очень любит неформально общаться с российскими элитными генералами. Весной 1997 года он, террорист № 1 и первый вице-премьер правительства Ичкерии, в качестве водителя за рулем того же «Ниттега» взял по делам из Грозного в Инчигетию и обратно представителя МВД России при шариятской безопасности Ичкерии генерала Владимира Пронина, через год ставшего начальником ГУВД Москвы. Если бы генерал Геннадий Штигун, командировавший в Ичкерии на ту же должность, что и Пронин, воспользовался услугой Басаева, генерала бы не полстопили и не убили.

пытался разнять двух пьяных боевиков. Один из них был в руководстве охраны президента Масхадова. Второй служил каким-то начальником в департаменте госбезопасности Ичкерии. Боевики, угрожая друг другу оружием, кричали. А рядом стояли две стройные девушки-чеченки. Как сказал бы Владимир Путин, девушки с «низкой социальной ответственностью». По-моему, они и были предметом спора боевиков.

Я как бы снова окунулся в Ханкалу. Там тоже российские военные, напившись, постоянно «мочили» друг друга (не дойдя до боевиков).

Когда Лече разогнал боевиков по номерам, я сказал ему: «Пожалуй, поеду к тебе домой, там безопаснее».

— Езжай, — сказал Лече. — Я бы тоже уехал. Но не могу. Вице-премьеры Ичкерии⁵² попросили организовать им выпивку, хотя от души оторваться.

Здесь, пожалуй, можно окончательно закрыть занавес.

P.S. Через некоторое время президент Ингушетии Руслан Аушев был в гостях у «Новой газеты». Подошел ко мне: «Что мне было делать? Ведь руководство России признавало тогда президента Масхадова и всех его министров». Очерк о генерале Аушеве — читайте дальше, в «Особой папке».

⁵² Закаев и Махашев.

47

Водку пил Рамзан со вкусом: как я спасал пьяных боевиков

Когда российское военное начальство прикомандировало меня к группе по освобождению заложников, я с большим энтузиазмом принялся за дело. Но технологиям этого процесса меня не учили. И я делал все так, как сам считал нужным.

Встретился с Асланом Масхадовым, рассказал о задаче, которая передо мной поставлена. Масхадов дал мне в помощь Завали Ахаева.

Однажды его знакомый (бывший советский прокурор одного из районов Чечни) пригласил нас в свой ресторанчик. Прокурор уже давно занимался бизнесом. Вместе с нами были приглашены Рамзан Джафаров (секретарь Совета безопасности Ичкерии при Дудаеве), а также два или три полевых командира. На столе в ресторанчике «безалкогольной» Ичкерии стояли бутылки с водкой. В этой компании только я, российский офицер, был непьющим. Как непьющему мне — возможно, из вежливости — на всякий случай поставили бутылки шампанского. Но и к шампанскому я был абсолютно равнодушен.

Пока боевики пили, я их изучал.

Самой интересной фигурой в этой компании был Рамзан Джафаров. Ему тогда уже стукнуло лет 70, но он очень хорошо выглядел, был худощав и строен. В советские годы Джафаров был диссидентом, сидел в тюрьмах, жил на поселении... Водку пил Рамзан со вкусом. Пил больше всех и почти не пьянел.

Завали Ахаев старался не отставать от Рамзана, но выпивая очередную рюмку, всегда поворачивался. Я спросил, зачем он это делает. «Я отворачиваюсь от Аллаха, чтобы он не видел это безобразие», — сказал Завали.

...Но заприметил нас, боюсь, не Аллах. Стукачи есть везде, и Чечня не исключение.

Кто-то сообщил ребятам из ичкерийской комендатуры, что в ресторанчике разливают водку из-под полы — и это при строгом сухом законе в Ичкерии.

В помещение ворвались вооруженные боевики. Всех пьяных посадили в машины и повезли в Ленинскую комендатуру Грозного. Боевики говорили обиженно: «Вы наши начальники, учите нас трезвости, а сами пьете».

Я оказался в очень непростом положении: с одной стороны, меня как трезвого не тронули, но с другой — не заступиться за своих «субутыльников» я не мог. Кто же мне потом будет помогать в освобождении пленных?

Я поехал в комендатуру. Завали, Рамзана и всех остальных посадили там в грязный подвал. Как я ни упрашивал бородатого заместителя коменданта, он ни в какую не отпускал задержанных.

Когда пришел комендант Апти, я направился к нему. Он узнал меня и улыбнулся. Я сказал, что чувствую себя виноватым. Сам не пью, но выпивающих в моем присутствии людей не остановил.

«Никогда не допущу в дальнейшем пьянства в моем присутствии». Коменданта моя аргументация устроила.

Часа два-три пробыв в подвале, грустные и не совсем чистые мои товарищи вылезли на свежий воздух.

А когда сели в машину, наперебой заголосили о том, что незамедлительно примут меры против своих обидчиков. Я засмеялся: «Что же вы не говорили об этом, когда вас засовывали в подвал?»

Когда мы вернулись в ресторанчик, «мои» боевики снова разлили по рюмкам водку. Тут уже я вскочил:

— Я же вас только что вытащил из грязного подвала, за вас поручился!

— Извини, Вячеслав, и давайте выпьем за то, чтобы никто никогда не узнал, где мы были, даже наши жены! — предложил кто-то.

На это я улыбнулся и сказал: «Нет, я такой клятвы не даю. Буду всем рассказывать, как трезвый российский майор вытаскивал пьяных лидеров боевиков из подвала, куда их посадили подчиненные».

...На войне страшное, грустное и веселое было рядом. И если бы я сосредотачивался только на страшном, то сошел бы с ума, как многие российские военные и ичкерийские боевики.

Трудно быть честным

Если вопрос касался изменения меры пресечения человеку, подозреваемому в нетяжких преступлениях, а его родственники помогали мне в освобождении заложников, особенно женщин и детей, генпрокуратура шла на эти условия.

Но что было делать, если дело касалось освобождения женщины или ребенка, а объект обмена обвинялся в тяжком преступлении?

Генпрокуратура не могла идти на такую сделку.

Главный редактор «Новой» Дмитрий Муратов, с которым я советовался, понимал, что спасти ребенка нужно любой ценой. А для этого — дать обещание, которое заведомо не может быть выполнено: «Тебе перестанут верить. Ну что ж, пусть, это будет твоим последним делом».

Но это не было последним делом. Потому что так устроены люди. Их обманывают, а они продолжают жить надеждой. Мы все обманываться рады. Даже боевики и бандиты.

Однажды я «должен был» способствовать выходу на свободу бандита — способствовать в обмен на освобождение заложника. Но «не выполнил обещание». После освобождения одного заложника я потребовал отпустить еще одного.

Взбешенные родственники бандита мне кричат: «Как же так! Ты же давал слово!» Глаза у них красные, лица красные. В общем, натравливают они на меня уголовного авторитета. Тот приходит в редакцию «Новой» и набрасывается на меня с грозными словами: «Кто тебе дал полномочия этим заниматься?» (*В смысле — освобождением заложников.*) — «Никто мне не давал, кроме газеты. Никто не давал полномочий». В общем, я ответил ему тем же — послал подальше. А он... побежал жаловаться на меня главному редактору.

...Михаил Борисович Катышев, в те годы заместитель генерального прокурора и руководитель Следственного управления генпрокуратуры, который много сделал для спасения заложников, как-то сказал, понимая, что я очень рискую: «Слава, мы никогда тебя не оставим».

Эти слова грели душу, но я понимал: в деле, которое делаю, часто невозможно получить помощь ни от кого.

49

СКОЛЬКО СТОИТ «ЖИВОЙ ТОВАР»

С конца 1996 года до конца 1999-го, то есть в течение почти трех лет, Ичкерия оставалась фактически независимой, но с абсолютно нищим населением. Пенсионеры были самыми богатыми среди «простых людей». Они, хоть и с задержками, получали пенсии от России. Остальные, включая государственных мужей, жили тем, что бог пошлет, и... преступлениями.

Одни качали левую нефть, другие промышляли бандитизмом — как в Ичкерии, так и в России, третьи похищали людей и торговали «живым товаром». Российские солдаты, да и офицеры не особенно в этом бизнесе котировались. Солдат шел от пятисот долларов, офицера оценивали в несколько тысяч. За детей и женщин давали чуть больше. А вот известных российских журналистов можно было продать за миллионы. Такса за иностранцев была такая же.

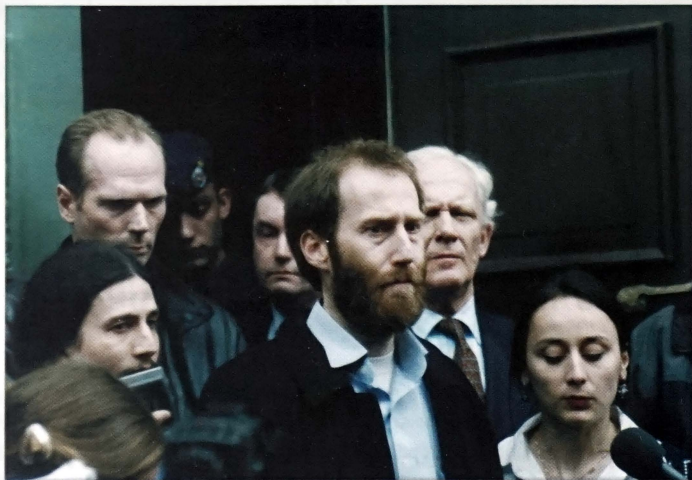
Среди иностранных заложников тоже была дифференциация. Если американцы, англичане и французы шли за миллионы, то итальянцы — вполовину дешевле. Заложники из бывшего концлагеря оценивались в несколько десятков тысяч.

Самую высокую сумму выплатили за представителя президента России.

В этой торговле человеческим товаром бандиты видели себя большими финансовыми профессионалами.

И государственные мужи и бизнесмены им платили. Куда денешься. Иначе — голова с плеч и съемка на камеру, чтобы боялись.

Так были выкуплены репортеры «Радио России» и ИТАР-ТАСС; тележурналисты Роман Перевезенцев и Вячеслав Тибелнус; Ильяс Богатырев и Владислав Черняев из любимого ичкерийцами «Взгляда»; группа Елены Масюк с НТВ; ан-

*За голландца Арьяна Эркеля бандитам заплатили 1 миллион евро.
На фото — сразу после освобождения. Апрель 2004 г.*

гличане Камилла Карр и Джо Джеймс, француз Брис Флитье, итальянец Мауро Галлигани... А вот с американцем Кеннетом Глаком получилась весьма интересная история. Был он, конечно же, у ичкерийских бандитов, но связанных с российскими спецслужбами. Впрочем, существование такой практики вошло в нашу бытность еще раньше — после похищения журналиста «Радио Свобода» Андрея Бабицкого.

Освобождение Арьяна Эркеля — голландца, работавшего, как и Глак, на международную организацию «Врачи без границ», — превратилось в детектив, который продолжался почти два года. При этом заложник ни дня не был в Чечне, а провел все это время в горах Дагестана, в основном в селении Балахани, что по соседству со знаменитыми Гимрами — родиной имама Шамиля. Гимринский бандит (ныне покойный), принимавший участие в похищении Эркеля, имел общий криминальный бизнес со своим земляком и тогда еще дру-

Та самая «Мальвина» тетя Галя с моей мамой (справа). 2000 г.

гом, депутатом Народного собрания Дагестана Казмагомедом Магомедовым (по кличке Гимринский).

Они не только в течение 1 года 8 месяцев были «кураторами» голландца, но и получили за него 1 миллион евро от правительства Голландии и «Врачей без границ». А посредниками при передаче денег выступили ветераны внешней разведки России.

Я денег похитителям никогда не платил, да у меня их и не было. Дмитрий Муратов по этому поводу говорил: «Конечно, мы могли бы выйти на наших друзей и найти средства на вызволение одного заложника. Но какое мы имеем право выделять одного несчастного человека среди других, таких же несчастных».

Впрочем, однажды я косвенно поучаствовал в выкупе.

Когда жена одного из заложников упала на моих глазах в обморок, я не сдержался. Чтобы освободить ее мужа, нужны были деньги. Был конец марта 98-го года, я уже заканчивал службу в армии. У моей тети в Москве,

на «Речном вокзале», хранилось то, что я за год заработал в Чечне: льготы, 20 окладов (6800 долларов, сумасшедшие деньги). Я звоню своей тете, пожилой, одинокой, и говорю: «Придет человек в 6 утра, потому что уже в 8 самолет, — ты отдай ему все мои 6800. Никакой расписки, ничего не бери... Просто отдай!» Тетя мне: «Я боюсь! Я их не знаю». Я говорю: «Не бойся, я тебе пароль скажу! Ты скажешь: «Я — Мальвина», а человек, который придет к тебе, скажет: «Я — Буратино». Вот ему ты деньги и отдашь».

И вот утром, еще не было 6 часов, моя тетя вышла из своей квартиры на пятом этаже и стала изображать, будто подметает у себя на лестничной клетке.

Вскоре подошел молодой «курьер». Звонит в дверь. Тетя с венчиком в руках смотрит на него со стороны недоверчиво и спрашивает с опаской: «Вы случайно не Буратино?» А он ей: «А вы случайно не Мальвина?» Вот так они обменялись паролями, узнали друг друга, и Мальвина отдала Буратино все мои сбережения.

Впрочем, родственникам попавшего в беду человека было не важно, как именно его освободят. Лишь бы — живым и целым.

Главный оператор телекомпании «ВИД» Эдуард Анатольевич Черняев, чей сын, 19-летний Владислав, был заложником, говорил: «Мне все равно: за деньги или нет. Главное, спасите сына».

Его и спасли за миллионы долларов, которые заплатил бандитам Борис Березовский. И я его за это не осуждаю.

Сам я, хоть и не имел возможности платить деньги за освобождение людей, почти всегда оказывался перед морально-этическим выбором.

В августе 1997 года я упрямил ичкерийских лидеров — вице-президента Ваху Арсанова и президента Аслана Масхадова отдать мне заложников. Они разрешили взять одного.

В 15-м городке в Грозном передо мной построили 20 человек: российских солдат, офицеров, гражданских рабочих. Каждый несчастный человек смотрел на меня глазами, в которых я читал одну фразу: «Выбери меня». В тот момент я проклинал себя и свою работу... И вдруг большой солдатик, хро-

После освобождения. Женщины из «Комитета солдатских матерей» провожают Сережу Худякова с московского вокзала в Екатеринбург.

мающийся и подгоняемый ичкерийцами в строй несчастных, спас меня. Я сказал: «Беру его».

Звали этого 18-летнего солдатика Сережа Худяков. Он был из глухой деревеньки, что на границе Свердловской и Тюменской областей. После освобождения Сережа несколько дней прожил в квартире известной московской журналистки Нелли Константиновны Логиновой. А Эльвира Николаевна Горюхина была его гидом по Москве.

...Знаю, что позже он женился, у него было двое детей...

А меня жизнь еще почти пять лет ставила перед подобным морально-этическим выбором.

Как сказал полковник Виталий Бенчарский: «В этой жизни мы всему только учимся. А в следующей будем уже опытными».

50

Спасение заложников наказуемо

К середине 1999 года, в связи с серийными похищениями людей в Ичкерии, туда перестали ездить журналисты и иностранцы. Ими ведь пополняли свой бюджет бандиты. После очередных финансовых вливаний в миллионы долларов от российских олигархов и правоохранителей ичкерийские бандиты тут же организовали очередное «жирное» (как сказал ингушский офицер милиции) похищение четверых иностранцев, налаживавших телефонную связь в республике: троих англичан и новозеландца.

Борис Березовский сказал после похищения, что это, мол, уже беспредел, и отказался платить. В отместку ичкерийские бандиты отрезали несчастным головы.

Правоохранители тоже никого не освобождали. Провести силовую операцию по освобождению заложников они тогда были неспособны, а денег на выкуп у них не было.

Но и в этих условиях я продолжал работу по освобождению людей, и в этом мне очень помогала Генеральная прокуратура России. «Миротворческая миссия Лебедя» тоже работала: в ней состояли бывшие офицеры КГБ СССР Александр Мукомолов, Руслан Нахушев и... бывший сельский учитель Нажмутдин Лорсанов. Правоохранители завидовали. С приходом нового руководства МВД Ингушетии они перешли в наступление. Но не против бандитов, а против людей, которые ценой риска пытались спасти заложников.

Сначала задержали Нажмутдина Лорсанова, а освобожденного заложника у него отняли. Потом на несколько дней упекли за решетку Руслана Нахуше-

ва, а освобожденного им заложника продемонстрировали как доказательство «эффективной работы правоохранительных органов».

У руководителя «Миротворческой миссии Лебеда» Сани Мукомолова был обыск в офисе и дома.

Наконец дошла очередь и до меня. Я непосредственно работал с «этническим отделом» ГУБОПа и генеральной прокуратурой. Так что мое силовое обеспечение было, казалось, недоступным ингушскому МВД. Но тем не менее...

Где-то в конце весны 1999 года я вытащил из неволи в Ичкерии очередного заложника — зубного врача из Смоленска, отца двоих детей. Работал я несколько месяцев. Было очень трудно. И даже в одно время боевики убедили меня в том, что заложник мертв.

Как же зубной врач из Смоленска попал в заложники? Приехал он к своему знакомому в Ингушетию, чтобы за короткое время подработать на «местных зубах». Но, видимо, его работу оценили в Ичкерии. Подробно о его похищении я не знаю. Во-первых, допрос освобожденного был не в моей компетенции, во-вторых, я стал абсолютно нелюбопытным. Работы было так много, что после освобождения человека у меня не было сил лишний раз открывать рот. Даже из профессионального интереса спросить у бывшего невольника, с кем он сидел, я был не в состоянии. Видимо, начиналась болезнь...

...Офицеры из УБОП Ингушетии (эту структуру возглавлял полковник Магомед Яндиев) сопроводили нас с заложником в аэропорт Назрани и посадили в Як-42, летевший в Москву. Летчики и стюардессы авиакомпании «Карат»⁵³ хорошо меня знали. Двигатель завели, но самолет еще стоял. Стюардесса сообщила, что меня приглашают в кабину пилотов. Летчики показали мне стоящего у самолета человека, который демонстрировал корочку сотрудника МВД Ингушетии и просил высадить меня вместе с освобожденным заложником. Летчики спросили: «Вы его знаете?» Я сказал: «Нет, летим скорее!» Самолет стал вырывать на взлет.

В Москве меня встречал полковник Сунцов вместе с женой заложника. Я рассказал ему о попытке меня высадить.

Дело в том, что в этот период местные РУБОПы были двойного подчинения. С одной стороны, они подчинялись Главному управлению по борьбе с организованной преступностью, с другой стороны — местному руководству МВД.

⁵³ Компания по своей инициативе обеспечивала меня и освобожденных бесплатными билетами.

« Видимо, я стал жертвой известной «болезни правой и левой руки»: правая не знает, что делает левая. Этот случай меня хорошо встряхнул и отрезвил, хоть я и не пил. И в дальнейшем я был еще более осмотрительным.

51

Как я на три дня «занял» чужую жену

Когда ты пять лет занимаешься спасением пленных и заложников, очень трудно быть все время на высоте. Рано или поздно ты должен занять «свое» место или в яме у бандитов, или в нашей родной российской тюрьме. Конечно, я постоянно был вооружен соответствующей философией⁵⁴, и это помогало оттягивать почти неизбежное. Как в футболе: чтобы не пропадало чувство мяча, ты должен постоянно играть и держать себя в форме. Но в футбольном чемпионате бывает межсезонье, когда ты теряешь форму, а потом ее постепенно набираешь.

Бандиты в Ичкерии, как шины для автомобиля, — всесезонные. Да и наши сукины сыны, хоть свои, но... чужие.

Осенью 1999 года настало время, когда я должен был отдышаться. И потом — я не жадный. Не всю же славу освободителя брать на себя, я готов был поделиться ею с нашими силовыми органами.

Информацию о том, что в частном доме на улице какого-то партсъезда (сейчас не помню — какого) в пригороде Назрани в яме держали двух женщин-заложниц: Анну Мирошкину из Мордовии и Людмилу Игнатьеву из Волгоградской области, я передал через полковника ГУБОПа Михаила Сунцова для

⁵⁴ См. главу 60.

ингушских правоохранителей. И дополнил, что если они хорошо и правильно поработают, то в соседних домах найдут еще двух невольников: сыновей этих женщин, российских солдат. Как говорится, достаточно разжевал, оставалось только съесть — и нацепить ордена.

Информацию о заложниках я получил из разных источников, в том числе от Елены Т. — дочери Анны Мирошкиной (мать-заложница как-то добралась до телефона и поговорила с дочерью по-мордовски).

Что взять с российских деревенских женщин? Хата и та бесценна, то есть ничего не стоит. Поэтому ушлые бандиты вели переговоры о выкупе с руководством республиканских и областных администраций, а также с родственниками невольниц.

Через пару дней Сунцов сообщил, что ингушские силовики пленных не нашли. И при этом констатировали, что Измайлов врет.

Пришлось, несмотря на усталость, лететь в Ингушетию самому. За день до вылета встретился на станции московского метро с Еленой Т. и ее мужем. Мужу сказал, что Елена должна ехать со мной, если хочет, чтобы я помог в освобождении ее матери и брата. (Это было необходимо, чтобы при случае они пообщались по-мордовски.) Муж Елены, работник московской охранной структуры, вынужден был согласиться. Я пообещал: что бы ни случилось, через три дня верну супругу в Москву невредимой. Последовала трогательная сцена прощания мужа с женой...

Мы прилетели в Кабардино-Балкарию, в Нальчик. У трапа самолета нас встречали ребята из Москвы: зам Сунцова, полковник Владимир Лошкарев и полковник Сергей Яковлев. Они в это время находились в Нальчике в командировке. Дислоцированный здесь Северо-Кавказский РУБОП как руководящая структура всех региональных отделов по борьбе с организованной преступностью должен был обеспечивать нашу работу.

Честно говоря, этой структуре я не очень-то доверял, и прежде всего в плане профессионализма. Не знаю, какие результаты она показывала в борьбе с преступностью, но стабильным поставщиком своих офицеров в ичкерийские подвалы она себя точно проявила. И капитаны, и подполковники, и даже полковники (подполковник Шартанов, полковник Шапкин...) томились в неволе у бандитов.

...Мои худшие ожидания подтвердились. Машину нам выделили к 10 часам утра. Я убеждал местных силовиков, что надо выезжать из Нальчика не позднее 5 утра, чтобы около 7 быть в Назрани. Освобождать заложников и брать

Бывшие заложницы Анна Мирошкина и Людмила Игнатьева.

бандитов надо тепленькими. В «жигуленке», любезно предоставленном местным УБОПом, не было ни бензина, ни масла в двигателе. Пришлось полкилометра толкать «жигуль» до заправки. И это, несмотря на то что вместе с нами работали два полковника из Москвы — от руководящей (для местных ментов) организации. Бензином и маслом я заправлял машину за свой счет. Елена Т. смотрела на меня с недоумением.

— Все нормально, — сказал я ей, — мы же русские люди. По традиции долго запрягаем, зато потом...

В Ингушетии местные менты тоже встретили нас неприветливо: «А, Измайлов! Привез миллионы?» На что я со злобой ответил: «У тебя сейчас будет возможность освободить заложников силовым способом. Готовь свои ОМО-Ны и СОБРы».

В дом по улице партсъезда (то ли XIX, то ли XXII) я ворвался первым, ребята в масках и камуфляже — за мной.

И сразу — успех: в доме — яма, а там — солдатские матери Анна Мирошкина и Людмила Игнатьева...

Хозяйка крикнула: «Измайлов, ты почему в моем доме распоряжаешься?» Но я уже выходил с чувством исполненного долга. В соседнем доме силовики в этот момент освобождали двух российских солдат — сыновей невольниц.

Елену Т., как и обещал ее мужу, на третий день отправил самолетом из Нальчика в Москву — невредимой, но набравшейся опыта, — а сам остался еще на пару дней на Северном Кавказе.

52

Для кого существовала граница вокруг Ичкерии?

Чеченская Республика граничит с братской Ингушетией, с Кабардино-Балкарией, Ставропольским краем, Северной Осетией, Дагестаном и Грузией.

Во времена Ичкерии с соседних территорий массово похищали заложников.

В Ичкерии, как я уже писал, самыми богатыми среди «простых людей» были пенсионеры. Большинство простых людей в сельской местности жили натуральным хозяйством.

Конечно, Чечня богата нефтью, причем самой высококачественной. Баллонами с бензином и керосином торговали по всей Ичкерии. В Грозном во время войны была повреждена водопроводная система. Открывай кран в доме и наливай... керосин или бензин. Но только кто купит? Дефицита бензина и керосина нет, а воды — есть.

Предприимчивые ичкерийцы организовали криминальную торговлю нефтепродуктами с соседними республиками. Самым доходным был канал доставки бензовозами: из Чечни через Северную Осетию — в Южную Осетию. По пути кормили всех, кого надо, и прежде всего правоохранителей.

Но самые большие деньги приносил человеческий товар. Похищали людей не только из соседних республик, но из Поволжья, Сибири, Москвы. Один заложник, которого я освобождал, был из Магадана.

Заложников вывозили не по «верблюжьим тропам», а по трассам. И чаще всего похищали солдат. Так что административная граница для похитителей людей и террористов — это фикция. Но чиновники докладывали президенту: граница с Чечней на замке. Видимо, он им верил. Если бы похитили его близких родственников, он был бы менее доверчив. Но страшнее было то, что в административную «границу на замке» верили сами руководители силовых структур. Еще страшнее, что в это верили и руководители силовых структур на местах. Эта всеобщая вера одним помогала расти по службе, другим — без особых проблем похищать людей. В общем, все были довольны: и боевики, и правоохранители.

В августе 1998 года я рассказал об этом административно-пограничном блаженстве начальнику «этнического отдела» ГУБОПа Михаилу Сунцову — и с полученными от него рекомендациями вылетел в Дагестан.

Дело в том, что дагестанские правоохранители больше всех кричали про «границу на замке». У Ичкерин с Дагестаном — самая большая граница, и именно сюда каждые три месяца-полгода отправляли новые подразделения внутренних войск и ОМОНа из других республик и областей России. Некоторые подразделения полным составом попадали в заложники (например, пензенский ОМОН, выкупленный потом у Радуева Березовским).

К слову, в 90-е «мода» на похищение людей началась именно в Дагестане (но здесь она осталась на «любительском» уровне, в отличие от соседней республики).

Мой верный Санчо Панса — филолог и психолог Эльвира Николаевна Горюхина — в этой поездке в Дагестан была со мной. Если вы помните, только за 4 месяца до этого (в день ее 66-летия) нас двоих заместитель Басаева чуть было не посадил в яму... Но Эльвира Николаевна снова рвалась в бой. Да и я рядом с профессором чувствовал себя увереннее.

Пять дней мы прожили в Махачкале, в доме моего друга, полковника МВД Дагестана Камилля Нажмутдинова⁵⁵.

За эти пять дней, благодаря протекции Сунцова и любезности руководителя дагестанского РУБОПа полковника Руслана Гитинова, мы побывали в древнем Дербенте и в знаменитой крепости, «проинспектировали» погранотряд в Ка-

⁵⁵ С Камилем мы вместе учились. Он помогал моей семье всегда, особенно когда я служил в Афганистане. Моя мама называла его сыном, а он ее мамой.

У Камилля старшая дочь только что вышла замуж, старший сын был студентом, а младшие сын и дочь — школьниками. Но нам не было тесно в его доме. И Эльвира Николаевна даже выделили отдельную комнату. Сейчас Камилль на пенсии, воспитывает внуков и часто передает привет в Израиль моей маме и сестрам.

*Мы с Эльвирой Николаевной Горюхиной (крайняя справа)
в семье полковника МВД Дагестана Камилля Нажмутудинова.*

спийске (полтора годами ранее местные бандиты взорвали здесь многоэтажный дом, где жили семьи пограничников). Были на городском кладбище у могил моих бабушки, отца и дяди.

Так пролетело пять дней. В день нашего вылета в Москву ичкерийцы, выполняя договоренность, доставили мне пленного солдата Чудакова из 136-й бригады — привезли из Чечни прямо в махачкалинский аэропорт.

Махачкала от границы с Чечней — в 100 километрах, а от Грозного — в 160. Все это расстояние ичкерийцы легко преодолели. Ни административная граница с внутренними войсками и омовцами, ни блокпосты местной милиции не были для них преградой.

Я в присутствии тележурналиста Руслана Гусарова и его коллег «вручил» освобожденного солдата полковнику Гитинову, познакомил его с ичкерийцами.

*Справа — Наташа, жена моего армейского друга Нузгара Душвили.
Слева — их племянница Анжела. Мои ангелы-хранители в Чечне.*

Была договоренность с правоохранителями: **никого не брать**. А просто проследить, как ичкерийцы прошли через все пограничные посты. Но проследить рубововцы не смогли или не захотели...

Когда ровно через год банды Басаева и Хаттаба напали на Дагестан, легко преодолев все правоохранительные барьеры, для меня в этой легкости не было ничего удивительного.

Главный отпор ичкерийским боевикам в августе-сентябре 1999 года дали жители высокогорных андийских сел Ботлихского района. Возглавлял андийских ополченцев-добровольцев мой друг, полковник МВД Дагестана, уроженец этих

С друзьями – полковником Умаханом Умахановым (в центре), начальником дагестанского управления по борьбе с наркотиками, и полковником Камилем Нажмутдиновым, начальником УВД Цунтинского р-на Дагестана.

мест Умахан Умаханов (кавалер двух орденов Мужества, представленный к званию Героя России).

...Полковника Руслана Гитинова после его конфликта с руководством МВД Дагестана приютил у себя в «этническом отделе» ГУБОПа Михаил Сунцов. Во время второй чеченской кампании Руслан был направлен в Чечню и вел себя очень мужественно.

Полковник Камиль Нажмутдинов возглавил самый высокогорный, Цунтинский район Дагестана, граничащий с Грузией. Его подчиненные дали бой банде Гелаева, уничтожив ее при попытке проникнуть на грузинскую территорию.

53

Погоня за гуманитарным грузом

В начале второй чеченской кампании старый друг «Новой газеты» Михаил Сергеевич Горбачев оплатил 20 тонн гуманитарной помощи для Чечни. Груз шел из Голландии. Здесь были не только продукты, но и инвалидные коляски.

Вез его через европейские страны, а также Белоруссию и Украину водитель-поляк. Машина по ошибке была чуть перегружена. Почти везде к этому относились с пониманием. Но только не на Украине и не в России. Здесь пришлось давать взятки гаишникам.

Мы с журналистом «Новой» Игорем Бедеровым встречали машину в Кавказских Минеральных Водах и сопровождали в Чечню.

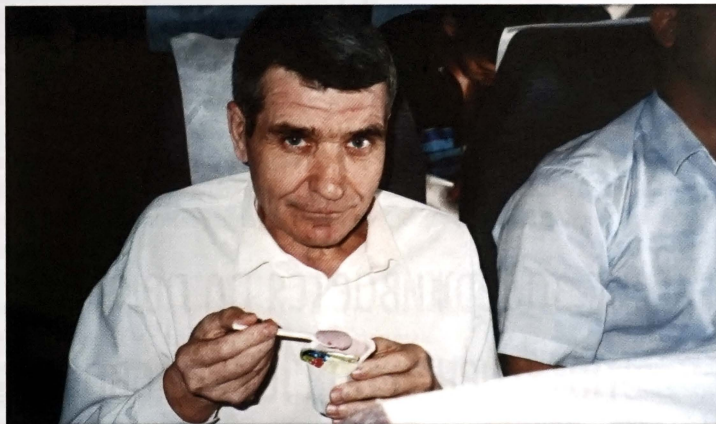
Я был тогда на пике своей формы и, узнав о проблемах, с гордостью за нашу страну сказал поляку: «Больше никому платить не будешь». Легко было сказать. Тут же, на границе между Ставропольским краем и Кабардино-Балкарией, нас остановили на посту ГИБДД. Перегруз на какую-то ось. Но гаишники меня узнали и помогли. Они эстафетой сопроводили нас через всю территорию Кабардино-Балкарии. А на границе с Осетией — очередной пост. Взвешиваемся — и, конечно, обнаруживают перегруз нашего автопоезда.

Намекают на «вознаграждение».

Сил что-либо объяснять и о чем-то договариваться с людьми, ожидающими только взяток, у меня уже не было. Я очень устал. И потому, наверное, сказал водителю-поляку: «Гони!»

И он погнал свою «Сканию».

Гаишники были наглыми, но не ждали ответной наглости от меня.

Василий Поклонский сразу после освобождения. 23 июля 1998 года. См. следующую главу.

Я кричу удалому поляку: «Гони!» За нами погоня, до ингушской границы — километров сто, но мы уходим... В Ингушетию осетинские гаишники въезжать не стали.

Разгрузались мы всю ночь.

Наутро снова въезжаем в Осетию, но уже пустые. Тот же гаишник, что вчера махал нам палкой, бросает остановленную им легковушку — и к нам наперерез.

Мы останавливаемся, показываем, что в кузове пусто. Гаишник говорит: «Ты почему вчера уехал: что, боевиков вез?»

Я ему говорю: «Уже отвез, видишь, пустой».

Показываю все накладные на груз гуманитарной помощи из Голландии.

Все по закону. А когда ты пустой, с тебя нечего взять⁵⁶.

Но наш гаишник не сдаётся:

— Ну, хоть сто рублей дай, — говорит он мне, и я не могу удержаться от смеха.

⁵⁶ Возил я еще гуманитарку от Российского Красного Креста, от Российского комитета защиты мира... Но уходить от настоящих просьб жадных гаишников мне, к счастью, больше не приходилось.

54

Рейс задерживается по причине покушения на Масхадова

Почти 20 лет прошло, но я хорошо помню этот день — 23 июля 1998 года.

В этот день мне удалось вывезти сразу четырех заложников. Причем привезли мне их три разных человека. Мой друг по кличке Сабля помог вытащить из неволи двух солдат российской армии. В первой городской больнице Махачкалы им должны были делать операции по удалению аппендицита. За день до операции солдаты гуляли во двореке больницы, где их и похитили бандиты и вывезли в Ичкерню.

Сабля нашел их по моей просьбе и убедил бандитов отдать их, иначе они умрут.

Василию Петровичу Поклонскому, жителю Эссентуков, было 58 лет. Он работал инженером Моставтодора на строительстве новой столицы Ингушетии — Магаса. Жил в вагончике вместе с женой. Ичкернийские бандиты похитили его ночью, а жену пожалели. За его освобождение от Моставтодора требовали миллион долларов. Вызволить Поклонского мне помог заместитель Генерального прокурора России Михаил Катышев. Хозяевами похитителей были высокопоставленные чиновники шариатской безопасности.

Четвертый освобожденный невольник — тринадцатилетний мальчик-сирота Андрияша Латыпов, усыновленный российским офицером-десантником.

Вывозить заложников я должен был регулярным рейсом авиакомпании «Картат». Самолету уже пора было вылетать, а Андрияшу Латыпова все не везли.

Договоренность насчет него была с представителем шариатской безопасности при МВД России полковником Саид-Селимом Бациевым.

Летчики сказали, что могут задержать самолет на час. И вот на исходе этого часа Саид-Селим привез ребенка. Свое опоздание Бациев объяснил покушением на президента Масхадова, в связи с чем были перекрыты дороги.

С часовым опозданием мы прилетели в Москву. У трапа самолета нас встречали: группа телевизионщиков во главе с Сергеем Бодровым-младшим (он тогда работал во «Взгляде»), полковник Михаил Сунцов из ГУБОПа, майор-десантник Александр Данильченко и «скорая помощь» для нуждающихся в операции солдат.

Как сложились их судьбы?

Сережа Бодров, замечательный актер и начинающий режиссер, погиб, снимая фильм в горах Осетии во время схода лавины...

Саид-Селим Бациев учился в адъюнктуре МВД России, куда перешел из шариатской безопасности, и был прикомандирован к ГУБОПу. Он много сделал для спасения заложников. Сыграл главную роль в спасении из неволи израильского мальчика Ади Шарона. Одним из последних указов министра внутренних дел генерала Рушайло (перед его уходом с поста министра) был уволен из органов.

О судьбе освобожденных солдат, которые были прооперированы в Москве, ничего не знаю.

Бывший заложник Василий Поклонский, которого встречал в аэропорту племянник, вернулся в родные Ессентуки к жене.

Тринадцатилетний заложник Андрияша Латыпов... Теперь ему должно быть тридцать три года. Тогда, после освобождения, благодаря помощи журналистов из «Взгляда» он лечился в одной из западных стран. О его дальнейшей судьбе я не знаю.

55

Дети-заложники

В заложниках были дети разных национальностей: русские, чеченцы, аварцы, даргинцы, евреи... И попадали они в неволю по-разному.

Андрюша Латыпов — 13-летний Санкт-Петербургский беспризорник, которого усыновил майор-десантник Данильченко, оказался в плену случайно.

Офицеру дали путевку в санаторий: на апрель 1998 года в Пятигорск. Майор взял с собой «Леньку». (Так было в знаменитом стихотворении Константина Симонова «Сын артиллериста». Только майор Данильченко был десантником, а его «Ленька» — Андрюшей.) В выходные Данильченко решил съездить с мальчиком к своим боевым друзьям в Моздок. А электричка ходила от Минеральных Вод до станции Ищерской. Станция Ищерская — это уже Ичкерия. Моздок — последняя российская станция на этом маршруте. Ребята проехали свою остановку и попали в лапы бандитов...

...За несколько лет до этих событий о Санкт-Петербургских беспризорниках рассказывала программа «Взгляд».

...На ночлег мальчики устроились в чьей-то машине. Она вспыхнула. Товарищ Андрюши погиб, а его самого, сильно обгоревшего, в течение нескольких месяцев спасали медики. Потом его усыновил майор Данильченко.

В общем, Андрюша после того пожара был болен. В плену он бы недолго выдержал. 23 июля 1998 года я его вытащил⁵⁷.

⁵⁷ Майор Данильченко сбежал из плена чуть раньше. Мальчика ему забрать не удалось, но майор сразу же рассказал нам, где его держат.

Стасик Иванов из Подольска попал в заложники при довольно странных обстоятельствах. Мать его торговала вместе с ичкерийцами и что-то им задолжала. Они взяли в заложники сына. Тогда Стасику было 9 лет. А когда освободили, ему уже исполнилось 12...

Володя Фанль учился в 5-м классе махачкалинской школы. Она располагалась рядом с известным в городе магазином «Тарки-Тау». Мальчика захватили по дороге на учебу. И спокойно вывезли через все блокпосты российских силовиков в Чечню, в Урус-Мартан. Здесь в широко известной тюрьме братьев Ахмадовых мальчик провел полгода.

Сидел вместе с другими заложниками. В частности, с корреспондентом ИТАР-ТАСС Владимиром Яциной. Когда Володя Фанль плакал, Яцина находил нужные слова и по-отцовски его успокаивал. Мальчика удалось освободить. Помог мне в этом бывший депутат Госдумы Надыр Хачилаев, сидевший в тот момент в следственном изоляторе ФСБ «Лефортово». Переговоры с бандитами он вел по телефону прямо из камеры.

Володя Фанль сейчас живет в Израиле, там он и в армии отслужил. Владимира Яцину бандиты убили.

Ады Шарон — 12-летний израильский мальчик. Мать умерла, когда ему было четыре года. Отец — грузинский еврей Иосиф Шарон — занимался в России, как бы сказать помягче, левым бизнесом. Во время летних каникул Иосиф на пару месяцев взял ребенка с собой в Москву.

Шел конец августа 1999 года. Иосиф с сыном уже должны были улететь в Израиль. За день до их отлета бандиты «сработали»: в самом центре Москвы, в подъезде элитного дома по Кутузовскому проспекту, где Иосиф снимал квартиру.

Отца и сына похитили. Вывезли в ближнее Подмосковье. Через день Иосифа отпустили, а за сына потребовали выкуп в миллионы долларов.

...После моего выступления по израильскому телевидению (это было во время моей двухнедельной поездки в Израиль к жене и дочке) на меня вышли не-

сколько жителей этой страны, чьи родственники оказались в заложниках. Среди позвонивших была бабушка Ады Шарона (со стороны матери). Сообщила, что ее маленького внука держат в Чечне и что он вообще не говорит по-русски. А его отец Иосиф «что-то крутит»...

Вернувшись в Москву, я сразу вышел на Иосифа. В редакции «Новой газеты» он рассказал мне историю похищения сына. Бандиты, угрожая смертью ребенка, требовали не сообщать в правоохранительные органы. Больше месяца он не сообщал, пока бандиты не «раскрутили» его на большие суммы денег, так и не вернув мальчика.

Только тогда он обратился к полицейскому атташе Израиля в Москве, а через него — в московский РУБОП, что на Шаболовке. Дело вел капитан милиции, сын генерала, одного из руководителей УВД Москвы.

По просьбе генеральского сына Иосиф подарил ему дорогой мобильный телефон, купил новую машину... Но, увы, продвижению дела это не способствовало.

Шел уже октябрь. А ребенка, напомню, похитили летом.

По просьбе правоохранителей Иосиф передал для сына теплые вещи. Таким образом, силовики попытались еще и отследить маршрут бандитов. Посредник, которому Иосиф передал вещи для мальчика, вылетел в Ингушетию. Но в Ингушетии — при досмотре посредника — этих вещей у него не обнаружили. Иосиф потребовал подтверждения, что вещи доставили сыну. Через несколько дней бандиты передали ему фото пленку.

Когда проявили и отпечатали фотографии, то увидели, что рядом с Ады Шароном — который был в погребке в вещах, переданных отцом, — случайно заснят охранник, человек со «славянской внешностью».

Это косвенно подтверждало ту информацию, которую уже получил я: ни в Чечне, ни в Ингушетии ребенка не было.

Я привел Иосифа Шарона в «этнический отдел» ГУБОПа к полковнику Сунцову. Делом Шарона занялись его ребята.

Девять месяцев продолжались поиски мальчика. За это время бандиты отрубили ему два пальца... Но ребенок был спасен⁵⁸.

⁵⁸ Руководство Израиля выразило благодарность руководству МВД России, а пяти наиболее отличившимся сотрудникам российской милиции вместе с женами были предоставлены путевки на израильские курорты.

Но офицеры не поехали... Во время приема в посольстве Израиля в Москве полицейский атташе выразил мне свое недоумение: мол, почему же ваши заслуженные офицеры отказались от отдыха у нас в стране? Но никто не отказывался. Их просто почему-то не поставили в известность. Министр Рушайло на своем самолете улетел в Израиль, захватив с собой освобожденного Ады Шарона и его отца Иосифа... Почти все основные участники той операции по спасению мальчика уже не служат в милиции. Нет в живых полковников Владимира Лошкарева и Николая Пушюкова, на пенсии полковники Иса Сурдеев и Владимир Яковлев; тогда капитан, а ныне генерал-майор Кальвар Боташев — сейчас глава МВД Карачаево-Черкесии. А главную роль в освобождении Ады Шарона сыграл бывший ичкерийский представитель патристской безгласности при МВД России Саид-Селим Башиев. И слава богу, он сейчас жив и здоров.

4-летняя Леночка Мещерякова провела около года в плену. Рядом – столик с ее лекарствами.

Его держали не в Чечне, а... в Пензе. Банда оказалась интернациональной, состояла из 7 русских и 6 чеченцев, никакого отношения к ичкерийским боевикам не имела.

Пальцы отрубил мальчику русский бандит, у которого были свои дети – трое, кажется.

...Самой маленькой заложницей в Ичкерии была трехлетняя Леночка Мещерякова. Она провела в заточении несколько месяцев. Сидела в погребе дома, а над ней веселились дети ее похитителя.

За что ее подвергли таким испытаниям? Ее мама была в Грозном заведующей детским садом, и кому-то понадобилось ее место.

56

Как бороться с крысами

Отстрел и яд для уничтожения крыс не всегда эффективны. Сомерсет Моэм в романе «Бремя страстей человеческих» рассказывает притчу о том, как избавлялись от крыс на корабле.

Откормили одну крысу, и она съела других. Сначала радовались. Но потом суперкрыса принесла потомство, и появилось много маленьких крысят...

По этому крысиному пути идут многие спецслужбы мира.

Вот американцы откормили «Аль-Каиду». А она им устроила 11 сентября. Говорят, что (запрещенная в России) террористическая группировка ИГИЛ тоже зародилась в недрах спецслужб.

Во вторую чеченскую кампанию наши спецслужбы «расхватали» для своих нужд многих известных ичкерийских полевых командиров и... криминальных авторитетов.

Одни стали работать на ГРУ, а К° и компания — на ФСБ.

Многие из них к высшим ичкерийским наградам, полученным за «героическую борьбу» против российских войск, теперь получили Звезды Героев России — за остревенелые убийства своих вчерашних «коллег»...

Но Звезды Героев особо не кормят, и пошли ГРУшные крысята громить... своих собственных «собратьев»: например, принадлежащий одному из них мяскокомбинат под Санкт-Петербургом.

А потом между ГРУшными крысятами и ФСБшными началась борьба за власть в Чечне. ФСБшные победили, убивая ГРУшных и в Москве, недалеко от Красной площади, и в Арабских Эмиратах, и...

Звезды Героев России ГРУшников не спасали.

Параллельно крысята начали убивать оппозиционных чечено-российской власти журналистов и политиков: Анну Политковскую, Наталью Эстемирову, Бориса Немцова...

Кто следующий?

57

О головорезах

На глазах черная повязка, в руках огромный нож. Всему миру они показывают, как режут головы заложникам. В Чечне, в Сирии, в Ираке... И весь мир в страхе.

Кто они? Что это за «сверхнедочеловеки»?

Почему они прячут свои лица под масками?

Они боятся смерти?

Салаутдин Тимирбулатов (по кличке Тракторист) в 1995–1996 гг. резал головы солдатам: мертвым и живым. Он даже не скрывал своего лица. Верил в безнаказанность? И еще для него это был бизнес: видеокассеты с этими зверствами продавались на рынках Грозного.

Во вторую чеченскую кампанию на Тимирбулатова началась охота российских спецслужб.

Я отлично знаю тех людей, что вышли на него, они многократно бывали у меня в «Новой газете».

Чувствуя, что его скоро могут взять, Тракторист помог им освободить двух женщин — польских этнографов, захваченных в Дагестане. Их свободой он хотел заплатить за свои зверства. Но его взяли.

И это не единственный пример, когда люди-звери трясутся за свою жизнь.

Люди-звери не имеют национальности.

...Разведчики под командой озверевшего российского подполковника захватили чеченца, ехавшего на бензовозе. Привязали человека к дереву и... взорвали. Бензовоз потом стоял в парке 205-й бригады.

Подполковник позже поступил в военную академию.

В августе 1996 года я находился в Старых Промыслах Грозного вместе с разведбатом 205-й мотострелковой бригады. Ночью проверял посты. У костра сиде-

ло несколько солдат, и один из них — контрактник, переведенный к нам из 245-го мотострелкового полка, рассказывал, как в чеченском селе Гойском убивал детей, чтобы из них не выросли боевики.

...Я поставил того зверя-контрактника перед строем и сказал, что я, майор Измайлов, сделаю все для того, чтобы он понес наказание.

А что же те солдаты, которые слушали о его зверствах?..

Они сидели в страхе. На них, видимо, действовал тот же закон тайги, что сковал волю советских солдат в Амурской области, когда подонки зарезали молодого лейтенанта...⁵⁹

⁵⁹ См. гл. 2 и 34.

58

Машковская парилка как источник информации

Виктор Николаевич Машков — ветеран 201-й дивизии.

В районе Алтуфьевского шоссе под Москвой у него дача — дом с баней и парилкой.

Через эту парилку прошли сотни людей: офицеры и генералы вооруженных сил, МВД, ФСБ, МЧС. Люди, пережившие горячие точки: Афганистан, Чечню... Награжденные орденами и медалями, Герои России... Здесь бывали и сотрудники посольств иностранных государств, чьи граждане находились в заложниках...

Почти 20 лет назад ввел меня в этот круг полковник Главного штаба сухопутных войск и мой друг Виталий Бенчарский.

Привел, чтобы я мог иногда отдохнуть от Чечни и бешеной работы.

Сюда, в дом Виктора Машкова и его жены, гостеприимной Ниночки, в их баню с парилкой приходили целыми семьями. И моя Тамарочка была здесь, а когда появились дети, Аниса и Ваня, они тоже полюбили этот дом.

...Отсюда, из машковской бани, пошла правда о гибели весной 2000 года сергиевопосадских омонцев (21 человека). Я написал тогда в «Новой»: «Почему наши гибнут от своих?»

Ведь руководство ружайловского МВД ранее сообщало, что они пали от рук боевиков.

Тогда этот вопрос рассматривала комиссия Госдумы по безопасности. Глава МВД России Владимир Рушайло на заседании комиссии не явился, а его заместитель сказал: «Измайлов врет, хоть он и майор».

Только через год расследование генеральной прокуратуры показало, что автомобильная колонна сергиевопосадских омоновцев была расстреляна сотрудниками МВД — на блокпосту в районе Старых Промыслов Грозного.

Нет, в этой трагедии не было предательства, а были паника и трусость.

...Через несколько лет здесь же, в машковской бане, я узнал правду о гибели военнослужащих в селе Пригородном, находящемся в нескольких километрах от Ханкалы.

Военных туда направили на усиление к 23 февраля.

В тот день было довольно холодно, и они решили установить палатки в бывшем овощехранилище. Этому мешали «сейсмические» балки. Их отпилили. Теперь стены теплицы удерживала только крыша и их собственный вес. А когда в стену ввехал задним ходом БТР, направляемый нетрезвыми голосами, здание обвалилось, погребя под собою людей.

Руководство Министерства обороны по старой, гнилой традиции обвинило в их гибели боевиков. Кто проверит?

Ложь убивает невинных.

И ложь лилась даже не изысканная, а тупая...

На комиссии Госдумы того самого замминистра внутренних дел спросили: «Откуда вы знаете, что на сергиевопосадских омоновцев напали боевики, ведь никого же не взяли?»

Он нашелся: «По свежим могилам на местном мусульманском кладбище».

...Тогда, после расследования генеральной прокуратуры, к суду привлекли «стрелочников». А после трагедии в Пригородном и «стрелочников» не искали: дело спустили на тормозах.

«Своя колея»

В январе 1999 года мне позвонили в «Новую» из фонда имени Владимира Высоцкого и сообщили, что я избран лауреатом премии «Своя колея».

Награждение проходило в Театре на Таганке (в крыле Юрия Любимова).

Нас, лауреатов, было трое. С одной стороны от меня сидел министр МЧС Сергей Шойгу, с другой — любимый мой кинорежиссер Алексей Юрьевич Герман.

Когда нас представили друг другу, Сергей Шойгу сказал мне: «Молодец!..» — и пошутил, что его самого, видимо, представили за министерское долголетие. И добавил: «Пора уже меня менять».

Меня вызвали на сцену после Шойгу. Медаль имени Владимира Высоцкого мне вручали легендарный космонавт Георгий Гречко и выдающаяся актриса Театра сатиры Ольга Аросева. За мной выступал Алексей Герман. Он сказал: «Ну этим двоим понятно, за что. Они военные. А мне-то? Конечно, и на войне надо кому-то хорошо варить кашу. Видимо, мне — за кашу».

Потом перешли к накрытым столам. Ко мне подошла жена Никиты Высоцкого (сына Владимира Семеновича) и сказала: «Вас представили еще год назад. Но люди из правительства, которые тоже в учредителях премии, сказали «не надо». В этом году вас снова представили. И опять они — «не надо». Но мы за-протестовали: раз ему «не надо», то никому. Во избежание скандала и широкой огласки они вынуждены были дать добро».

Потом ко мне подошел министр культуры (который, возможно, и говорил «не надо») и любезно сказал: «Я всегда к вашим услугам...»

Георгий Гречко вручает премию «Своя колея».

*Орден за Афганистан я получил через 15 лет.
На фото — награду в редакции «Новой газеты» мне вручает генерал Азаров. 2002 г.*

Я подумал: а ведь они были правы, те, кто говорил «не надо». Представьте себе, если бы бандиты в Ичкерии узнали, что я — не обруганный всеми военными начальниками майор, а лауреат... бандиты сказали бы: «Вот сволочь! Мы здесь с риском для жизни ворует людей, режем головы, находясь жарким летом в душных масках, а он там премии за наш счет получает». Но, к счастью для меня, ичкерийские бандиты были не очень продвинутыми по части прессы, а я получал премии не каждый день.

60

Не стать жертвой

Каждая поездка требовала усилий. Никогда не чувствовать себя ни жертвой, ни... героем. Тебе удалось вытащить из неволи нескольких человек. Тебе за это поют дифирамбы. А тебе наплевать и забыть, твоя задача снова лезть в пекло и снова тащить... Тащить ради жизни.

И ты не только спасаешь чьих-то сыновей, мужей, детей... Ты и себя каждый раз спасаешь.

Если идешь в бой с чувством безысходности, то наверняка станешь жертвой.

Почти каждый, кто осмеливался тогда ехать в Ичкерия или через нее, становился заложником. А меня не брали. Нет, если бы я очень захотел, то взяли бы. Но я не хотел. Как бы вам это объяснить? В общем, виктимология — наука о жертвах преступления. А я не собирался быть жертвой.

Ни в Афганистане, ни в Чечне у меня ни в какой обстановке не было чувства безысходности. И чувства жалости к самому себе. А была уверенность, что я своих оппонентов в конечном счете все равно переиграю. Эту «заряженность» я мог в себе поддерживать сутки. Самое большее — двое. Потом я уже становился другим человеком. Сил не хватало. И эти же сутки-двое мои оппоненты смотрели на меня как на кумира, который может «решить вопрос».

А через некоторое время они будут смотреть на меня по-другому. И я расслаблюсь. Они увидят, как я сплю, как ем. И когда они увидят во мне обычного человека, то скажут: «Это — наш заложник. За него дадут!»

Так продолжалось пять лет. Потом жизненный ресурс кончился. Причем кончился как-то незаметно для меня. Я продолжал по инерции дергаться, видимо, по той же инерции не становился жертвой преступления, заложником... Более того, по той же инерции продолжал освобождать пленных...

Активистку женского движения Самары Светлану Кузьмину бандиты отдали в августе 2001 года. К тому моменту я уже был никакой, перенес на ногах свой первый инсульт... Напротив моего дома в Жуковском была автозаправочная станция. Помню, я еле выполз из дома и увидел... 5 или 10 заправочных станций. Голова кружилась, как у пьяного, и ноги заплетались.

Я снова заполз домой и повалился на диван. Потолок кружился... Но к вечеру это непонятное для меня явление прошло.

Спасли тогда меня не врачи... любовь.

Именно тогда появилась в моей жизни Тамара.

61

Тамарочка и дети

Мама моей Тамары — Надежда Ивановна — доцент, декан филологического факультета Новосибирского государственного педагогического университета. В этом же университете работала Эльвира Горюхина.

С Эльвирой Николаевной я познакомился летом 1997 года. Я как раз готовился к очередной поездке в Чечню — с грузом в 14 тонн продуктов для детских домов и интернатов и для солдатских матерей.

За день до поездки меня пригласили выступить в Сахаровском центре.

Эльвира Николаевна подошла ко мне и попросилась в поездку. Я ей отказал. Как правило, никого не брал с собой. Не отвечал за свою жизнь, за чью-то не мог отвечать тем более.

После Сахаровского центра пришел в «Новую». Здесь меня ждали несколько солдатских матерей. Эльвира Николаевна напросилась в газету с нами.

Когда я увидел, как она разговаривает с матерями, то понял, что такой человек мне просто необходим. Профессиональный психолог нужен был мне и для работы с солдатскими матерями, и для работы с солдатами, прошедшими плен. Боевики говорили им: «Вернетесь в Россию, вас всех расстреляют или посадят на большие сроки...»

Горюхина была со мной во многих поездках в Ичкеррию. Говорила: «Не бойтесь, за меня плакать некому. Нет ни мужа, ни детей...»

Когда в 2000 году она тяжело заболела, за ней действительно некому было ухаживать, кроме «Новой газеты» (Димы Муратова, Юры Щекочихина...) и моих старых и верных друзей Тамары и Наташи Дуишвили.

Потом из Новосибирска в Москву приехала Тамарочка Прокопьева. Тамара, тогда уже кандидат наук, поступила в Москве в РГУ, в докторантуру, но день

С Тамарой и собакой Кутером. 2002 г.

и ночь проводила на Каширке у больной подруги своей матери. Там мы и познакомились, а через несколько месяцев поженились. Это придало мне, 47-летнему, перенесшему инсульт на ногах, новые силы.

Тамарочка была почти на 11 лет младше меня... Потом появились дети: Аниса (Оня — Анисья), названная в честь сестры Томиной прабабушки, и Ваня, получивший имя в честь погибшего в Великую Отечественную Томиного дедушки.

Детей «воспитывала» вся «Новая газета». В войну были сыны полка, а Аниса и Ваня — воистину «дети редакции».

Эльвира Николаевна, выйдя из больницы, после операции и многочисленных сеансов химиотерапии, в свои 70 лет укатила со мной и совсем еще молоденькой Леночкой Милашиной в Панкисское ущелье измерять степень его подконтрольности чеченским боевикам.

...А Тамарочка как будто знала о своей недолгой жизни. Она все старалась успеть для детей. Что они только не посещали с грудного возраста — и «Умную кроху», и... Каждое лето куда-то ездили.

А когда настало время идти в детский сад, чиновница из администрации сказала ей: Ваня Измайлов (2007 г.р.) по спискам 46-й запасной, а Аниса вообще даже в список запасных не входит. В ее год, 2006-й, слишком много нарожали.

С упреком Томочка обратилась ко мне: ты же ветеран афганско-чеченских войн, своих детей хоть бы в садик устроил.

...А перед моими глазами встали те мальчишки в солдатской форме: Эглитис, погибший под Кандагаром, смертельно раненный в Грозном солдатик-сирота Володя Гришкин, разорванный снарядом Аркаша Клешторный...

«Нет, — подумал я, — честнее дать взятку, чем пользоваться льготами от этих убитых ребятешек».

Но взятку давать не пришлось. В очередной раз помогли друзья, или, как это называется у нас в России, «телефонное право». Потом пришла соседка по дому.

Ее девочка — ровесница наших детей. Она сказала: «Не могу свою дочку устроить в садик, подскажите, что надо делать?» Красный до ушей, я что-то пролепетал про льготы...

...Наше с Тamarочкой счастье длилось одиннадцать лет.

Летом 2013 года Тamarочка умерла. Анисочке тогда было 7 лет. Ване — 6.

На похороны приехала моя сестра Вера из Израïля. Среди всех, кто тогда был рядом, она казалась самой энергичной. И Ваня эту энергию оценил. Он сказал мне тихо: «Скажи этой тете, чтобы она теперь стала нашей мамой». Бабушка Надежда Ивановна, у которой Тamarочка была единственной, при внуках не плакала. Потому что когда Аниса видела, что взрослые плачут, она рыдала.

Анисочка говорила: «Как же так, ведь это невозможно, чтобы мы были, а мамочки не было».

От горя Надежда Ивановна заболела. Она несколько раз в день целовала в холку Ваню, делала уроки с внуками. Ложилась с ними, пока не заснут, и перед сном читала сказки. Готовила обеды, стирала и убирала, хотя уже тяжело болела.

Я возил детей в школу, на плавание, на английский и в разные кружки.

Работа в «Новой» отступала и фактически сошла на нет.

Летом 2015-го главный редактор сказал мне: «Пиши книгу об Афганистане, о Чечне, о заложниках и пленных, о Тамаре, о детях...» Вот эту книгу, которая сейчас у вас перед глазами.

Первые несколько глав корректировала Надежда Ивановна. Она плакала, когда читала о сгоревшем хромом солдатике Шаболине... Потом, когда уже не могла читать, говорила: «Расскажи, о чем ты пишешь». Я ей рассказывал о том, как наша армия устала без войны, о Володе Гришкине и Аркаше Клешторном, о том, как я выбрал и спас одного солдатика из 20, которых боевики предоставили мне на выбор в 15-м городке в Грозном...

Надежда Ивановна умерла тихо, у меня на руках, в ночь на 25 января 2016 года.

62

Какое счастье — наконец-то инсульт?

Инсульт, тем более второй, это, конечно, очень плохо. Но он — мой «спаситель» от бешеной работы, на которую сил уже не было. Я лежу в реанимации неврологического отделения 31-й московской больницы.

И не удивляюсь, что инсульт меня наконец-то нашел.

При моей работе и лишнем весе это должно было произойти раньше.

Никогда в жизни я столько не отдыхал... И фигура заметно постройнела. Это плюсы.

А минусы? Доползти до туалета — подвиг. Разговариваешь через логопеда. Правая рука и правая нога постоянно отстают: и когда идешь налево, и когда направо, и даже прямо...

...Через шесть лет после моего инсульта умерла Тamarочка, потом ее мама, она — и моя вторая мама.

Я один с детьми.

8-летний Ваня смотрит на меня своими умными и печальными глазами и целует так, как его целовали мама и бабушка. Вечером он просит лечь с ним: «Ты как плюшевый мишка. С тобой тепло и спокойно».

Аниса этому немного завидует, но спит только со своими куклами: «Хоть ты и папа, но все же мужчина...»

Спасибо «Новой газете», спасибо друзьям, спасибо школе, в которой работала Тamarочка и учатся наши дети, спасибо родителям Ваниных и Ониных одноклассников, спасибо моим сестрам и маме, которой пошел всего-то 88-й год...

Анисочка, которой 10, поддерживает меня: «Не вешай нос. Жизнь продолжается».

Особенностью этого села являлось то, что в советское время — в эпоху воинствующего атеизма — здесь была действующая мечеть, и муэдзин пять раз в день созывал людей на молитву. А правоверными мусульманами считали себя все доргелинцы, включая учителей и коммунистов.

Этим селением и доргелинцами в министерстве просвещения Дагестана пугали молодых педагогов и отправляли туда тех, у кого «волосатых» защитников не было. Вероятно, поэтому в доргелинскую школу очень часто попадали талантливые ребята и девушки.

Это было началом их самостоятельной работы. Два-три года, проведенных в Доргели, они, на счастье местных учеников, творили.

Среди учителей были кумыки, лакцы, лезгины, русские...

С Сереем Ширяевым, выпускником математического факультета Дагестанского университета, мы жили вместе. Снимали целый дом в самой горной точке на окраине села. За нашим домом было только мусульманское кладбище.

Во время учебы в университете Сережа много времени уделял игре в КВН — значительно больше, чем математике. Был одним из лучших наших кавээнщиков. А еще — заядлым театралом. Играл ведущие роли в студенческом театре.

К урокам в школе он почти не готовился, в нем творчества, что называется, и так было в избытке. К восторгу учеников, он расписывал теоремы, стоя у классной доски на руках.

Директор школы — молодой коммунист, прибывший из райцентра, тоже был математиком, но очень строгим, и Сереже Ширяеву за его своеобразное творчество доставалось на орехи.

По вечерам — а вокруг нашего дома по понятным причинам была кладбищенская тишина — мы по очереди читали друг другу вслух. Многое из того чтения осталось во мне навсегда.

Среди местных доргелинцев тоже было много учителей.

Всего на год старше меня был учитель физкультуры Абдурахман Магомедов. Но к тому времени он уже успел «родить» двоих сыновей и учился заочно на географическом факультете Дагестанского пединститута. Я часто помогал ему делать контрольные работы. А еще Абдурахман был молодым коммунистом. Но это абсолютно не мешало ему верить в Аллаха и молиться.

Однажды я помогал Абдурахману в написании контрольной работы по атеизму. Мы получили отличную оценку. Невероятно, но при этом я подошел к процессу настолько творчески, что нисколько не поколебал своей работой по атеизму веру Абдурахмана в Аллаха.

Я очень чтил все местные традиции и всегда принимал участие во всех доргелинских общественных мероприятиях, жертвуя ради этого даже поездкой на выходные домой.

Как-то молодой школьный учитель военного дела, всегда улыбающийся Хаджирахим, пригласил меня на «белхи». Белхи — это работа по созданию из глины и соломы кирпичей для строительства дома — саманных кирпичей. Я трудился ударно, как и десятки приглашенных родственников и друзей Хаджирахима. Работа приносила мне много радости, несмотря на то что мои единственные джинсы после этого тоже стали глиняными.

...Почему я сейчас пишу об этом мелком вроде бы эпизоде — о добровольном и радостном участии в коллективном труде на Кавказе?

Может быть, так будет легче понять, почему мне — советскому офицеру-еврею — удавалось находить общий язык с боевиками, когда нужно было договариваться об освобождении заложников. И я, и они — люди с Кавказа. И я, и они хорошо знаем и чтим местные традиции и обычаи. И не так важно, кто какой национальности. На Кавказе есть какие-то противоречия между людьми. Но есть и что-то общее у тех, кто вырос и жил там: чеченцев, ингушей, кумыков, аварцев, русских, евреев. Этого не поймет коренной житель, допустим, Рязани, который никогда не жил духом Кавказа.

Но вернемся к вопросам религии. Зная, что я работаю в религиозном селе, мой университетский профессор философии очень критиковал меня за то, что я не был воинствующим атеистом. Уверен, что лет через 15 он сам стал верующим в Бога философом.

К слову, больше всех из своих университетских наставников я уважал и любил Вадима Федоровича Гурова — преподавателя научного коммунизма. Это был фронтовик, награжденный многими орденами и медалями за Великую Отечественную. В 19 лет получил тяжелое ранение. Полностью ослеп.

Но окончил исторический факультет университета, а потом аспирантуру. Стал кандидатом философских наук, доцентом.

Я был одним из немногих его студентов, кому было дозволено водить Вадима Федоровича под ручку домой и из дома на работу.

Когда мы познакомились, ему было уже за пятьдесят. Он всегда относился ко мне по-дружески и по-отцовски. Рассказывая о войне, о гибели своих товарищей, часто плакал.

Государственный экзамен по научному коммунизму в советское время сдавали все, даже в технических вузах. Это поднимало статус Вадима Федоровича Гурова. При этом ученый сан и научный коммунизм никогда не мешали Вадиму Федоровичу оставаться хулиганом. Он никогда не был воинствующим атеистом, как не был, впрочем, и ханжой. И читил то, что называется похабщиной, намного выше научного коммунизма.

Ярослав Турлай

Подполковник Ярослав Турлай отслужил в Афганистане дважды.

Сначала в 1981–1982-м — офицером автотранспортной службы 40-й армии. После первого Афгана его назначили командиром кадрированного батальона где-то в районе одесского лимана.

В кадрированном батальоне всего несколько офицеров и солдат. Он разворачивается только во время войны или больших учений.

Кадрированная часть просто губительна для молодого офицера. Я, слава богу, в такой не служил. Офицеры и прапорщики приходят на службу и от безделья спиваются.

Ярослав Турлай, сам непьющий и некурящий, устал со всем этим бороться. Он умолял кадровиков Одесского военного округа отправить его в какую-нибудь развернутую часть. Ему пообещали Чехословакию. Перед убитием к новому месту службы отправили его в отпуск. А когда вернулся, сказали, что в Чехословакии места нет, есть место в Афганистане...

Возвращаться в «сумасшедший дом» — кадрированный батальон — он уже не мог. Пришлось второй раз ехать в Афган.

Когда весной 1986 года подполковник Ярослав Турлай принял командование автомобильным батальоном в Шиндане, я прослужил в Афганистане уже более полугода. Мы с ним сразу же нашли общий язык и вскоре стали друзьями.

И горе, и радость делили на двоих. Доверяли друг другу самое сокровенное.

*«Есть что-то общее у тех, кто вырос и жил на Кавказе».
С Расулом Гамзатовым (в центре). 2001 г.*

Начальник политотдела бригады знал об этом. Он говорил: «Если командир подполковник Турлай просит замполита капитана Измайлова отменить политзанятия ради подготовки к рейсу, то замполит с радостью с этим соглашется. Их надо снимать обоим».

Месяца за четыре до окончания двухгодичного срока службы в Афганистане меня наконец «турнули» на армейский артиллерийский склад — замполитом. Правда, следом «турнули» и Турлая — командиром ремонтно-восстановительного батальона. И мы опять оказались вместе, теперь в Пули-Хумри.

...Как-то заместитель командующего 40-й армии генерал Маев приказал уничтожить деформированные снаряды от установки «Ураган». «Ураган» — это тот же «Град», но значительно мощнее. «Ураганов» было 24: двенадцать

фугасных и столько же объемных. Их должен был уничтожить подрывом офицер-инженер, но почему-то он от этого устранился. И тогда пришлось взяться мне.

Но я же не специалист. Четырехгодичное военное училище и то кончал экстерном за три месяца (да и те, как вы знаете, «проболтал», читая лекции в научно-исследовательских институтах Новосибирска).

Я вывез снаряды в ущелье и взорвал их все.

...Слава богу, никто не пострадал, только вылетели окна в казармах и магазинах Пули-Хумрийского гарнизона.

Подполковник Ярослав Турлай со своими подчиненными вставляли стекла. А командир пули-хумрийской автомобильной бригады полковник Владимир Сорокин (сын зам министра обороны Советского Союза генерала армии Михаила Сорокина) вызвал меня к себе в кабинет.

Слегка поругал... Приказал снять с меня все взыскания и... представить к ордену. (За другие заслуги, конечно. Просто так совпало.)

...Полтора года прослужил подполковник Турлай в Афганистане во второй раз. В отпуск не уходил, все тянул. Говорил, что уйдет в конце срока: «Возвращаться из отпуска в это болото очень трудно».

До отпуска дотянул, а когда вернулся и оставалось служить в Афгане совсем немного — погиб.

...Сейчас его детям уже под сорок. Они перешагнули возраст своего отца. Спасибо, Ярослав, тебе за совместную службу. «Да святится имя твое».

Майор Вячеслав Лукьянов

В конце сентября 1987 года в Афганистан прибыл мой сменщик майор Вячеслав Лукьянов. И в октябре я заменился. Майор Лукьянов был старше меня лет на восемь. До Афгана служил в Литве. Двое уже тогда довольно взрослых детей, жена из местных, из Литвы.

Почти год прослужил в Пули-Хумри. Уже вовсю шел вывод войск из Афганистана. Оставалось совсем немного — месяцев пять.

В августе 1988 года на артскладе в Пули-Хумри произошел взрыв. Погибли люди.

Во всем пытались обвинить майора Лукьянова. Он не выдержал — застрелился. ...Когда я отслужил в Афгане и уходил в Союз, Слава Лукьянов подарил мне брюки, гражданские, очень хорошие. Я их носил лет 25, пока совсем не порвались.

Аушев. Всегда востребованное мужество

Мы с ним одноклассники и даже родились в один месяц, в октябре 1954 года. В начале 80-х капитану Руслану Аушеву, тогда 27-летнему заместителю командира батальона в Афганистане, присвоили звание Героя Советского Союза. А через три года, после окончания военной академии, он — снова в Афгане. Теперь — начальником штаба 180-го мотострелкового полка в Кабуле.

Почему второй раз добровольно пошел в Афганистан? Официально нам говорили о том, что надо быть там, где от тебя требуется воля и мужество, готовность к самопожертвованию ради товарищей, ради Родины. И это было верно отчасти. Но подавляющему большинству побывавших в Афгане просто обрыдла эта мирно тлеющая советская жизнь. Кто хоть раз побывал на войне, тому этот мир кажется каким-то неправильным, нечестным. Кто-то там, на войне, остался, кто-то там «живет и умирает». Тебе кажется — там чище. Но это обман. Там, как правило, еще грязнее. Впрочем, грязь на войне далеко не ко всем прилипает — как и в мирной жизни...

В октябре 1986 года полк майора Аушева обеспечивал проход колонн техники через перевал Саланг. Одна из машин, подбитая моджахедами, горела и перегородила проезд другим. Воспользовавшись этим, моджахеда стали уничтожать оставшуюся колонну. В одной из машин был и я. Ехал на парткомиссию... за очередным взысканием. Как говорил мне, великовозрастному старшему лейтенанту, начальник политотдела: «Старик, тебя пора бы омолодить... в лейтенанты». Это мне напомнило известную офицерскую поговорку, предназначенную для таких карьеристов, как я, родившуюся задолго до Афганистана: «Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют».

Но с появлением Афгана нас стали посылать и за Кушку.

Вопреки воле начальства за мгновение до взыскания я успел прорваться в капитаны.

...Майор Руслан Аушев как начальник штаба вполне мог в том бою и не быть, а писать себе бумаги, всегда неотложные и очень нужные. Хотя бы планировать на картах боевые операции. Но он был в том бою на Саланге. Спихнул ту горящую машину с дороги и тем самым спас людей из проходящей колонны — ценной тяжелейшего ранения. Лечился в госпиталях и опять встал в строй. И его мужество снова было многократно востребовано...

В сентябре 2004 года он спасал детей из захваченной террористами школы в Беслане.

Здесь я упустил почти десятилетний срок его президентства в Ингушетии. Срок был тяжелейший. Он включал в себя конфликт в Пригородном районе и две чеченские кампании. После первой Россия на три года вышла из Чечни, оставив около 6 тысяч убитых и 1500 без вести пропавших и пленных солдат. А в созданной с помощью тупой и жестокой войны Ичкерии совершались разбойные нападения и похищения людей. Но вскоре одной Ичкерией эти набеги уже перестали ограничиваться, бандиты перекинулись на Дагестан, Северную Осетию, Кабардино-Балкарию, Грузию... Но, пожалуй, больше всего страдала родственная (вайнахская) Ингушетия. Нет ни одного сотрудника ингушских правоохранительных органов, родственник которого не был бы в заложниках в Ичкерии. Похищали и самих стражей порядка, а также военных, военнослужащих внутренних войск, офицеров спецслужб: пограничников, сотрудников регионального управления по борьбе с организованной преступностью и даже спецслужбистов, включая самих руководителей ФСБ Ингушетии. Бандиты не брезговали и стариками, женщинами, детьми, иностранными «врачами без границ», журналистами, бизнесменами и их женами. В этом плане ичкерийские бандиты были интернационалистами, лишенными «идеологической надстройки». Во главу угла они ставили экономику, правда, несколько своеобразную, с ичкерийско-бандитским уклоном: сначала деньги, потом — человеческий товар. Причем бандиты-интернационалисты чеченцев и ингушей похищали чаще, чем представителей других национальностей. «Товарооборот» в этом случае шел лучше (за чеченцев и ингушей их родственники платили быстрее, особенно за детей и стариков).

И в этой неимоверно тяжелой обстановке, когда политики, допустившие эту бойню, спрятались за кремлевской стеной, президент Ингушетии Руслан Аушев сумел сохранить свой народ.

На это от него потребовалось гораздо больше мужества, чем на войне. Мужества и виртуознейшей дипломатии.

Вячеслав Пилипенко

На смену полковнику Бенчарскому освободить заложников в Чечню прибыл полковник Вячеслав Пилипенко.

Он был довольно-таки молод. Лет на десять младше Бенчарского. Отец его был военным, служил в Азербайджане. И юность Славы Пилипенко прошла в Баку. Поэтому он больше, чем многие кавказцы, был заражен кавказской прытью. Его трудно было обуздать.

Он все делал с насюком. И с размахом. Дружил с генералом Шамановым. Встречался с террористом № 1 Басаевым и даже воспринимал его нравоучения: «Не бери взяток у чеченцев, за это они потом возьмут твою жизнь».

Лазил по горам вместе с ичкерийским начальником лагеря для российских военнослужащих Мовлади Раисовым (позже он станет замначальника департамента государственной безопасности Ичкерии).

Потом довольно-таки тучный Мовлади с присущей ему хитринкой рассказывал: «Я шел впереди, а Пилипенко, задыхаясь от горной болезни, еле плелся за мной».

Но результат был: это Слава обменял пятерых ичкерийцев на 32 пленников⁶⁰.

...После увольнения с военной службы Пилипенко оставался востребованным. В начале второй чеченской кампании был в заместителях у Николая Кошмана (*полпреда правительства РФ в Чечне*), потом возглавлял одно из ведущих управлений у Хлопонина в Северо-Кавказском федеральном округе.

...А мне на всю жизнь запомнился случай с освобождением заложницы Любы Панковой.

Лече Идигов, представитель Аслана Масхадова в Ингушетии, привез меня на переговоры с группировкой ичкерийского полевого командира Хункар-паши Исапилова.

Мне показали русскую заложницу, а взамен потребовали чеченца, сидящего за какое-то преступление.

Что же мне было делать? Взглянуть в глаза заложницы и уйти, неизвестно на какое время, может быть, на месяцы, а может быть...

Я сказал боевикам: «Не хочу быть подлецом, не знаю, удастся ли мне вернуть вам этого чеченца, но сделаю для этого все, что могу, а вы немедленно освободите эту женщину».

⁶⁰ См. главу 40.

Любовь Панкова. На этом фото — уже бывшая заложница. Февраль 1998 г. Ингушетия.

«Хорошо, забирай ее, — сказали боевики, — нам есть с кого спросить, если ты нас обманешь. Тебя привел Лече Идигов, с него мы и спросим, у него четверо детей».

Я позвонил во Владикавказ Славе Пилипенко. Попросил его приехать за заложницей. Слава в тот же день примчался в Ингушетию. Он был болен, мне пришлось перевязывать его спину.

Я рассказал ему, что вынужден остаться здесь, у Лече Идигова, чтобы боевики не тронули его и детей. То есть добровольно получил статус заложника. И добавил: «Ты возьмешь Любу Панкову — ее сестра и дочка в Ставрополе. Но вот этот чеченец мне нужен... Ты должен его освободить».

Через несколько дней Пилипенко сработал. Тот чеченец, которого требовали боевики, отсидел — кажется, за мордобой — две трети срока. Его удалось подвести под условно-досрочное освобождение. Слава Пилипенко вместе с работником прокуратуры привезли его на милицейской машине к границе Осетии и Ингушетии в район станицы Вознесенской.

*Во время обмена заложниками. Станица Вознесенская (Осетия).
Крайний справа — полковник Вячеслав Пилипенко.*

Он вышел прямо в тюремной робе и с сумкой, как у «челноков», и я пере-
садил его в другую милицейскую машину⁶¹. Дело в том, что ему — чтобы из-
лишние не будоражить сидевших с ним в тюрьме приятелей, да и его тоже —
сообщили, что просто переводят по этапу.

Когда пересекли границу с Ичкерией, я спросил его: «Ты знаешь, куда едешь?»
«В другую тюрьму», — ответил он.

«Домой ты едешь», — сказал я.

Домой теперь мог отправляться и я.

Пилипенко освободил меня от добровольного заложничества.

⁶¹ Машину любезно предоставил министр внутренних дел Ингушетии Дауд Корызов.

Лече Идигов

Лече Идигов — мой ровесник; может быть, на год старше. После избрания Масхадова президентом Ичкерии был его представителем в Ингушетии. Два с половиной года (с 1997-го до конца 1999-го) Идигов помогал мне в работе по освобождению людей. Подсказывал, с кем надо иметь дело, у кого находится тот или иной невольник.

Помогала мне вся его семья: жена Хава, дети. Я часто ночевал у них дома и прятал здесь спасенных заложников, ожидая вылета в Москву. Жили у Идиговых и мои спутники.

Лече и Хава очень переживали за меня. Лече часто был моей палочкой-выручалочкой, ведь полевые командиры не раз испытывали соблазн захватить меня в заложники⁶².

Но я его поддержку тогда почти не ценил. Моя голова болела о несчастных людях, которых я должен был вытащить из неволи.

Сейчас есть время многое переосмыслить и оценить.

Спасибо вам, Лече и Хава. Пусть ваше добро к людям поможет вашим детям и внукам...

Об офицерах «этнического отдела»

В помощь для работы по освобождению заложников мне давали офицеров спецслужб. Были среди них в основном офицеры Главного управления по борьбе с организованной преступностью из т.н. «этнического отдела» во главе с Михаилом Васильевичем Сунцовым. Я сотрудничал с возглавляемой им структурой четыре года — с 1997 по 2001-й.

Я далеко не всегда принимал позицию этого человека, но неизменно считал его великолепным профессионалом.

Были среди тех, кто работал со мной, и офицеры ФСБ и погранвойск. Они говорили очень немного, но их помощь всегда была эффективна.

⁶² Лече Идигов говорил со свойственным ему юмором: «Меня можно называть по-разному: «Лече, Лечи, Леча. Только не надо делать из меня базарское блюдо — Лечо. Хотя я его тоже люблю есть».

Работал со мной и нынешний министр внутренних дел Карачаево-Черкесии генерал Казимир Боташев (тогда он был капитаном). Нынешний генерал Виктор Булатов. Много помогали Вячеслав Данилов и заместитель Сунцова полковник Николай Пушняков (ныне покойный). Замечательный и очень добрый человек.

Но больше всего я работал с полковниками Исой Сургуевым, Сергеем Яковлевым и еще одним сунцовским заместителем — Владимиром Лошкаревым.

Яковлев и Лошкарев много раз ездили со мной на Северный Кавказ. С их участием были проведены силовые операции по освобождению из плена Анны Мирошкиной (из Мордовии) и Людмилы Игнатьевой (из Волгоградской области), а также вызволены их сыновья⁶³.

И Яковлев, и Лошкарев всегда были откровенны со мной и даже предупреждали о некоторых не совсем этичных по отношению ко мне действиях своего руководства.

1 декабря 1999 года мы вместе провели операцию по захвату Салавди Абдразакова — одного из похитителей людей, руководителя телефонной связи Ичкерии. Причем я не был инициатором захвата этого человека. Я вел с ним переговоры об освобождении заложников. Но я знал, что руководство ГУБОПа собирается меня использовать, что называется, втемную. И это мое знание было подтверждено полковником Лошкаревым. Он мне прямо сказал: «Слава, лампы приказали». Деваться было некуда, я не мог подвергать опасности сотрудников северокавказского СОБРа и работающих со мной офицеров ГУБОПа.

Абдразакова мы взяли, но с его арестом я потерял контроль над находящимися у бандитов заложниками: корреспондентом ИТАР-ТАСС Владимиром Ящиной и физиком Михаилом Курносковым. Оба они вскоре были убиты.

...Это как в той русской сказке: подходишь к камню, но все четыре дороги, указанные им, ведут к потерям. И по большому счету выбора у тебя нет. Ты вынужден делать то, что, как тебе кажется, приведет к наименьшему злу.

А что такое «наименьшее зло»? Знать бы...

Р. С. Михаил Васильевич Сунцов — давно уже пенсионер МВД. Осенью 1999 года наши отношения с ним сильно ухудшились после очередной моей статьи в «Новой газете» о взрывах домов в Москве. Он даже пожаловался на меня своему другу, заместителю главного редактора «Новой» Юрию Щекочихину. Юра ответил ему: «Вы оба хорошие ребята. Просто каждый из вас поступает

⁶³ См. главу 51.

С Юрием Шечокчиным и Исой Сургуевым (справа). Редакция «Новой газеты». 1999 г.

по долгу своего понимания профессии». Пребывание в постоянном конфликте не помешало нам проработать довольно слаженно еще в течение двух лет... Сейчас он возглавляет службу безопасности одной известной металлургической компании. Последний раз мы встречались с Михаилом Васильевичем в 2003 году на похоронах нашего общего друга Юрия Шечокчина...

Иса Сургуев

С полковником Главного управления по борьбе с организованной преступностью Исой Сургуевым я познакомился в 1997 году. Он был одним из тех, кого ГУБОП давал мне в помощь.

С ним мы сразу же подружились, дружим и сейчас, дружим семьями... Впрочем, нет уже моей Томочки и ее мамы Надежды Ивановны, но есть наши дети.

Руководитель «этнического отдела» ГУБОПа Михаил Сунцов знал о нашей дружбе и считал, что Иса делится со мной некой конфиденциальной информацией. Никогда этого не было. Хотя бы потому, что мне это было не нужно. Я сам являлся для Исы и ГУБОПа источником информации.

Был однажды такой случай. Под честное слово, данное ичкерийским бандитам, мы с Исой освободили семерых⁶⁴ заложников. Теперь нужно было изменить меру пресечения одному чеченцу с содержания под стражей (в Бутырке) на подписку о невыезде. Преступление не было тяжким и предварительное добро на «делку» уже было дано.

Причем этот человек не собирался меня подводить и убежать в Ичкерия. Впоследствии он и был осужден.

Кто-то в ГУБОПе написал бумагу начальнику Бутырки, но при этом почти в каждом слове сделал ошибки. Как сейчас помню, вместо села Бамут, откуда подозреваемый был родом, написали «из села Баламут»... Я позвонил Исе и сказал, что в его ведомстве работают идиоты: «Мы семерых вытащили, а они бумажку составить не могут!» Иса сам приехал в Бутырку и привез исправленную бумагу.

...Один случай окончательно убедил меня не только в его стопроцентной надежности, но и в такой же порядочности.

Было это где-то в октябре 1999 года. Руководство МВД решило арестовать ни в чем не повинного представителя Масхадова в Москве. Оснований для этого абсолютно никаких не было. Руководство МВД предложило полковнику Исе Сургуеву подбросить ему пистолет.

Надо сказать, что Иса — вместе с женой Беллой, пятью детьми и внуками — жил на съемной квартире в Москве. Его дом в Чечне был разрушен, а зарплаты едва хватало, чтобы оплатить аренду и кое-как питаться. Иса ждал, что ему дадут квартиру в собственность, но получение жилья полностью зависело от начальства.

Начальство, конечно, знало, кому предложить должностное преступление...

Но полковник Иса Сургуев делать подлое дело отказался.

Его сделал другой офицер и сразу же пошел на повышение.

⁶⁴ Изначально договаривались освободить троих, но я «раскрутил» бандитов на семерых.

Мовсар Хамидов

Мовсар — мой друг, полковник центрального аппарата ФСБ России.

Во время штурма Грозного, в последних числах декабря 1994 года, его, майора ФСБ, вместе с другом, капитаном милиции, захватило подразделение федеральных войск. Избили, а потом связанными забросили в кузов грузовой машины. Причем, как и других захваченных чеченцев, штабелями уложили друг на друга в несколько рядов. Друг его лежал в самом низу, и на нем — несколько тел. Он задохнулся. Вдовой осталась его жена, дочь федерального судьи Асланбека Сардалова, осиротели двое детей-школьников.

Мовсара и других, сильно контуженных, но оставшихся живыми, в пригороде Моздока бросили связанными в товарные вагоны. Через несколько дней умирающего офицера ФСБ узнал сослуживец. Мовсар Хамидов выжил. Его отправили на лечение в госпиталь, потом в санаторий.

Когда 6 августа 1996 года боевики вошли в Грозный, они штурмом пытались захватить Дом правительства и находящееся рядом здание управления ФСБ.

Военнослужащие 205-й мотострелковой бригады под командованием полковника Будко совместно с офицерами ФСБ, среди которых был и Мовсар Хамидов, больше двух недель, почти без пищи и воды, отражали этот штурм.

18 августа 1996 года генерал Константин Пуликовский, командующий Группировкой федеральных войск в Чечне, дал 48 часов для выхода гражданского населения из Грозного. Жена Мовсара Марет с пятью детьми, старшему из которых Магомеду было 8 лет, шли в сторону Ингушетии. Марет вела младших детей за руки, а грудного ребенка нес Магомед. До Ингушетии из Грозного почти 100 километров. Они дошли. Магомеда полностью оставили силы, он упал в обморок. Его долго лечили...

Сейчас Магомед — сильный молодой человек: отлично плавает, занимается единоборствами. В этом году я был со своими детьми на его свадьбе.

В мае 2002 года Мовсар стал вице-премьером Чечни, курирующим все силовые структуры республики, а в конце декабря того же года здание правительства было взорвано шахидом. Погибли люди, и среди них — сестра жены Мовсара. Сам Мовсар Хамидов был в очередной раз тяжело контужен. Его вернули в центральный аппарат ФСБ, а его место в правительстве Чечни занял Рамзан Кадыров.

Несколько лет назад новые начальники Чечни, среди которых и бывшие боевики, похитили полковника ФСБ Мовсара Хамидова в Грозном. Его избили, тяжело травмировали ногу.

Руководство ФСБ России эту выходку нынешних лидеров Чечни проглотило, умыв руки.

Сегодня Хамидовы: Мовсар, Марет и их шестеро детей живут в Москве, в квартире, которую много лет назад им выделила ФСБ России. Родительский дом Хамидовых в Ведено сожгли басаевцы еще в начале двухтысячных. Еле спаслась старушка-мать.

В неоплатном долгу перед... боевиками

Худой и высокий **Руслан Долов** часто сопровождал меня в поездках по Ичкерии. Официально он был водителем Лече Идигова. Но у Лече часто были неотложные дела, и я ездил по Ичкерии с Русланом.

Руслан не богатырь и черного пояса по карате у него нет. Но он преданный и надежный, и с ним было как-то спокойно.

Летом 1997 года он сопровождал меня с Эльвирой Николаевной Горюхиной, когда мы развозили гуманитарную помощь в детские дома и интернаты Ичкерии, детям с нарушением слуха, слабовидящим, в интернат для престарелых и душевнобольных... Да-да, пожилые умственно здоровые люди были в одном заведении с психически больными.

Мы тогда развозили гуманитарку с утра до глубокой ночи.

А эти поездки в стан боевиков к пленным российским пограничникам Игорю Лаверу и Александру Ковалеву?! Командир боевиков Сулейман Исмаилов предлагал нам с Эльвирой Николаевной остаться на ночь. Он сказал: «Вас похитят, а обвинят меня». Но Руслан был с нами. И мы поехали.

...С Русланом я ездил за пленными российскими солдатами, похищенными во время нападения бараевских банд⁶⁵. Руслан только пожимал плечами. Но что делать, сопровождал меня.

⁶⁵ Осенью 1997 года бандиты под руководством Арби Бараева напали на созданный незадолго до этого совместный ингушско-ичкерийский пост и захватили людей в заложники. Масхадовский министр внутренних дел говорил Бараеву: ты забрали оружие, но верните людей. А Бараеву было наплевать и на министра, и на Масхадова. Как говорил Дудаев: «Каждый чеченец сам себе генерал». Поэтому Бараев требовал за заложников деньги — 2 млн долларов...

А когда нас с Эльвирой Горюхиной басаевцы хотели взять в плен, Руслан срочно вызвал Лече Идигова.

А потом, в машине, после нашего освобождения, сказал: «Они бы вас не взяли, — и показал ручную гранату. — Все бы мы здесь погибли».

...Мать Руслана Долова чеченка, отец — ингуш. В последние годы он жил в Ингушетии. Женился, родились дети. Снимал жилье. Жена торговала на рынке, а он работал на стройке.

Лет десять назад «силовики» подбросили Руслану наркотики. Дали 10 лет. Сидел под Ставрополем. Иногда звонил мне. Говорил, в тюрьме хорошо кормят. Уже весит 135 кг. В сентябре 2017-го вышел. Ищет работу.

Аслан Адаев. Полевой командир из села Орехова Ачхой-Мартановского района, был в 1997 году начальником только что созданного совместного ичкерийско-ингушского поста.

...Я ехал в Ичкеррию с Эльвирой Горюхиной и главным оператором телекомпании «ВИД» Эдуардом Черняевым, мы везли гуманитарную помощь. Когда Адаев увидел меня, крикнул: «Слава, куда ты, тебя же похитят».

Аслан Адаев со своими ребятами сопроводил нас до Грозного, это было километров 90. Сказал: «Извини. Дальше не могу. Вот тебе автомат с полным магазином. Если будешь возвращаться, отдашь». Из вежливости я взял оружие. А когда через два дня снова ехал через его блокпост, вернул автомат нетронутым.

...Где-то через два с половиной года журналист одной известной российской газеты попал в заложники.

Когда журналиста освободили, он рассказывал мне, как сидел в яме в горах, а бандиты над ним издевались. А потом пришел «сильный и стройный парень» и спросил: «Ты знаешь Измайлова?» И когда несчастный пленник вымолвил: «Знаю» (хотя лично меня тогда не знал), сильный и стройный человек рассказал ему о том случае, когда я ехал в Грозный, а он со своими бойцами сопровождал меня.

Аслан тогда сказал пленному журналисту, что вынужден быть с этими похитителями: «Но не бойся, больше тебя никто не тронет, и ты будешь освобожден». И выполнил обещание.

...В августе 2002 года российское телевидение передало репортаж о том, что грузинские власти передали России четырех чеченских боевиков. Среди этих четверых я узнал одного, самого избитого. Это был Аслан Адаев...

Ваха Арсанов. В апреле 1997 года мы вместе с Юрием Щекочихиным и председателем Законодательного собрания Псковской области Юрием

Шматовым ездили на переговоры по поводу освобождения четырех российских солдат (один из них — из Псковской области). Были в администрации Ичкерии в приемной вице-президента Вахи Арсанова. Ко мне подошел полевой командир: «Ты, Измайлов, скажи спасибо Вахе Арсанову. Это он сказал: «В этого лысого майора не стрелять»⁶⁶.

Когда мы зашли к вице-президенту, я сказал Арсанову: «Спасибо. Я еще не раз буду обращаться к тебе за помощью в освобождении пленных». И обрадовался. Многие жизни были спасены.

Ваху Арсанова убили в 2005 году.

Лече Исламов. Он был криминальным авторитетом. Кличка Борода. Во время первой чеченской кампании сидел в тюрьме. В начале второй тоже сразу же сел — в «Лефортово». Поэтому был, что называется, не при делах. Он не был коронован вором в законе, но попытался присвоить себе это «звание». В промежутке между двумя чеченскими кампаниями сколотил собственную вооруженную группу — как любой уважающий себя чеченский абрек в то время.

Когда родители нашли ему нелюбимую невесту, в знак протеста женился в один день сразу на трех женщинах. И от каждой почти одновременно родились дети⁶⁷.

Когда ичкерийского муфтия Ахмат-Хаджи Кадырова в конце 1996 года вызвали на шариатский суд в Грозном, Борода единственный пришел (со своей вооруженной бандой), чтобы его поддержать. И Ахмат-Хаджи эту поддержку всегда помнил.

Помнил и тогда, когда стал главой администрации Чечни, а Борода — лефортовским узником.

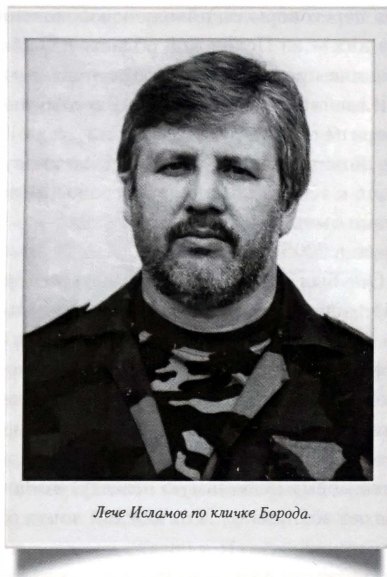
Я встречался с Ахмат-Хаджи много раз. И когда он был ичкерийским муфтием, и когда стал российским главой администрации Чечни, и когда был президентом.

Так вышло, что в 2000 году у нас с Ахмат-Хаджи появилась общая задача по освобождению Лече Исламова.

Как-то во время нашей беседы один на один (в «Президент-Отеле» в Москве) Кадыров-старший сказал: «Почему ты гарантируешь своей головой, что в случае помощи со стороны Бороды в освобождении заложников ты

⁶⁶ Подробнее — в главе 33.

⁶⁷ Но любил он только одну — Луизу Устарханову. Она была разведенной, и у нее был сын от первого брака. Она и Лече родили совместного ребенка. Об участии Луизы в освобождении Светланы Кузьминой я писал в главе 41.

поможешь ему? Ты что, генеральный прокурор, председатель Верховного суда?»

— Клянусь головой. Потому что у вас в Ичкерии из всех частей тела особенно выделяют голову. И бандиты ее отрубать очень любят.

Да, я не прокурор и не судья, но прекрасно знаю технологию «делки».

Лече Исламова обвиняют в участии в незаконных вооруженных формированиях и похищениях людей. За это ему хотят влить 20 лет. А моя задача, чтобы он получил меньше 10 и помог мне в освобождении заложников, а дальше будем просить о помиловании или условно-досрочном освобождении.

Его участие в вооруженных формированиях не вызывает сомнений, и я сам готов это подтвердить. Но Лече никогда не похищал людей. Я просто знаю всех, кто этим занимается.

...Как-то Масхадов послал его в Старопромысловский район Грозного, в дом, который принадлежал и. о. министра внутренних дел Ингушетии Дауду Коригову. Здесь содержались под охраной два невольника — офицеры Северо-Кавказского РУБОПа Шапкин и Шартанов. Но Лече Исламов помог им в побеге...

Нодар Дуишвили, родной брат моего армейского друга Нугзара и давно уже сам мой друг, по моей просьбе стал адвокатом Бороды.

Суднад Лече Исламовым состоялся в Краснодаре. Я выступил на нем в качестве свидетеля. Свидетельницей была и освобожденная с помощью Бороды активистка женского движения Самары Светлана Кузьмина, которая провела в плену 2 года и 2 месяца.

Исламову дали 9 лет за участие в незаконных вооруженных формированиях. И несмотря на все усилия ФСБ, статья о захвате и удержании заложников была снята.

Казалось, мы победили, но при «следовании к месту исполнения приговора» Лечу Исламова отравили. Он умирал на руках своего адвоката Нодара. Похоже, что отравили крысиным ядом. Это была мучительная смерть. Волосы сыпались, кожа лопалась, все тело покрылось язвами⁶⁸...

...Человек должен нести наказание только по суду. Это один из основополагающих принципов демократического государства. У нас, в демократической России, убивают и в тюрьмах, и на свободе.

Я в неоплатном долгу перед многими, некоторых и назвать не могу... Только о мертвых уже можно не бояться говорить.

Сайд-Али Сатуев. Летчик гражданской авиации, Сайд-Али был очень сильным физически, но при этом очень скромным и... психически больным. У него случались приступы шизофрении.

Еще в 1991-м, когда Ельцин объявил о чрезвычайном положении в Чечне, в знак протеста Сатуев угнал гражданский самолет в Турцию. Вместе с ним был молодой террорист Шамиль Басаев.

Ельцин тогда отменил чрезвычайное положение, а Турция вернула самолет с пассажирами.

Сайд-Али Сатуев и Шамиль Басаев стали героями Ичкерии.

Но Сатуев, имевший к тому же большое влияние на президента Дудаева, никаких выгод из этого не извлекал. Потому что материальное было для него делом десятым.

⁶⁸ А через год такой же смертью, с теми же симптомами, умирал заместитель главного редактора «Новой Юры» Щекочихин, наш Щекоч.

Мне он, как мог, помогал в освобождении пленных.

Как-то после одной встречи с ичкерийскими полевыми командирами, затянувшейся до глубокой ночи, Сайд-Али пригласил меня к себе домой.

В доме все было скромно, но очень чисто. Сайд-Али послал свою русскую жену к соседям, чтобы занять немножко денег и накормить гостя.

Потом во дворе мы с ним играли в нарды. На небе ни облачка, и звезды яркие. Он посмотрел наверх: «Ты видишь ту звезду, которая ярче всех горит? Вот и иди за ней. Ведь твое дело очень нужное. Тебе будут мешать и «ваши», и «наши», а ты не останавливайся и как бы не замечай их...»

...Безобидного Сатуева «силовики» захватили в начале второй чеченской кампании и убили...

Иной читатель теперь, возможно, скажет: «Да у автора что-то вроде стокгольмского синдрома». Нет, если синдром, то гриневский. Помните Гринева из «Капитанской дочки»? Когда он увидел пойманного и заточенного в железную клетку Емельяна Пугачева, то испытывал к нему сочувствие и... благодарность.

Сироты чеченской войны

В советское время в школах-интернатах Чечено-Ингушетии училось довольно много детей из благополучных семей.

В интернатах был очень сильный преподавательский состав. Ученики получали добротные знания по предметам, в них воспитывали самостоятельность, уважение к человеку другой национальности, любовь к чистоте и порядку...

Я пишу об этом уверенно, потому что лично знаю многих выпускников и воспитателей интернатов.

В постсоветский период многое изменилось. Военные действия 1994–1996 гг. унесли десятки тысяч человеческих жизней.

В школы-интернаты Чечни теперь попадали в основном дети-сироты.

...Летом 1996 года детишки и их воспитатели отдыхали за пределами Чечни: кто в санаториях Кабардино-Балкарии и Кавказских Минеральных Вод, кто на Каспийском и Черном морях.

Но вернуться домой в августе не смогли. Весь август 1996 года в Грозном шли серьезные бои.

Детей и воспитателей 2-й грозненской школы-интерната временно приютили в Наурском районе Чечни.

Вместе с детьми в это тревожное время был и директор интерната **Асламбек Дамбаев**.

Впрочем, тревожные времена для детей-сирот Чечни и их воспитателей продолжались всю первую и вторую чеченскую кампании. И в промежутке между ними.

Когда я привозил гуманитарную помощь в Ичкерии, обязательно находил и воспитанников Дамбаева.

Находил их то в Грозном, на улице Киевской, то за пределами Чечни — когда детей удавалось в очередной раз вывезти от войны подальше.

Поздней осенью 1999-го я их нашел в Ингушетии. Со мной тогда были Эльвира Горюхина, зам главного редактора «Новой» Сергей Соколов и английская журналистка из «Таймс» Алиса Ланьядо.

Перед нами предстала такая картина: двухъярусные кровати для воспитанников (как в плохой солдатской казарме из прошлого века) стоят в полухолодном помещении; за детьми присматривают голодные и давно не получавшие зарплату воспитатели и их директор Асламбек Дамбаев, больной и усталый, обнимающий двумя руками то ли печку-буржуйку, то ли электробатарейку.

Но даже самоотверженность, с которой работали воспитатели детских домов и интернатов Грозного, не могла спасти всех детей-сирот разрушенного города.

Их подбирали добрые женщины. В семейном детском доме медсестры **Хадиджат Гагаевой** было более 50 детей, а у **Берланд Касаевой** — более 40...

Русские женщины проявляли не меньшую самоотверженность. Московская журналистка **Галина Маштакова** вывозила детей-сирот из воюющей Чечни. Некоторых усыновила сама, других — ее подруги⁶⁹. **Мария Андреева** не только взяла опеку над детьми из Чечни, но и добилась для них жилья.

Огромную помощь в деле устройства чеченских детей оказала **Мария Кирил-**

⁶⁹ Когда пришла беда и Галина Маштакова умерла, над детьми формально взяла опеку ее подруга, но они остались жить с Галиной старенькой мамой и несовершеннолетней дочкой...

ловна **Симонова**, дочь писателя Константина Симонова, работающая в Фонде защиты гласности.

Нельзя не сказать о последнем советском председателе Федерации футбола Чечено-Ингушетии **Алихане Ахильгове**. Он отправлял детей-сирот из Чечни в испанские, бельгийские, американские семьи... Некоторые там и оставались. Совместно с «Новой газетой» несколько лет проводил акцию: «Поможем детям Чечни провести зиму». В осенне-зимние месяцы чеченские дети жили в семьях по всей России.

Я не искал в этом деле помощи, она сама меня находила в лице замечательных людей.

Михаил Кригер — небогатый предприниматель из Москвы. Он не только помогал деньгами и продуктами. Вместе со мной сопровождал по Москве 50 детей из семейного детского дома Хадижат Гатаевой.

Всегда были открыты депутат Госдумы **Галина Васильевна Старовойтова** и последний советский министр нефтяной промышленности **Саламбек Хаджиев**, известный предприниматель **Малик Сайдулаев**, народный артист СССР **Махмуд Эсамбаев**, журналистка **Алиса Ланьядо**...

Петра Прохазкова ради помощи чеченским детям оставила свою журналистскую профессию...

И конечно, очень много сделала **Нелли Константиновна Логинова** — известная журналистка *той* «Комсомольской правды», *той* «Литературной газеты»... Ее квартира в центре Москвы на Страстном бульваре, в районе кинотеатра «Пушкинский», была приютом для многих, в том числе для детишек из Чечни и вывезенных мною из плена заложников.

«Откуда ты брал средства?»

Меня часто спрашивают: откуда ты брал средства? В основном помогали простые люди, редко — политики или небогатые предприниматели...

Находили меня через газету и давали какую-то гуманитарную помощь. Кто конкретно давал?

Сергей Алексеевич Гончаров — председатель ветеранов «Альфы». Когда он впервые позвонил и попросил прийти, я был чем-то занят. Он позвонил повторно и сказал: «Когда, товарищ майор, вы придете? Вас полковник вызывает».

С Сергеем Гончаровым, председателем ассоциации ветеранов «Альфа». 1997 г. Фото Ксении Бондаревой.

И пошло-поехало. Много, много раз...

Аднан Эльдарханов — доктор технических наук и его жена Ирина — предприниматель. 14 тонн продуктов для солдатских матерей, а также для детей-сирот Чечни в июле 1997 года были именно от них.

Аднан и Ирина помогали мне постоянно. Они мои друзья на всю жизнь.

До войны Аднан преподавал в Грозненском нефтяном институте. Когда разбомбили аудиторию, он продолжал учить студентов... в своей машине. Когда разбомбили Грозный, Аднан и Ирина с тремя сыновьями-подростками приехали в Москву. Снимали квартиру. Первое время Аднан с сыновьями подрабатывали грузчиками на вокзалах столицы. А когда немного встали на ноги, стали помогать другим людям...

Николай Московченко — бывший военный летчик, депутат Мосгордумы. 6 тонн продуктов от мэра Юрия Лужкова мы с Московченко отвезли в Ичкеррию

в апреле 1997 года. Помощь предназначалась солдатским матерям. Уже в дороге я ему сказал: «Нас в Ичкерии могут не понять, если мы повезем помощь только российским женщинам. Давайте половину груза отвезем им, а половину — во 2-ю школу-интернат Грозного». Он правильно меня понял, и мы вернулись в Москву невредимыми. Там, в Ичкерии, Николай Московченко проявил характер офицера, заставив боевиков, которые нас сопровождали, разгружать вместе с нами продукты.

За два года до этого киллер пытался его расстрелять в упор в лифте дома. А он уклонялся и... считал пули, выпущенные в него. Бандит растерялся и побежал. Тяжелораненый Николай — за ним, но, обессиленный, упал. В больнице его выхаживала медсестра, впоследствии ставшая его женой. Сейчас их дочке уже за 20.

Виктор Мосин — небогатый предприниматель из подмосковной Шатуры. Имел магазинчик в Москве на Гоголевском бульваре — в здании комитета ветеранов Ве-

ликой Отечественной войны. Но в душе Витя не был предпринимателем. Был он Божий человек. Думал только о том, как помочь бедным людям, детям. Помогал в моих поездках в Чечню. По моей просьбе разместил почти 50 детей из семейного дома Хаджат Гатаевой в подмосковном санатории, пока она оформляла им документы для поездки в Литву по приглашению.

Осенью 1997 года у Вити родился третий ребенок — девочка. А он собрался ехать со мной в Чечню на собственном ЗИЛе с 6 тоннами продуктов. Отказать ему я не мог, отказов он не принимал. Но так как жена его только вышла из роддома, я вынужден был соврать ей. Он, говорю, в Чечню не поедет, а только до Ростова.

Мы поехали в Чечню. Вдвоем. За рулем Витя. Я ему говорю: ты глухонемой, и здесь, «по Россин» — с милицией, и в Чечне с боевиками буду только я разговаривать.

Когда добрались до Ичкерии, нас встретил мой друг Лече Идигов.

Я никогда не совмещал доставку гуманитарной помощи и работу по освобождению заложников. Всегда было сложно, и можно было не выполнить ни того, ни другого.

Но тут Лече меня пригласил на встречу с вице-президентом Ичкерии Вахой Арсановым.

Я говорю Лече:

— Когда я выйду, ты задержишься и скажи, что, мол, Измайлов — святой человек, он военный и его начальники не любят, а он помогает нашим детям. Давай, мол, ему сделаем подарок и отдадим пленного российского солдата.

(Речь шла о рядовом железнодорожных войск по фамилии Химичев.)

И это сработало. Когда привезли солдата в Москву, начальник Управления воспитательной работы Минобороны генерал-полковник Виталий Азаров послал за нами свою машину. Его подчиненные позвонили маме рядового Химичева в Воронежскую область, чтобы встречала сына.

Офицеры собрали ему на дорогу деньги, продукты, купили билет на поезд и отвезли на вокзал.

Это был чуть ли не единственный случай моего единения с руководством российской армии в деле освобождения заложников. И я был счастлив.

...А Виктор Мосин из-за меня обанкротился. Правда, он так не считает. Сначала он превратился из предпринимателя в московского таксиста, потом... просил займы даже у безденежной Эльвиры Горюхиной. Потом, когда его, мягко говоря, «попросили» из дома, стал... старостой разрушенной церкви в чеченском селе Самашки...

Послесловие

Миру не хватает переговорщиков

Я не просто рада, что есть книга Вячеслава Измайлова. Я счастлива. Уверена, что появление этой книги важно для всех нас. И для Измайлова прежде всего. Он всегда испытывал потребность сказать спасибо всем, кто был рядом с ним.

В проговаривании нуждался приобретенный опыт. Как правило, не артикулированный опыт обладает способностью съесть своего носителя. Потребность высказаться порождает особый драйв текста. В нем нет длиннот. Автор не задерживается даже на значимых эпизодах, если они тормозят взятый разбег. Если сбивают ритм.

Феноменальная память Измайлова сохраняет все детали. Я никогда не видела его записных книжек. Похоже, их не было вовсе. Память удерживает не только людей и события, но и время. Да, да, время происходящего. Точность — до минуты.

Поразительно, как удалось Вячеславу Яковлевичу сопрячь свою военную биографию с собственно жизнью. Теперь, кажется, мы знаем о нем все. Но сказав это, мы совершим ошибку. Например, кто может определить профессию Измайлова? Никто.

Мой любимый Чеслав Милош считал, что его цель как писателя состоит в погоне за реальностью. Так вот, в части погони за реальностью равных Измайлову трудно найти.

На мою долю выпала редкая возможность принять участие в этой погоне. Заметьте, не реальность настигала его. Он добровольно гнался за ней. В этом выборе был свободен, как, впрочем, и во всем другом. Оттого и была высока

плата за выбор. В привычных формах жизни он находил такие неожиданные ходы, которые никому бы в голову не пришли.

Исходный мотив всегда был один — **спасти человека**.

Наша встреча описана буднично просто. «Эльвира Николаевна подошла... попросилась в поездку... я отказал... напросилась со мной в поездку».

А на самом деле... Шел седьмой год моих блужданий по горячим точкам. Бродила сама по себе. Кто-то потом назовет это странничеством. Может, так оно и было. Но в 1997 году попасть без аккредитации в Чечню было невозможно. Единственное, что я знала: майор Измайлов из «Новой газеты» едет в Чечню с гуманитарным грузом. На дворе 16 июля. В этот день попадаю в Сахаровский центр на презентацию книги Светланы Алексиевич «Чернобыльская молитва». Вдруг вижу Измайлова. И тут же: «Возьмите меня!» Отказ. Более того, выступая в обсуждении, майор рассказал о недоумках, которые просятся в Чечню, не зная, что там происходит. Имя мое не назвал, потому что не знал.

Измайлов незаметно выходит. Я — вслед: «Разрешите вас сопровождать». Ответ: «Если нечего делать, идите». И так молча — до газеты. А в кабинете Измайлова тьма беженцев и прочего люда. Сажу на краешке стула четвертый час подряд. Вдруг резкий голос: «Ваш паспорт! Заносу в полетный лист. Жду завтра в шесть утра. Опоздание невозможно». Вот и познакомились.

Оказалось, он видел, как я разговариваю с чеченками. В этом весь Измайлов: он виртуозно делает одновременно несколько дел и составляет план на грядущее. Его мышление охватывает не одно звено в цепи явлений, а всю цепь разом. Никогда не знаешь, какой модус тебе определен. Поездки (а их было немало) никогда не повторяли друг друга. Каждый раз он учитывал то, что Толстой называл **«склад обстоятельств»**, а они на войне меняются неожиданно быстро.

Однажды он меня предупредил: «Если я начну делать что-то дикое, не вздумайте мне мешать!» Он — величайший стратег и игрок. Вычислял все компоненты возможных последствий своих действий и действий соперника.

Книга следует главной стратегии: мы можем не знать, где идет бой, за какую высоту, но мы запомним юношу, который покончил жизнь самоубийством. Никогда не забудем латыша Эглитиса, погибшего от шальной пули. Запомним слезы полковника Бенчарского о российских матерях, которым он не сумеет вернуть детей.

Не забудем тех, кто совершал невозможное.

В оценках собственной деятельности Измайлов беспощаден. До сих пор испытывает чувство вины за то, что не сумел кого-то освободить.

Счет его времени всегда определялся особым календарем. Спрашиваю, где будет встречать Новый год.

— Его не будет, пока не освобожу Светлану Кузьмину.

Читаем: «А эти поездки в стан боевиков в плен к российским пограничникам Игорю Лаверу и Александру Ковалеву?»

...Какие судьбы молодых людей ломались. Ломались центральной прессой (провокационная статья в «Комсомолке»), депутатами, которые, сидя в плюшевых креслах, продлевали сроки пребывания в горячих точках, ломались дурацким командованием и, наконец, страхом за то, в чем ты неповинен. Я и сейчас думаю, что история этих двух пограничников — настоящая шекспировская драма.

Что стояло за сменой веры? Что стояло за сменой дома? А за сменой Имени? Наконец, расстрел, который не состоялся.

...Вот стоят два чеченца: один Лече Идигов, наш друг, чей дом разгромлен, второй — Султан Исмаилов из семьи полевого командира. Они говорят нашим пограничникам, что под знаком веры надо родиться. Человек волен в выборе, но не надо уходить от шанса вернуться домой. «Вы обрели свой дом здесь, но он и там, где ты родился. Это проверено веками и не одним поколением».

Мы с Измайловым еще не раз увидим Игоря Лавера. Его возьмут в заложники. Он будет освобожден. Никогда не увидим Сашу Ковалева. Он погибнет.

Как не вспомнить измайловское «запомни это»!

Что запомни? Подлежащее запоминанию не подлежит словесному определению, вот в чем дело.

Только вопросы: «Где мы?», «Кто мы?», «Что с нами происходит?»

Я не случайно вспомнила Толстого. Измайлов сам толстовский герой. Не говорю уже о других совпадениях.

Есть в книге глава «Они одинаково дрожат и потеют...». Почти парафраз из «Войны и мира». Помните? Николай Ростов увидел вблизи своего врага, французского драгуна с дырочкой на подбородке: «Так они еще больше нашего боятся», — думал он».

Бог ты мой! Все одно и то же, все едино. В чем же тогда прогресс цивилизации?

У Измайлова врожденное чувство меры. Нарушение пропорциональности явлений ощущает мгновенно. Это не раз спасало нас в чрезвычайных обстоятельствах. Вот подступает отчаяние, и вдруг раздается... смех.

...Наш ослепительно белый «Мерседес»-грузовик уже засветился на дорогах Чечни. Мы отчетливо ощутили хвост. Но выехать за пределы психоневрологического интерната не можем. Обитатели интерната, оценив наш дар, закрыли ворота на замок. А ключи то ли потеряли, то ли спрятали. Смех Измайлова вернул больным здоровую реакцию: ключи отыскались. Смеховая реакция позволяла Измайлову обнаружить прорехи в самой драматичной ситуации. Он и цеплялся за них. И все-таки не совсем понятно, как он выдерживал заданный им самим темп жизни. Знал, что только на этих скоростях возможна удача?

А теперь самое главное: мир усложнился по многим бытийным и небытийным статьям. Иногда сложно понять, кто твой враг, а кто друг. Вячеслав Яковлевич безошибочно отделял террориста от просто бандита, террориста от человека (волей судьбы или случая), оказавшегося по другую сторону баррикад. **Дар переговорщика — главный дар Измайлова.** Была свидетелем переговоров с людьми, недостойными переговоров. Так мне казалось. К тому же это было опасно.

Но чудо состояло в том, что включенный в сложный процесс освобождения заложника, так называемый «недостойный», логикой спасательного действия постепенно становился **другим**. По мере новой для себя деятельности он освобождался, насколько это было возможно, от кабальной зависимости своего патрона, от ложных стандартов. Он обретал свой собственный путь. Таких, обретших свою дорогу чеченцев я знаю немало.

Если сегодня кого-то и не хватает миру, так это переговорщиков.

Р. С. Однажды пожаловалась нашему водителю по Чечне Руслану:

— Ну что это такое? Майор и только майор, наш Измайлов! Могли бы и повысить в звании!

— Вы ошибаетесь, мадам. Что такое, например, полковник Измайлов? Звание и только. А майор Измайлов — это уже высший знак почета, дарованная привилегия, все равно что «сэр Измайлов»!

С прекрасной книгой, сэр Измайлов!

Эльвира Горюхина

Подписано в печать 02.02.2018

Формат 170x220 мм

Бумага мелованная.

Печать офсетная, усл. печ. л. 9

Тираж 1000 экз.

Заказ № 130

Набор: Екатерина Воробьева

Художник: Петр Саруханов

АНО Редакционно-издательский дом «Новая газета»

101000, Москва, Потаповский переулок, д. 3.

Тел.: +7 (495) 926-20-01.

ISBN 978-5-91147-029-6

9 78 5911 470296 >

Вячеслав Измайлов

Афган и Чечня. Война и война. Майор Измайлов знает, чем они отличаются и до чего же они похожи. Его дневник — лучшая прививка от болевого синдрома «борьбы за мир».

После Афгана майор мечтал больше не видеть войны. Но когда грянула Чечня — пошел туда, чтобы спасти. Пошел вслед за мальчишками-призывниками. И берёт — от своих и чужих.

Потом ему довелось вытащить 174 человека из плена чеченской войны. Как он это сделал и как он выжил, находясь под прицелом с обеих сторон, — трудно представить. Но в этой книге — все подробности.